

A scenic landscape featuring a river in the foreground, lush green fields, and a line of trees in the background under a clear blue sky. The text is overlaid on this background.

Владимир Назаров

**ПЕСНЬ И ПЛАЧ
МАТЕРИ-ЗЕМЛИ**

книга первая

Назаров В. П. Песнь и плач Матери-Земли. В 2-х кн. Книга 1 –
Верхний Тагил: Уральское Провинциальное издательство
(ИП Чумаков С. В.), 2019.

Подготовлено на основе оригинал-макета печатного издания

Знак информационной продукции 12+

UUID: e37878fa-1646-4206-afd1-7b088abf3e8f

Авторский экземпляр

В книгу журналиста и фотографа-натуралиста вошли очерки и статьи о природе Среднего Урала и Ханты-Мансийского Автономного Округа (ХМАО-ЮГРА), созданные им за 50 лет литературного творчества.

В своих произведениях он воспекает «мудрость» и красоту Природы и, в то же время, показывает её хрупкость и уязвимость. Автор слышит её стон, её плач от неграмотного, потребительского и грубого обращения с ней и призывает бережно относиться к окружающему нас миру.

Издание богато иллюстрировано фотографиями автора.

Редактор: Чумаков С. В.

Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

© Назаров В. П., текст, иллюстрации, 2019

© Составление, оформление. ИП Чумаков С. В., 2019

© Электронное издание. ИП Чумаков С. В., 2019

ИП Чумаков Сергей Викторович, Свердловская область, г. Верхний Тагил

e-mail: uralizdat@bk.com, сайт: <http://uralizdat.ru>

группа в соцсетях: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Владимир Назаров

ПЕСНЬ и ПЛАЧ
МАТЕРИ-ЗЕМЛИ

книга первая

УРАЛЬСКОЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Верхний Тагил
2019

*Посвящается внучке Анечке, внуку Дениске
и всему юному поколению России!*

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Предисловие	7
На речке детства	10
Берёзы	12
Мороз, иней и... сова!	12
Таёжный урман – её дом	16
Черёмухи белый цвет	21
Гроза над полем	22
Роса на траве	24
Щедрость июля	25
Грибное царство	26
«Бессмертный» кедр	27
И клёв проголодавшихся окуней...	28
Незабываемы встречи с гадюкой	30
Мои встречи с птицами	34
Дятловы праздники	37
Синичкина песня	39
Дроздёнок	40
Кукушки на проводах	41
Турухтан, курухтан, драчун!	43
Юганские «чик-чирики» и «чир-р-ры»	47
В зимней тайге... Почти сказка!	49
Серебряный иней	51
Утро над зимовьем	54
Голубой день	56
Студёная парча и шпалеры весны света	57
Голубой день... Конец зиме!	58
Снежная чаша	60
Зеркало марта	60
Берёзовые «свечи»	61
Мартовский ручей	62
Художница-зима	63

Весеннее чудо	66
Первоцветы Севера – зов Красоты!	67
Калужница – над водой!	68
Неженка	71
Одна заря спешит сменить другую...	72
Цветы лета	74
Обские... синеглазки	75
Таинственные жители земли	78
В пору летнего разнотравья	82
Рябиновые светофоры	92
Петрович, олигархи и ночной костёр	94
Лемпинский Дерсу Узала	97
Весна воды на острове Пим	106
Остров Пим. Междуречье...	113
Диво на... сухарине	121
Живые... «огоньки»	125
Летающий цветок голубянка	128
...И стрекозы над водой!	131
Живи, обская жаба!	138
Любовь моя... Вероника	143
Зелёный кладезь Сибири	146
Сады цветов: княжик сибирский	149
Летний праздник пушцы	152
Цветёт в пойме Оби дёрен!	156
Ольховый сказ Земли	159
Лесная нимфа – изящная одноцветка	165
Дремлет над обрывом дремлик	168

ОБ АВТОРЕ

Страстный природолюб Владимир Поликарпович Назаров родился 14 марта 1943 года в посёлке Красноярка Серовского района Свердловской области.

Через шесть лет семья переехала в обыкновенной теплушке за семьдесят километров на железнодорожную станцию Сотрино, куда назначили начальником станции отца – Поликарпа Фёдоровича Назарова. Здесь же работала и мама любознательного мальчика Ольга Петровна. С раннего детства с отцом-железнодорожником в свободное время Володя уходил на речку Сотринку, приток реки Сосьвы, удил рыбу, ночевал у костра, собирал грибы и ягоды. Помогал родителям косить сено, копал огород, убирал картошку и овощи.

Маленькая железнодорожная станция на ветке Серов-Алапаевск-Свердловск затерялась в североуральской тайге! Во все стороны тянулись сосняки, кедровники, ельники; тайгу пересекали обширные клюквенные болота; в борах вызревала крупная сочная брусника. Медведи, лисы, зайцы бродили совсем недалеко от человеческого жилья, тетерева и рябчики жили тоже рядом. Нередко цыплят и утят утаскивали какие-то хищные птицы...

Сельская школа располагалась в трёх километрах от деревянного домика Назаровых, построенного прямо в бору, на лесной гриве. Так что и на уроки Володя бегал через лес! Частенько – на лыжах!

Почти нетронутая уральская природа 50-х годов прошлого столетия сформировала у подростка, а потом и у юноши страстную любовь ко всему живому, цветущему, зеленеющему, летающему, бегающему и ползающему! Первые заметки о природе Володя Назаров начал писать класса с шестого-седьмого; примерно в это же время родители купили ему первый фотоаппарат «Любитель-2». Потом его постепенно сменяли «ФЭД-2», «Зенит», цифровая аппаратура.

Даже в рядах Советской Армии не расставался Владимир с фотокамерой. А потом были годы учёбы в Уральском государственном университете, своя семья (у В. П. Назарова две дочери, подрастает внучка), долгие годы работы в местной прессе на Среднем Урале и в городе Нефтеюганске.

И всегда на страницах городских, районных, окружных, областных газет охотно публиковались заметки, лирические зарисовки, серьёзные экологические статьи уральского и обского «Василия Пескова» (так называли и называют читатели и коллеги своего местного журналиста-природолюбца В. П. Назарова).

С 1985 года Владимир Поликарпович живёт в ХМАО-ЮГРА. И даже уйдя на пенсию, он не расстаётся с лесом, с обскими поймами, с фотоаппаратом и рюкзаком. Тесное общение с природой очень помогает ему быть здоровым, активным, настоящей творческой личностью! Работы члена Союза журналистов России Владимира Поликарповича Назарова неоднократно отмечались первыми призами, дипломами и премиями на окружных экологических конкурсах, во многих газетах и журналах, с которыми он сотрудничает. Например, в общероссийском журнале «Экология и жизнь»...

И ещё одно серьёзное увлечение журналиста – персональный компьютер и Интернет. На винчестерах хранятся все его газетные и журнальные статьи, тысячи и тысячи фотоснимков северной природы. В том числе сделанных и на «ФЭД-2» в окрестностях маленькой железнодорожной станции Сотрино, где и выросла глубоко в душе у юноши страстная любовь к природе.

*Александр Сергеевич Боголюбов,
руководитель экологического центра «Экосистема»,
кандидат биологических наук, профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! В своих руках вы держите уникальную книгу известного журналиста Владимира Поликарповича Назарова, где воедино собраны его основные этюды, рассказы и статьи о природе Севера и о людях этого сурового края.

Все работы автора пронизаны поэтическим воспеванием Природы и... воплем о её защите. Защите от варварского отношения к богатствам российских лесов и её недр. Никто не спорит: нефть, газ, лес, рыба нужны нам ежедневно, но не такой же ценой, как это добывается сейчас. Вот этими вопросами, взаимоотношениями в цепочке Человек-Природа, и пронизано всё творчество журналиста. Через все его этюды красной нитью прослеживается горячая любовь автора к природе своего края и к её сбережению не только для нынешнего, но и для последующих поколений россиян.

Природу Владимир Поликарпович любит во всех её проявлениях: солнечный весенний денёк на обских просторах и зимнюю стужу в тайге, яркие краски осени и летние туманы росяного утра.

Творческая личность В. П. Назарова – этого самобытного художника слова – связана с особой чувствительностью к любому настроению жизни, к её равнодушию, она обратная сторона обострённого восприятия её красоты и глубины, тоски по гармонии и совершенству. Окружающие леса, луга, озёра, даже болота и сам воздух в произведениях В. Назарова так чудесны, что дышат фантастикой, сказкой. Всё творчество этого певца Севера, будь то этюды о природе или статьи на злобу дня, проникнуто глубоко личным, выстраданным чувством. Владимир Поликарпович, как истинный художник, умеет обнаруживать белые пятна там, где карта, казалось, давно и густо заполнена всеми географическими данными. Эти белые пятна – новое, то новое, что открывается читателю через творчество автора о природе своего края, столь любимого им Севера.

Посмотрите, с какой любовной непосредственностью автор повествует о речке своего детства, об озерах, о таёжной жизни, об острове Пим: иначе, как шедевром, писательским даром эти его этюды о природе не назовёшь.

Размышления автора этюдов и статей у таёжного костра, в охотничьей избушке, да и просто во время одиночного пребывания в глухой тайге о жизни вообще и о месте растений, животных и человека в природе, об их тесных и сложных взаимоотношениях носят философский характер. У автора этой книги есть своя стройная философия Природы. Во всех своих произведениях он убедительно иллюстрирует её основательность и правоту и в то же время показывает её хрупкость и уязвимость. Автор слышит её стон, он слышит её плач от неграмотного, варварского, потребительского и грубого обращения технарей и обывателей с ней, с природой.

И через всё своё творчество Владимир Поликарпович Назаров лейтмотивом проводит мысль о целостности биосферы нашей планеты, где центральной фигурой является ЧЕЛОВЕК! А отсюда и вывод делает о необходимости бережного отношения к Матери-Природе.

В творчестве В. Назарова именно поэзия становится доминантой прозы: лиризм, нюансы настроения, музыкальность фразы, мелодия повествования – в них сосредоточено всё обаяние стиля этого, я бы сказал, самородка Севера.

Отличный мастер пейзажа, Владимир Поликарпович Назаров уверенно владеет и искусством психологических описаний. Неважно о ком он пишет, будь то известный фотохудожник В. М. Песков или почётный мостостроитель А. А. Якубчик, пенсионер – неутомимый краевед А. Н. Пискунов или старый рыбак и охотник Ф. П. Колодин – везде тончайшие чувства, малейшие движения человеческого сердца, едва заметные волнения души возбуждают с особой силой авторского внимания. Он описывает своих героев очерков с такой любовью и с такой тщательностью, с какой зарисовывает розовые облака в закатный час или лесную чащу в предчувствии грозы. Мечтательность автора и его философия передаётся через его героев нам, его современникам, его читателям.

Книга В. П. Назарова замечательна и тем, что, помимо своей художественной ценности, она имеет ещё и большой воспитательный потенциал: она поможет молодому поколению Нефтеюганска ближе узнать особенности и красоты своей местности. Эта книга должна стать настольным посо-

бием не только для школьников и учительства города, но и для всего его взрослого населения.

По сути, это ПЕРВОЕ пособие на Севере по конкретному региону. Первопроходцам всегда трудно. Теперь энтузиасты – учителя биологии, географии, экологии пусть подхватят эстафету. Пусть продолжат с учениками изучение своего края и, главное, внесут свою лепту в благородное дело воспитания экологически грамотной личности.

Сейчас во всех средствах массовой информации усиленно звучит мотив воспитания у подрастающего поколения чувства патриотизма к своей Родине. И это совершенно правильно. А ведь воспитание патриотизма к своей Родине, к России, начинается с воспитания любви и гордости к своему краю. Полюбить же свой край можно только тогда, когда его знаешь, изучишь. А узнаешь его тогда, когда протопоешь его из конца в конец, и делать это надо в школьные (самые восприимчивые) годы. Вот он, этот замкнутый круг воспитания патриотизма. И называется этот круг ЭКОЛОГИЧЕСКИМ КРАЕВЕДЕНИЕМ. Нельзя забывать, что не все школьники станут биологами, математиками, физиками, а вот патриотами России должны стать ВСЕ! И здесь очень кстати окажется книга журналиста-эколога-краеведа Владимира Поликарповича Назарова.

Это издание, в первую очередь, должно адресоваться учителям, руководителям кружков внешкольного образования, школьникам, любознательным туристам и просто любителям природы сурового, но вместе с тем прекрасного края, каким является Нефтеюганск и его окрестности.

*Александр Меркер,
действительный член Русского Географического общества,
отличник Народного просвещения Российской Федерации.*

На речке детства

Чёрная просмоленная долблёнка тихо скользит по глади воды, между корягами и затопленными стволами деревьев. Их мёртвые ветки чуть колышутся от набегающей волны.

Отец гребёт маленьким веслом то справа, то слева. Лодка движется небольшими рывками. Я заглядываю вниз, за край борта. Тёмная вода, пахнувшая тиной, размокшей древесиной, гнилью, почти не пропускает лучи закатного солнца. В моей руке шнур от дорожки, рыболовной снасти, тянущейся за лодкой. Иногда я его слегка подтягиваю, чтобы блесна со шчучьим тройником не ушла вглубь и не зацепилась за топляк.

Становится прохладно. Вскоре мы выбираемся на берег этого старого и большого пруда, образованного плотиной в верховьях небольшой лесной речки. Цветёт черёмуха, горьковато-сладкий аромат разлит повсюду.

Вечерняя зорька угасает, но уже жарко пылает костёр, и варится в котелке вкусная уха из окуней, чебаков, ершей. Рыбу мы наловили с отцом на простые удочки прямо с лодки. Клёв под вечер был удачный. Правда, на дорожку щука не взяла, но мы на ночь в тихой заводи поставили две новые жерлицы. Рыбки, насаженные за спинки на тройники, ещё тихо ходят под водой, и толстая леска, намотанная на черёмуховую рогульку, чертит след на чёрной глади заводи.

Возможно, под утро на какую-то жерлицу попадётся большая щука.

А пока мы устраиваемся спать. Отец наломал кучу мягкого пихтового лапника, устроил небольшой шалаш рядом с костром. Постелив на пахучие пихтовые ветки старый брезентовый плащ, мы ложимся. Потрескивают догорающие головёшки. Сон смыкает веки, усталое тело просит отдыха.

...Просыпаюсь от звучных шагов отца. Небо ещё едва брезжит, а двухкилограммовая щука уже прыгает по мокрой траве, шлёпая хвостом.

– Едва не сорвалась! – взволнованно говорит отец, подкладывая сухой валежник в оживающий костёр. Над прудом бродит клочьями седой туман, тихо угасают в небе звёзды. И снова я ощущаю тягуче-медовый запах цветущих черёмух.

На дворе – конец мая, скоро черёмуха отцветёт. К середине августа на черёмуховых кустах появятся крупные и глянцевито-чёрные сладкие ягоды. И я буду срывать их горстями и отправлять в рот, не разжёвывая косточки.

И ещё предвкушаю аромат сваренных в ведре смолистых кедровых шишек, за которыми люблю лазить на могучие вечнозелёные деревья. В начале августа кедровые орешки ещё не спелые, как бы молочные. Возьмёшь в руки отваренную шишку и лущишь её понемногу у костра или сидя на берегу возле удочки. Орешки так и тают во рту...

Натягивается тугая леска, а поплавок уже ушёл стремительно под воду. Резкая подсечка, и я выбрасываю на прибрежный песок полосато-зелёного с красными плавниками крупного окуня.

Счёт рыбе пошёл уже на второй десяток. И я радуюсь удачному клёву, прекрасному новому июньскому утру, радуюсь даже хищно набрасывающимся комарам. Значит, пришло наконец-то долгожданное лето, и впереди два-три месяца моих одиноких скитаний по густо заросшим черёмухой берегам Сотринки, речки моего детства, затерявшейся в непроходимых лесах Северного Урала.

Благословенная пора! Ей в этой жизни уже не вернуться...

Берёзы

Великие художники Левитан и Куинджи оставили нам полотна, в которых прославили красоту русской берёзы. О «берёзоньке кудрявой» издавна пели на Руси, слагали стихи. Да это, пожалуй, не удивительно: с рождения и до смерти житель России был неразлучен с берёзой, которая, то в палисаднике, то на околице, то в лесу, нашёптывала ему что-то трогательное, задумчивое, бесконечное...

В моей памяти – далёкое детство. Мать в праздник Святой Троицы приносила в нашу простую деревянную избу пахучие берёзовые ветки, украшала ими горницу. Дом наполнялся густым и сладковатым запахом вянущих листьев и горьковатым – коры.

И ещё – сенокос. В густой берёзовой тени мы спасались от зноя, обедали и отдыхали.

Многое хранит память: и шорох сухой бересты, и треск пылающих берёзовых поленьев, и светло-зелёный туман, в который окутывается каждую весну берёзовая роща. В ней, берёзе, всё мило сердцу: скромная красота и повседневная нужность человеку.

Мороз, иней и... сова!

...Идти спозаранку зимним морозным утром нам, железнодорожным мальчишкам, в деревенскую начальную школу в крошечной уральской деревушке Еловой надо было километра за три, по лесной извилистой дороге, тёмной и страшной. Сбивались тесным гуртом, запаливали мазутные факела и с криками и свистом отравлялись на занятия.

Приходили почти ледяными сосульками – и сразу к горячо натопленной печке. Школа была старая, деревянная, двухэтажная, и печи здесь топились в сильные морозы по несколько раз в сутки.

В начале 50-х годов прошлого века в северной таёжной уральской глуши тепло для нас, плохо одетых пацанов, означало жизнь, как и скудные лепёшки из полугнилой картошки, которыми нас снабжали в путь бедные наши матери.

Школьные занятия шли в две смены, а зимние вечера были столь же непроглядными и стылыми, как и утра. Возвращались мы на свою маленькую железнодорожную станцию Сотрино тоже обычно ребячьей ватагой. Класе в пятом обзавелись сделанными отцами лотками-самокатами: внизу широкая обледенелая доска, скользящая по заснеженной санной дороге, вертикально – ещё одна, с рулём; а впереди на доске – сиденье из лёгких дощечек. Ехали попеременно: один отдыхал на этом жёстком стульчике, другой гнал лоток по санной колее, отталкиваясь от неё то правой, то левой ногой. С высокой горки наша самодельная техника мчалась сломя голову. Но после обильного снегопада особо тяжело давалась такая езда – взмокнешь не раз!

Иногда приходилось идти домой из школы пешком, вдвоём-втроём... И тогда ледяная мгла, и настороженная тишина засыпанных снегом сосен, елей и кедров поселяли в маленьких сердчишках некую тоскливую тревогу.

Однажды я услышал впереди, за поворотом лесного просёлка, непонятный шум: что-то слитно шелестело или даже хрустело в морозном воздухе, однообразно и мерно, постепенно приближаясь и усиливаясь в звуках. И, наконец, всю дорогу перед нами загородило большое стадо домашних гусей, которых еловские колхозники гнали со станции на будущую ферму. Птицы нисколько не замёрзли...

Потом, весной, их отпустят нагуливаться на широкий и глубокий еловский пруд, из которого и вытекала моя любимая речка детства Сотринка – приток полноводной Сосьвы.

Так до конца десятилетки я и проходил на занятия в две смены. Году в 1955-м построили в наших краях небольшой посёлок деревообработчиков с ДОКом, больницей, домом культуры, школой-десятилеткой, тоже деревянной и двухэтажной, но более просторной по сравнению с той старой, деревенской... А также мои родители самостроем возвели приличный домик прямо на лесной гриве, метрах в двухстах от железнодорожной станции Сотрино: там и проработали почти всю свою жизнь отец и мать.

Покосившийся этот домишко и сейчас жив, но брошен, как и другие подобные жилища, зияющие тёмными провалами глазниц-окон.

Посёлок деревообработчиков Красноглинный и сама станция Сотрино захирели: 25-километровый подъездной путь к соседнему посёлку лесозаготовителей Первомайскому недавно разобрали, рельсы сняли... ДОК сейчас работает на привозном сырье, как и другие подобные предприятия Серовского района Свердловской области. Возят лес-кругляк аж чуть ли не с берегов самой Оби! А окружавшая нас в детстве тайга вся повырублена на север и восток, до самой реки Лозьвы, сожжена лесными пожарами...

Один, максимум два в сутки вагона с тощающими на глазах пиломатериалами отправляется отсюда сегодня по железнодорожной ветке Серов – Сотрино – Сосьва – Алапаевск – Екатеринбург...

За десять лет тесного общения с природой невольно в душе вырабатываются какие-то поэтические струнки!

...Прекрасный, великолепный январский Орион сияет слева от меня на бархатно-тёмном морозном небе. А над моей головой – Большая Медведица с Полярной звездой! Множество других ярких звёзд-огоньков рассыпано по этой небесной полусфере! Одна быстро движется – спутник! Тогда, в конце 50-х, настоящим чудом было увидеть рукотворное небесное тело!

Пояс Ориона из трёх ярких звёзд наискосок вонзается в зимнюю тайгу, он словно тетива гигантского охотничьего лука...

Остановливаясь на лесной дороге. Вот уже взошла полная луна и осветила мертвенным светом весь заиндевевший берёзовый колок на краю колхозного поля. Ни ветвей, ни стволов отсюда не различить: какое-то затуманенное облако, сливающееся с серым саваном безбрежных снегов. Днём же, помню, оно сверкало и цвело невообразимыми красками-радугами, здесь полно было отдыхавших красногрудых снегирей.

Но что это? Широкою серою тенью туда, к полю, скользнула в воздухе большая птица, совершенно бесшумно, как привидение... Видимо, она сидела вон на той большой сосне, прислушиваясь к писку полёвок, снующих под снегом. Да это же сова, может быть, даже полярная!? Белое её оперение днём сливается с белизной сугробов и заснеженных макушек деревьев, а ночью, на охоте, бедным грызунам её и вовсе

не увидеть, не услышать! Смерть им приносится сверху – стремительно, бесшумно! Только взметнётся вверх снежное облачко над лункой-норой полёвки.

Долго стою, слушаю... Никого... Тишина... Будто и не было крылатого привидения!..

Живя вот уже более четверти века в ХМАО-ЮГРА, я многое узнал о совах, не раз видел их в полёте: обычно весной, когда лёд только сходит с рек и озёр, а болота и леса ещё голы и пустынно.

В нашем округе обитает девять видов сов: белая (полярная) сова, филин, ушастая сова, болотная сова, мохноногий сыч, воробьиный сычик, ястребиная сова, длиннохвостая и бородатая неясыти. Большинство видов осёдлы, лишь белая сова – кочующая. Все совы моногамны, гнёзда обычно строят в дуплах, нишах, на земле, деревьях, в старых гнёздах других птиц.

Совы молчаливы и скрытны. Только в брачный период можно услышать, например, уханье таёжного филина или бородатой неясыти. Все девять видов плотоядны, уничтожают грызунов – вредителей сельского хозяйства.

Совы – одни из наиболее полезных видов птиц и подлежат всемерной охране!

Увы, редок стал в югорской тайге добрый сказочный филин, не увидишь уже возле наших городов и посёлков воробьиного сычика, бородатую неясыть, ушастую и белую сову, мохноногого сыча.

Критическое загрязнение среды обитания многих птиц наблюдается по всему земному шару. Последние дни 2010 года были отмечены странными событиями – массовым мором птиц и рыб в разных уголках планеты. И происходит ещё более удручающе-медленное, но всё прогрессирующее вымирание тысяч видов животных и растений! Думается, это грозный предвестник трагедии и для самого человечества!

...И всё же надежды не стоит терять: не так давно впервые за многие годы содержания полярных сов на станции юннатов в Сургуте одна из самок снесла два яйца. Всего в минизоопарке станции живут две пары этих редких в ХМАО-ЮГРЕ белых, или полярных, сов.

Значит, и в неволе они способны размножаться!

Автор (слева) с братом Леонидом и мамой Ольгой Петровной.
Станция Сотрино, 1950 г.

Автор (второй слева) с братом Леонидом и отцом Поликарпом Фёдоровичем Назаровым (крайний слева). Ж/д станция Дровяное, начало 1950-х гг.

Автор (справа) с братом и мамой. Ж/д станция Сотрино, середина 1950-х гг.

В Висимском заповеднике. Первая половина 1980-х гг.
Слева направо: А. Н. Пискунов, В. П. Назаров, А. Н. Зайцев.

Таёжный урман – её дом

1

По правому берегу небольшой уральской таёжной речки Сотринки раскинулись обширные великолепные кедровники. Огромные колоннады деревьев вольно устремлялись в небо, почти смыкая там свои густые тёмно-зелёные кроны. Сумрачно и прохладно было внизу даже в жаркие июльские дни. Толстый покров жёлтых игол, мёртвые мшистые коряжины упавших от старости великанов, седые лишайники, свисавшие длинными бородами с нижних засохших ветвей кедров и елей, куртинки зелёного мха на солнечных прогалах и высокие бледные стрелки-стебли лесной травы там же – всё это молчаливо свидетельствовало, что человек сюда никогда не приходил с топором и пилой...

Ленточный приречный древний кедровый бор тянулся, как и сама Сотринка, с севера на юг с добрый десяток километров, чуть ли не до впадения таёжной речушки в широкую и полноводную Сосьву – красавицу нашей североуральской природы.

Начав свой бег на северном водоразделе Уральского хребта, Сосьва сначала сноровисто бежит среди красивых гранитных утёсов и скал, покрытых лесом, и только потом (после города Серова), вырвавшись на свободу, плавно и широко стремится изумрудной струёй на восток, чтобы там соединиться с Тавдой, Турой и самой Обью...

В детстве я по берегу Сотринки доходил иногда до Сосьвы, а один раз даже смело переправился один-одинёшенек через неё на старой чёрной деревянной долблёнке, брошенной рыбаками. И лодку мою снесло далеко вниз сильным течением...

В конце июля – начале августа я с малолетним братишкой уходил в тот девственный заповедный бор за первыми смолистыми кедровыми шишками... Молочно-белые, мягкие и сладкие, орешки так и таяли во рту!.. Но сначала надо было добраться до вершин громадных деревьев, щедро увешанных там крупными и тяжёлыми тёмно-коричневыми дарами тайги. И сбить палкой, как-то стрясти эти ещё вызревающие «чортовы шишиги».

Из-за них-то, проклятых, я всегда уходил из тайги в царапинах, синяках, перемазанный густой липкой смолой. А братишка как-то раз, не добравшись и до середины ствола кедра, камнем ухнул вниз – спасла мальчишку только толстая моховая дерновина!

Безопасно и ловко взобраться по бугристо-шершавому толстому, внизу совершенно голому, без веток, стволу вековечной сибирской сосны – дело очень непростое, требующее смелости, сноровки, ума, расчёта и не дряблых мышц. Лучше всего на кедровую верхотуру лезть худому и поджарому, но мускулистому и сильному пацану. Примерно таким я и был в 12-14 лет!

Время созревания кедровых орешков («забав» – по Далю) – праздник не только для людей, но и многих птиц и животных! Пока ты, потный, усталый, лезешь и лезешь вверх, кажется, по бесконечному стволу, весь облепленный древесной трухой, мошками и комарами, кедровки и белки уж всю пируют там, на поднебесных хвойных нивах.

Сверху, с высоты десятиэтажного дома, раскидистые, разлапистые «главы» кедров словно сливаются воедино, и ты, маленький и беспомощный, качаешься на ветру, накрепко обвив руками такую спасительную, родную, но тонкую и хрупкую вершинку дерева; тебя словно убаюкивают торжественно-величавые, мощные волны этого бесконечного и безбрежного моря тайги, теряющейся, словно тающей в синей мгле ускользящего куда-то горизонта.

Помню, я ни за что не спешил взяться за работу – поскорее сбивать шишки; с полчаса, а то и больше висишь над бездной, с радостью и удивлением оглядывая почти что сказочную таёжную округу. С земли её такой никогда не увидеть! Волнуется, колыхается наравне с тобой зелёное хвойное море, поёт весёлый ветер в соседних вершинках; иногда прилетит и сядет на отягощённую плодами ветку кедровка и примется сноровисто расклёвывать приглянувшееся пузатое (и ещё всю родящееся!) «шишко» – плотнотяжёлое смолистое тело, дитя этого кедра.

А вот весёлой парочкой, одна за другой, проскакали не-вдалеке по вершинам молодые рыжие белки. Рассыпались кто куда – и вот уже каждая держит во рту полную добычу!

– Эй, проказницы! – кричу им. – И для меня нарвите побольше шишек!

Шумный порыв ветра относит мои слова в сторону; но и белок уже нет: то ли почудились мне пушистохвостые, то ли куница поблизости объявилась...

А однажды на треск ломаемых мною кедровых веток с шишками пришёл лесник и, невидимый, долго ругался во тьме нижнего лесного яруса...

...Всё было в детстве, но больше хорошего! И запомнился мне пуще всего этот свободный полёт души и тела на самых высоких вершинах ритмично и упруго раскачивающихся двухсотлетних кедров, где я чувствовал себя почти как в «материнской колыбели»!

2

Теперь мне на полвека больше!..

На кедровые шишки не лазаю – собираю у мохового подножия, куда ветер сам отрясает их...

Однако в наших пойменных островных лесах настоящих плодоносных кедров немного, а белок ещё меньше. И всё же они живут тут!

...В начале третьей декады августа 2008 года я подошёл к давно знакомому месту: рыбацкому бивуаку на берегу Девкиной протоки. Широкая зелёная поляна, окружённая берёзками, осинками, старое пепельно-чёрное кострище, разный хлам вокруг... Тишина, одиночество... Протока обмелела, рыба ушла в Обь, до которой отсюда не более пяти километров разделяющей нас поймы. На фоне её и светлого облачного неба строго рисуется профиль молодого стройного кедрового дерева, смело подошедшего к самому обрыву крутого берега водоёма.

Спускаюсь мимо него к воде по натоптанной рыбаками глинисто-песчаной тропинке. И слышу за спиной громкое беличье цоканье!.. Вот так раз! Да, это она, таёжная гостья, уютно расположившаяся всем телом вдоль одной из толстых веток посередине дерева. Длинные зелёные щётки кедровой хвои чуть заслоняют её мордочку, но можно рассмотреть, что это большая старая белка с продолговатым облезшим пятном на боку (не заросла ещё рана от когтей хищника или убийственного браконьерского дробового заряда?); в передних лапках она держит обшелушенную крупную шишку и искоса поглядывает на меня.

– Привет, белка! – негромко говорю ей. – Сейчас, пожалуйста, никуда не убегай – я тебя сфотографирую крупным планом.

Отхожу метра на два, снимаю рюкзак, достаю оттуда телеобъектив и навинчиваю на свою «зеркалку». Всё, готово! Где белка? Ага, на месте! И не шевелится даже, не меняет позы! Странно как-то!..

Не менее полусотни кадров нащёлкал я минут за десять, что рыжая позировала мне; с разных точек, в фас и профиль... И везде попадали в видоискатель её живая мордочка с крупными чёрными глазами и пушистый хвост, красиво закинутый на спину...

Потом, рассматривая дома снимки незнакомки, я отчётливо видел на её боку этот большой шрам, тянувшийся сверху вниз, позади левой лопатки!..

Я верю в предчувствия. И тогда, в послеобеденный час на протоке Девкиной, и в комнате у компьютера сердце моё тревожно ворохнулось, словно это меня так исполосовали!..

До сих пор вспоминаю ту старую и как бы ручную белку; почему она среди бела дня вышла на открытый простор трассы ЛЭП-500 и этой поляны с краю, почему выбрала одинокий, всем видимый кедр, когда налево за просекой был сравнительно густой старый кедровник? Можно предположить, что эту белку кто-то привёз из дома на легковушке и выбросил прочь, как старую износившуюся вещь! Многие годы зверушка, бодро прыгая в клетке, радовала малых ребят этого изверга, и вот... Или болезнь и рана совершенно до этого дикой белки были причиной её «бесстрашия»?

Прискакала... умирать? На воле?..

Стреляют же браконьеры, не взирая и на пустой желудок зверька... Выгоняя его на морозе из тёплого гайна с помощью собаки лайки... Добытчику не важно ничего, кроме кряжа, хорошей шкурки!

До сих пор в охотничьей литературе существует классификация русских кряжей: уральский, северопечорский, центральный и западный; среди группы западносибирских кряжей особо различают: обский и томский. Есть ещё группа восточных кряжей белки: амурский, забайкальский, якут-

ский, ленский, енисейский и алтайский, существует даже кряж белки-телеутки.

Ещё в бытность СССР в сфере меховой торговли был разработан и утверждён правительством пушно-меховой стандарт. И шкурки бедной нашей белки (живой звериной души!) по этому стандарту делятся на 17 «кряжей» в зависимости от региона их добычи, окраски, способа съёмки и правки шкурки... Наверное, и сейчас обская белка там не на последнем месте!

...Всегда радостны и волнующи мои встречи с любознательной проказницей – рыжей белкой в наших островных лесах!

– Здравствуй, моя дорогая белочка! – всегда я мысленно говорю ей. – Ты прекрасна! Живи и наслаждайся летним теплом, светом, влагой, всеми звуками и красками этого необъятного и ещё совсем не познанного нами Божественного мира!..

Белка с кедровой шишкой. Берег протоки Девкина. 2001 г.

Белка. Лесная дорога возле правого берега протоки Сырой Аган. 2006 г.

Черёмуха цветёт, июнь 2008 г.

Соцветие черёмухи, июнь 2014 г.

Черёмухи белый цвет

В непролазных черёмуховых зарослях по берегам лесных речек и озёр в щедрую светом и солнцем пору начала лета от зари до зари щёлкают, раскатываются неутомимые соловьи.

Я люблю проводить у воды эти прекрасные, полные очарования и поэзии вечера! Душистые, ароматические волны накатываются от цветущей черёмухи, весело журчит на перекатах серебристая речная струя, а поплавок удочки дремлет на чёрном зеркале тихой заводи.

В кустах медовых соцветий черёмух настоящий пир: вьются разные мушки, подают басовитый голос шмели, пляшут в воздухе бабочки, невидимо трепещут крылышками, зависла над жемчужно-белыми лепестками жёлто-полосатая оса.

Освещённые закатом солнца хороши черёмуховые кусты. Они будоражат твою память...

...Помню детство. Вслед за пришедшей запоздалой весной счастливейшие рыбалки. Гудение рыжих тощих комаров, туго натянутую и косо уходящую в чёрно-зеркальную воду лесу, а над водой белый туман черёмухового цветения. Маленькая речка детства, сколько поэзии, сколько прекрасных чувств подарила ты! И как мне теперь не хватает слов и образов, чтобы выразить необъяснимое это твое очарование!..

Домой я приносил зеленовато-красных окуней, а с ними вынимал из сумки чудодейственный эликсир здоровья: свежий запах речной глубины, дым костра и горькие вянущие ветки черёмухи.

Помню юность. Тяжёлую армейскую машину, длительные командировки по отдалённым воинским подразделениям. Мы проезжали пыльными просёлками мимо сёл, деревень и деревушек, и ветер доносил до нас до боли знакомый дух русских селений – запах хлеба, смолистого дерева, земли. И ещё к нему примешивался густой, как мёд, аромат цветущей черёмухи. Черёмуха цвела на задворках и на улицах, в огородах и палисадниках. Белая кипень её цветов была похожа на взбитые хлопья пены, окутавшие этот зелёный мир. Мы въезжали в черёмуховое цветение, как в

необыкновенный молочный туман, и нам, оглохшим в машинном рёве, всё казалось сказкой. Так и осталось в памяти незабываемое колыхание ароматических волн...

И сейчас, в пору зрелости, я не могу заглушить в себе страстный зов души в чудесную пору обновления земли. И скорее спешу туда, где звонко поёт речная струя и склонённые над зеркалом воды черёмуховые кусты щедро сыплют лепестками. Черёмуха, черёмуха... Никогда мне не забыть твой белый туман.

Гроза над полем

...Издали, в лесном коридоре, оно показалось весёлое и нарядное, сияющее необыкновенно чистой и ровной желтизной. Я подошёл поближе: это было заброшенное поле, давно не паханное и не сеянное, и теперь густо заросшее какими-то невысокими растениями-кустикками. От них вдруг дохнуло приятным горьковато-цветочным ароматом. «Да это сурепка, – вспомнил я когда-то читанный ботанический атлас, – что-то вроде сорняка...».

Свежий ветер пробежал над живым ковром, всё поле заиграло и запереливалось золотистыми волнами, которые докатывались до затенённой солнцем стены леса, образуя удивительный контраст тёмно-зелёного и ярко-жёлтого. «Будто драгоценная чаша в малахитовой оправе» – мелькнуло сравнение.

Высоко в знойном июньском небе парил коршун. Жара предвещала грозу. Над западной частью горизонта уже темнела громадная туча, набухая дождём. И только в зените неровные, быстро смещающиеся края облаков ослепительно сверкали расплавленным серебром, источая нестерпимый свет. Ветер усиливался, все соцветия сурепки быстро раскачивались, будто исполняя какой-то экзотический танец. Крепко впившись корнями в зазубренную сухую землю, каждое растение гнало вверх жёсткий и твёрдый зелёный стебель, который на середине кустился, неся шесть или семь метёлок соцветий, поражающих обилием мелких, но душистых лепестков.

Звенело, страстно и не переставая, множество невидимых глазу жаворонков. Будто перед грозой пели и цветы, и лес, и это далёкое от человеческих селений поле. Но вот тёплые серые комочки упали откуда-то с неба и зависли над кустиками золотистой сурепки. Некоторые жаворонки вились над самым полем, перепархивая от цветка к цветку и наполняя окраину неумолчным пилением. Другие, часто трепеща крылышками, поднимались вертикально и зависали метрах в четырёх-пяти над землёй и также громко славили жизнь. Но их сносило сильными порывами ветра, и птицы вдруг падали в цветы, и снова упрямо, свечой, поднимались к тревожному тёмному небу, казалось, вкладывая в песню и этот полёт все силы своего маленького птичьего тельца.

Предгрозовые облака громоздились по всему небу, кое-где иссиня-розоватые, будто раскалённые изнутри, и я увидел, что над лесом осталось лишь небольшое голубоватое окно, из которого прямым широким водопадом прорывались к земле лучи, заливая тёплым мягким светом всё летнее благоухающее цветение. А в напряжённом, наполненном электричеством воздухе беззвучно бушевала метель из летящего вокруг осинового пуха. Но вот где-то оглушительно ударил гром, и первые крупные капли дождя шумно хлестанули по золоту цветов сурепки. В тот миг, когда пришёл ливень, вдруг показалось, что вся живая природа свободно и облегчённо вздохнула, что все деревья, растения, птицы и звери обрадовались сверкающему, всполошному, сотканному из толстых водяных струй, дождю.

До нитки промокший, один среди затуманенного и вдруг притихшего, словно бы придавленного стихией поля, я также молча наслаждался упоительным счастьем человека, которому один, от силы два раза в году дано увидеть и ощутить прекрасное смятение в природе.

Все жаворонки попрятались в траву и, видимо, отдыхали, готовились к новому концерту. Но не долга июньская гроза – и скоро тучи ушли в сторону, и мириады алмазных капелек вспыхнули на солнце. Новым обжигающим блеском засияли чисто вымытые дождём цветы. Пернатые певцы покинули свои убежища и взвились в небо, чтобы громче прежнего восславить красоту и щедрость мира своими напряжённо-страстными переживаниями и трелями.

Роса на траве

... Тёплое летнее утро. Ещё довольно рано, а я уже бреду в сумрачной глубине зелёного царства, и мне в лицо дышат сном и покоем свежие росные травы. Волны лёгкого голубоватого тумана едва заметно шевелятся на влажных лесных прогалинах, прячась в укромные елани от горячих лучей июльского солнца.

С каждой минутой лес всё более пробуждается, сильнее поют птицы. Вот вспорхнула с цветка разноцветная бабочка-крапивница, дремотно прогудел шмель и с размаху шлёпнулся в переплетения стеблей цветущей лесной герани.

В тенистой низинке раковые шейки образовали густой островок, и дальше, на солнечных полянках, вся зелень луга словно исписана розоватыми, белыми, сиреневыми мазками чьей-то волшебной кисти. Прекрасны цветы в утреннюю пору! Не шевельнутся густые, мохнатые соцветия-колосья, каждое из которых по-своему значительно, весомо и объёмно. Они то прямо и горделиво смотрятся в чистую голубизну неба, то изящно загнулись причудливыми колбасками, склонились живыми семафорами, словно приветствуют тебя праздничными флажками. Нагибаюсь поближе и зажмуриваю глаза от жгучего, колкого посверкивания: мельчайшие бисерные капельки росы, почти этакая алмазная пыль, преломив лучи восходящего светила, зажгли на многочисленных тычинках-волосках крошечные жаркие солнца. Светящийся радугой ореол жил всего мгновение-другое... То тут, то там вспыхивали и гасли на листьях и цветках острые лучики света.

Как хотелось в те минуты, чтобы это утро, подарившее мне всю свою прелесть и поэзию, никогда не уходило...

Щедрость июля

Июль... Буйство трав и запоздалая комариная ярость. Над заливными лугами, где ветер рябит воду, с сухим треском проносятся стрекозы, стремительно сталкиваясь и догоняя друг друга. Над осокой, над зелёной тиной по вечерам затевают игру некусачие болотные комары.

Короткими ночами в избах душно, липкий пот обливает тело. Хорошо в такую пору ночевать на копне свежего сена. Ночь развесила рваный полог над лесом, в прорехи заглядывают крупные звёзды, таинственно мерцают в озере. Тьма наполнена неведомыми звуками и запахами. Вдруг прокричит какая-то ночная птица или послышится плеск воды. В детстве, бывало, замрёт сердчишко, и станешь вслушиваться, вглядываться в едва различимые контуры деревьев и кустов. Человек или зверь? Крикнуть или подождать? И так заворочаешься со страху, что отец ткнёт под бок: «Спи, пострел!».

Ближе к утру древними сказочными викингами выплывают на озеро рыбаки. Ставят снасти и замирают в сонной неподвижности. Опускается редкий туман, сквозь который коснётся уха то удар весла, то негромко сказанное слово.

Проснёшься, когда солнце спит глаза. Уха уже поспела. От котла несёт невиданным ароматом. У костра сушится мокрая одежда, и пар от неё смешивается с дымом. Отец давно уже встал, коса, ещё мокрая, прислонена к берёзе.

– Эй, мужичок! Садись с нами! – весело скажет кто-нибудь. И непередаваемая радость захлестнёт тебя от всего этого, что стоишь и не можешь сдвинуться с места.

Июль... июль... Откуковала кукушка, отсчитала кому-то недолгий век. Ближе август, всё реже птичьи голоса. Окрепи первые выводки, подрастают вторые. Умиротворение в пернатом мире. Только через месяц первые стаи отправятся в дорогу.

«Вж-жик! В-ж-жик!» – поёт коса. Горячее солнце обливает землю зноем. Цветочный дурманящий запах источает подсохшее сено. Беда, если надвинется туча и просеет из своего лилового чрева косые струи дождя. Просушивай снова! Блестит мокрый луг, в парном воздухе слышна весёлая переключка косарей.

Наливаются рожь и пшеница. Зреют овощи и фрукты. Зелёные твёрдые плоды у черёмухи, смородины, рябины. Только в августе поспеет брусника, а клюква – в сентябре. Но зато необычайно вкусна земляника, свежая, с молоком. Лезут из земли грибы – клады на сковородку, вари душистый грибной суп.

После летнего солнцестояния день убывает, а жара усиливается. Нередки грозы. Всё в природе напряжено, всё живое старается впитать как можно больше солнца и тепла, подрасти и окрепнуть. Щедрость июля обернётся в будущем обильным урожаем.

Коротко уральское лето – уже в августе мы с грустью вспоминаем об июльской жаре.

Грибное царство

Росное утро...

Солнце уже поднялось высоко. Ливни щедрого тёплого света обрушиваются на лес. По-праздничному умытый, он переговаривается птичьими голосами. Всё радо брызжущему солнцу. Прорвавшись сквозь кроны деревьев, его лучи широким веером пронзают сумрачную глубину бора, яркими пятнами ложатся то тут, то там на мхи и травы.

Блеснёт невиданным стоцветным бриллиантом капля росы на изумрудном листе и потухнет, став прозрачной, как алмаз. Тысячи, миллионы крошечных солнц загораются и гаснут под многоярусным пологом леса. Мы идём и жмуримся, чтобы не обжечь глаза.

А вот и первый гриб!.. Он важен, он надулся, как купец. Прячется в тень, подальше от опасности.

– Нет уж, не уйдёшь! – говорим мы ему и, осторожно срезав ножку, кладем в корзинку хитрого боровика. Это дозорный! Через несколько шагов виднеются шляпки ещё двух-трёх боровиков. Они поменьше ростом, но крепки и упруги. Охотничий азарт разгорается в нас. Глаза блестят, сердце бьётся чаще.

– Эх, мать честная!.. Да это настоящее грибное царство!.. – неудержимо и счастливо крикнет кто-нибудь из нас,

обнаружив впереди и под ногами множество грибов. Одни, как полководцы или великаны, возвышаются над лесной подстилкой, закрывая шляпами пожелтевшие сосновые иглы, прелую листву, бледные ростки травы. Под ними сухо, как под широким зонтиком. Старых грибов много, но они почти все червивые. Разломишь и выкинешь.

Но зато радуют сердце молодые, крепенькие грибочки на толстых ножках. Их аккуратно подрезаешь под самый корень, а сам кидаешь жадные и тревожные взгляды поодаль – есть ли там ещё? И успокаиваешься, видя, что грибной рати – только самое начало.

... Через час, большее – два мы уходим из леса, нагруженные щедрым даром земли. И не верится самим, что столько красоты и добра может создать природа. Приходи каждый и бери полной горстью!..

А из корзины, из-под берёзовых веток, словно дразня, вдруг выглядывает гриб-красавец. И затоскуешь, взбудораженный. Снова бы в лес, снова бы шагать по узенькой тропе, раздвигая ветки, зорко вглядываясь в полумрак бора, прорезанный яркими полосами солнечного света. И снова бы наткнуться на сказочное грибное царство!..

«Бессмертный» кедр

На высоком берегу речки Сулём, что причудливо петляет среди лугов у деревни Большие Галашки (в Свердловской области) стоит одинокое полузасохшее и в то же время могучее дерево. Своими очертаниями напоминает оно... лиру. Неподальёку от него виднеется старое остожье. Видно, давно уже не мешал владельцам сенокоса этот молчаливый старец.

Подойдёшь к нему поближе и услышишь, как шумит о чём-то старый кедр мощными своими ветвями. У подножия ствол почти лишён коры и белеет отмытой дождями и просушенной солнцем крепкой древесиной. Кое-где – и это, конечно, возмущает, – шершавая тёмно-серая кора обезображена ножевыми ранениями от рук человеческих.

Чуть повыше ствол и часть ветвей усохли, торчат они омертвевшими обломками. То ли молния ударила когда-то в

дерево, то ли болезнь какая одолела. Но подними голову повыше, и взгляд поразит сине-зелёная шапка живых, мохнатых ветвей. Не сдаётся кедр недугу и не думает умирать. Вширь и ввысь тянутся молодые побеги, даря старику вторую жизнь.

Немало разных чувств вызвал у меня этот упрямец. Подумалось, что и среди людей встречаются такие: жестокие бури жизни, кажется, вконец сломали человека, никогда не подняться ему, не распрямиться. А он, глядишь, наперекор судьбе живёт и борется.

Могут сказать: «Зачем он нужен, этот кедр, на свете, какая польза от него? Спилить на дрова его...».

Наверное, совсем не правы бездушные сердцем. Пусть стоит могучий старец. Пусть говорит всем нам о великой силе жизни, которую не сломить.

II клёв проголодавшихся окуней...

Живя на Среднем Урале и потом в Приобье, я очень увлекался рыбалкой по первому льду.

...Помню ноябрьский замёрзший Вогульский пруд в Верхнем Тагиле, Свердловской области. Это большой искусственный водоём с высокой плотиной, используемый энергетиками Верхнетагильской ГРЭС для охлаждения отработанной воды после паровых турбин. И почти круглый год здесь «обитали» неугомонные рыбаки, приезжавшие даже из соседних городов и посёлков!

Мглистое зимнее утро. Чернеют сгорбившиеся над лунками фигурки ранних подлёдников. Лёд ещё гулко стонет, покрываясь трещинами. Но любители зимнего лова смело продолжают «шаманить» с короткими удочками, где на конце тонкой прозрачной лески прикреплена блестящая мормышка с парой ярко-красных мотылей на остром крючочке. Одна неприхотливая снасть у рыбака в правой руке, ритмично двигающейся вверх-вниз, другая сиротливо лежит на мёрзлом синеватом льду... Авось и тут клюнет хоть ёршик!?

Так – весь короткий зимний день! Без обеда! Лишь горячий чай из термоса да пара бутербродов с докторской колбасой...

Поклёвки рыбы какие-то ленивые – явно влияет глубокий тёплый циклон с Атлантики.

Но всё же трепыхающихся краснопёрых окуней возле лунок прибавляется. Они ещё живо «пляшут» перед смертью, бьась хвостами и жабрами о лёд. Скоро ведь – в уху!

А там и подлещики начали клевать под вечер в кем-то щедро и надёжно прикормленной лунке. Рыбак уже ушёл домой, а белая рыба... приплыла на «ужин»!

Поклёвка, ещё поклёвка!

Молодые лещи нехотя, довольно сильно сопротивляясь, появляются на свет божий из тёмной глубины пруда, разевают рты на снег, куда я их быстренько выкидываю, снятых с крючка. Нужно торопиться – зимнее небо быстро темнеет.

...В тот ноябрьский вечер мой мотоцикл «Урал» ещё с тремя пожилыми седоками, обременёнными добрыми рыбными трофеями, улетел в кювет при подъёме на гору Долгую на обледеневшем шоссе Верхний Тагил–Кировград. А вытолканный общими усилиями из канавы, перестал заводиться!

Толкали мы эту тяжёлую трёхколёсную машину несколько километров, пока нас не взял на буксир попутный «жигулёнок». Однако водитель отцепил трос перед самым городом, побоявшись ГАИ. И мы, уже вдвоём с верным старым рыбаком, не бросившим меня одного почти уже ночью на пустынной дороге, всё же дотянули мой «Урал» до гаража!

...Пришедшая из вечерней школы и явно припозднившаяся на занятиях учительница, жена Татьяна Александровна, вскоре с благодарностью отведала ароматную уху из чудесных верхнетагильских окуней, плотвы и жирных подлещиков!

Незабываемы встречи с гадюкой

...Это было в начале июля на Среднем Урале.

По трассе ЛЭП я далеко ушёл от дома в поисках душистой земляники и первых боровиков. По краям широкой просеки весело зеленели белоствольные берёзки, пышная трава поднималась по пояс, а в ней, на больших и маленьких полянках, словно была раскинута скатерть-самобранка! Сочные алые, крупные и ароматные, ягоды «царицы лесов» тут и там огоньками светились в зелёном полумраке спелого клевера, тимофеевки, поповника, погремков. Передо мной были истинные земляничные поляны, словно скрытые от чьих-то алчных глаз лесными духами...

За какие-то полчаса я с верхом набрал свой трёхлитровый бидон и решил отдохнуть на ветерке, очень свежо дувшем с утра с северо-востока и гнавшем по голубому небесному полю вереницы белых кучевых облаков. Но вот и порывы ветра уже стихают, а солнце палит всё сильнее!..

Вокруг же чудесная, такая тихо звучащая на тысячи ладов и голосов летняя тишина. И – полнейшее безлюдье...

Дымный город с ядовито-рыжими выбросами «лисиных хвостов» из труб медеплавильного комбината находился от меня к югу примерно в семи-восьми километрах... И все лесные обитатели чувствуют себя здесь, наверное, в полной безопасности... Молодые зайчишки и лисы, подрастающие птенцы тетеревов и рябчиков и даже... косули! С минуту назад впереди, метрах в трёхстах-четырёхстах от меня, зарастающую кустарником дорогу стремительно, в несколько грациозных прыжков, преодолела одна такая почти невидимая и неслышимая серо-бурая тень животного... Бесшумно мелькнула вдали – и исчезла... как призрак!

– Не бойся, дурёха! – кричу молодой косуле вслед. – Я не браконьер!

Проветриться от духоты и жары наступившего июльского полдня я решил на высоком пригорке, что находился по пути справа. С двух сторон его окаймляли густые осинники, а к северу холм обрывался крутым уступом в пойму реки Тагил.

Там-то неожиданно и встретился мне... настоящий гадюшник!

Жирные, упитанные змеи неподвижно лежали, свившись клубком, среди помятой, свалявшейся травы. Их было, наверное, не менее шести-восьми особей, зловеще контрастировавших с яркой зеленью, синью неба, хлопковыми громадами облаков, россыпью множеств разнообразных и чудесных июльских цветов.

От испуга и внезапности этого неприятного видения я даже отпрянул назад. Но вскоре любопытство взяло верх, и я снова осторожно приблизился к змеиной полянке. Гадюки всё так же неподвижно лежали в своём логове! Но вот из этой приплюснутой чёрной кучи, из этого таящего смертельную угрозу клубка тесно переплетавшихся змеиных тел показалась треугольная головка и... что-то громко зашипело! Сердце моё ёкнуло – и, как говорится, схватив пятки в руки я стремительно ретировался, просыпая из бидона крупные и вкусные земляничины!..

Много лет прошло с тех пор; давно уже живу в Западной Сибири, в Среднем Приобье! И здесь не раз в своих лесных странствиях встречал гадюку обыкновенную – самую знаменитую и распространённую из российских ядовитых змей (её ареал протянулся от Калининграда до Сахалина). Конечно, с возрастом и накоплением знаний о природе мой детско-юношеский животный страх прошёл, но живой трепет в сердце ощущаю всегда, когда вижу в траве или на мху чёрную извивающуюся толстую «верёвку»!

...Однажды в детстве, в классе пятом-шестом, в конце августа мы с матерью и маленьким братишкой собирали поспевшую бруснику в сосновом бору, недалеко от железной дороги Серов – Карпунино – Свердловск. Устав склоняться за крупными сочными гроздьями, я опустился на колени и стал брать ягоду обеими руками. И вдруг снизу на левой ладони почувствовал быстрый острый укол, и одновременно среди багульниковых кустов мелькнуло короткое быстро ползающее змеиное тело.

– Мама, кажется, меня укусила гадюка! – крикнул я негромко и сдавленно, бледнея не от боли, но от страха.

Помню потом, как мне тут же крепко перетянули са- модельным жгутом левую руку у самого предплечья; как прямо на глазах стала синеть, раздуваться эта рука; как переполошилась медсестра в поселковом медпункте, куда мы добрались из лесу только часа через два. Сделанный мне тут же укол какого-то лекарства не помог ничем – и с вечерним пассажирским (рабочим) поездом я был отвезён в Серовскую железнодорожную больницу...

Ощущение той толстой, страшно опухшей и почти уже неживой моей руки сохранилось у меня в душе до сих пор!

Так я «породнился» с гадюкой, считая её теперь своим тотемным животным, своеобразным лесным оберегом! Поэтому не мщу, не убиваю змей!

Как-то на обширных угутских болотах я собирал янтарную сочную кисло-сладкую морошку. Поспевших ягод тут были целые плантации – всюду на моховых кочках маленькие жёсткие кустики морошки клонились ко мху под тяжестью своих налитых целебным соком плодов.

Но охотником за чудо-ягодой здесь был я... не один! Несколько молодых змей-гадюк, разевавая пасти с острыми белыми зубками, аппетитно поглощали... северный урожай! Та, что была поближе ко мне, иногда угрожающе поворачивала в мою сторону тупорылую головку и предупредительно шипела, стремительно выбрасывая вперёд свой длинный язычок.

«Намёк» я сразу понял и поспешно ретировался!..

На усть-юганских болотах под конец уже сентября я тоже как-то встретил небольшую чёрную гадючку, но та проворно скрылась под огромной моховой кочкой-валежиной. В июне видел этих змей и на лесных островах возле проток Сырой Аган и Девкина. В сентябре здесь же фотографировал сброшенные змеиные шкурки.

Да, мои встречи с гадюкой были иногда и неожиданными, и опасными! И всё же, уколов палец о сухой острый сучок или порезав его жёсткой осокой во время сбора черники, брусники, морошки, клюквы, не спешите искать уползающего от вас гада. Тем более убивать ни в чём не повинного ужа, по случайности оказавшегося в это время рядом с вами!

Энцефалитный клещ может быть в сто раз опаснее!

Единственное, что можно посоветовать нашим юганским охотникам, рыбакам, грибникам и ягодникам: обнаружив однажды постоянное змеиное место, обходите его метров за сто-двести; не ступайте по опасным змеиным территориям вечером, ночью и рано утром (в дневное время ядовитые змеи менее активны).

И... не убивайте гадюк, которые по-своему прекрасны у великой Матери-природы и приносят человеку много пользы, уничтожая в большом количестве вредных мышевидных!

Постарайтесь при встрече с гадюкой не бежать от неё в панике, а спокойно остановиться и понаблюдать столь необычное творение Природы! Объясните своим детям, сколько эонов времён она, Природа, трудилась над тем, чтобы создать столь совершенное существо, которое старше нас на многие миллионы лет!

Молодой кедр. Олений остров, июнь 2009 г.

Кедровая «свечка», июнь 2009 г.

Красавец мухомор
Олений остров, август 2015 г.

«Лесная чаша»
Олений остров, август 2015 г.

Семейка белых грибов. Олений остров, сентябрь 2016 г.

«Лесная краса». Берег протоки Кривая

Зимняя рыбалка. Река Юганская Обь, декабрь 2015 г.

Трофеи рыбаков-подлѐдников - небольшие щучки щурогаи, декабрь 2015 г.

Гадюка. Олений остров, май 2001 г.

Портрет болотной жабы, май 2004 г.

Мои встречи с птицами

Они в лесу у меня происходят постоянно!

Кукушек, например, я наблюдал вблизи – и сидящими на ветвях деревьев, на опорах ЛЭП, и летящими над разливами вод; далеко они не улетают. Садятся где-то поблизости и снова начинают куковать. Повторю: почти весь июнь кукуют они практически круглосуточно, даже в белую северную полночь!

23 июня прошлого года солнце над протокой Кривой вошло в 3 часа 40 минут: это была самая короткая в году ночь! Естественно, что этот же срок повторился и нынче: астрономические часы не знают сбоя.

Тогда, с появлением над лесом малинового краешка дневного светила, начался небывалый клёв рыбы, я едва успевал вытаскивать простой удочкой крупных жирных подъязков, чебаков и ельцов!

Из записей в дневнике:

«Ранним утром надо мной стремительно пронеслись чирки. Кряквы и чирки летают над протокой и обширным сором постоянно.

Всю ночь кричали кулики, громко пищали в дупле, требовали корма дятловы птенцы. Большие чайки-халеи тоже ловили рыбу в протоке и на сору; ночью некоторые из них устраивались спать на кустах тальника.

Утки садились на воду метрах в восьмистах от меня, где и кормились на мелководье, у поросших зелёной осокой и тальником пойменных островков-гряд.

Всю ночь над протокой клубился лёгкий туман, наплавивший с берега. Он быстро плыл над водой, не сгущаясь. Что-то призрачное, зыбкое, текучее!.. Как смутные привидения плывут над протокой...

Дым от костра (положил на огонь сырую валежину) тоже тянуло к протоке. В этой струе дыма и рыбачил, таская крупных и помельче рыбин.

В середине ночи у берега протоки тихо проплыло какое-то маленькое животное, то ли водяная крыса, то ли ондатра. Когда шёл к месту ночёвки по берегу, видел глубокую нору. Кругом нарыты ямки поменьше. Кротами, что ли?..

Комары свирепствуют! Спасает дым от костра».

Нынешние весенне-летние странствия я тоже начал со встреч с птицами. 8 июля на западной оконечности острова над протокой Кривой видел летящую беловато-серую сову, её удалось запечатлеть на видеокамеру. В окуляр попал и одинокий чирок, стрелой промчавшийся над водой. Заснял и кружащихся над сором халеев, громко кричавших. Кулики-перевозчики тоже почти круглосуточно оглашают окрестности поймы Оби и протоки Кривой: она в июне – практически сплошное водное зеркало! Летят кулики быстро, почти «стригут» воду острыми беловатыми крылышками. Любят отдыхать на мокрых прибрежных колодах.

Гнёзда у них, конечно, на берегу, в укромных уголках, среди зарослей тальников, осин, берёз. Встречаются и более открытые гнёзда...

Повсюду трещат дрозды-рябинники, сопровождая меня круговыми полётами, негодуя крича. Тут у них тоже гнёзда!..

Громкое воронье карканье, стрекотание сороки – и валяющиеся на земле обломки небольших голубоватых птичьих яиц восстанавливают для меня воедино картину разбойничанья в припойменных лесах этих нахальных, вороватых существ.

Долго наблюдал я 21 мая с. г. за парой кормившихся на сору, за протокой Кривой, белоснежных лебедей-кликунов. Они (птицы – верные супруги всю свою жизнь!) далеко не отплывали друг от друга, погружали клювы на длинных изогнутых шеях в воду, задирая при этом высоко зад. Так, с торчащими задами, и снимал птиц видеокамерой и «Зенитом» с телевиком-пятисоткой. Только раз они издали короткий клик...

А вот в середине дня 8 июня на юго-западе припойменного острова я услышал громкие, трубные, продолжительные клики лебедей, тех или других – не знаю. Птицы мне не были видны из-за зарослей тальников на сору. Минут пять слышалось громкое хлопанье крыльев и эти тревожно-волнующие клики снявшихся, по-видимому, с воды красивых птиц. Наверное, перелетали на другое, более безопасное место кормёжки...

Перед этим я услышал со стороны Оби рёв заводимого лодочного мотора, далеко за Обью, там, где чадил нефтяной факел, раздались приглушенные ружейные выстрелы. В прошлом году на пойме я тоже слышал в начале июля пальбу из ружей. Наш браконьер «охотится» круглый год!

А рыбаков на моторках и резиновых лодках летом тут не счесть: нефтегазовая дорога (отводок от федеральной) подходит почти к самой воде протоки Кривой! Раздолье заготовителям-хапугам, что потом торгуют свежей рыбой у нефтеюганских магазинов!

Но вернёмся к птицам. Следы деятельности и крики обычного пёстрого дятла и чёрного дятла желны я видел в разных местах острова. Огромное дупло в сухой осине, крупные куски коры и древесные щепки у подножия заражённого вредителями дерева выдают присутствие желны. А дятловы «столовые» на деревьях с кучами вышелушенных сосновых шишек у подножия – присутствие пёстрого дятла. К сожалению, возле протоки Кривая Островное лесничество Нефтеюганского лесхоза развернуло продажу леса на корню, и под топор попали сотни прекрасных, спелых и здоровых сосен, дававших богатый урожай семян – почти что главного корма дятлов в отдельные периоды года. Правда, и в суровые морозы долбят эти лесные труженики стылые стволы больных деревьев, отыскивая замёрзшие личинки вредителей.

Тетерева, рябчики, кедровки – тоже наши местные, не улетающие на юг птицы. На острове живёт небольшая тетеревиная популяция; самих птиц я не видел, но часто встречал на снегу и на земле кучки их помёта. Видел нынешней весной пару рябчиков...

Из прилетающих к нам птиц обычны чайки – большая и малая, крачки, различные кулики и утки; довольно редки лебеди и гуси. Журавлей я не встречал никогда, только в небе – на весенне-осеннем пролёте.

Сова, беркут, орлан-белохвост тоже любят селиться поближе к воде. Больших хищных птиц видел над протокой Кривой 18 мая с. г., они летели низко над водой вдоль кромки сухой прошлогодней осоки, падали к воде и снова взлетали.

Видно, ловили первую после ледохода рыбёшку. В прошлом году примерно такой же серо-рыжеватой окраски птицу я видел сидящей под мелким июньским дождичком на коряге посреди ближайшего к протоке сора. А 22 июня 2001 года вечером, когда я тихо сидел под тальниковым кустом на берегу протоки Кривой, надо мной пролетела какая-то большая хищная птица; запомнились широкий размах крыльев, острый крючковатый изогнутый клюв, чуть наклонённая вниз голова (птица, конечно, «исследовала» пришельца).

Птичьи останки, пух и перья, кровь и косточки на снегу и на земле не раз встречал в лесу. Значит, хищники не дремлют!

Мне осталось сказать лишь о малых птахх, в том числе певчих. Их я снимал со штатива видеокамерой (в режиме телесъёмки), но получились мелкими. Хотя их пение запечатлено громкое и естественное, без искажений.

Запомнились довольно крупные птички с широкой зеленоватой грудкой, взлетавшие на болоте по трассе ЛЭП-500; одну удалось снять покрупнее на берегу протоки Кривой.

Скажу лишь одно: без певчих птиц тайга весной и в начале лета никогда не бывает! И начинается это пение часа в два ночи, а заканчивается... за полночь. Кукушки же поют без отдыха и всю ночь...

В последние годы певчие птицы стали залетать и в город.

2004 г.

Дятловы праздники

Видели вы когда-нибудь, как большой пёстрый дятел долбит... по железобетонному столбу? Работник Куйбышевского Ботанического сада Сергей Иванович Потапов не только видел и слышал, но и рассказал об этом читателям ежегодника «Лес и человек» (1985 год).

«Он подлетает к стоящим вдоль пешеходных дорожек высоким железобетонным столбам с укреплёнными на них электрическими фонарями, садится на верхнюю металлическую крышку плафона и принимается выбивать на ней барабанную дробь: слышно чуть ли не в каждом уголке сада!»

Хитрый, сообразительный был дятел! Знал, чем поразить сородичей в эпоху научно-технического прогресса. И то: по силе звучания модернизированная барабанная дробь во много раз превосходила слышанные биологом дятловые трели в лесу.

Читатель наверняка знает, что они всегда раздаются в феврале, марте и даже апреле: ведь дятлы весной узнают и призывают друг друга барабанной трелью, часто ударяя клювом о сухой сук сосны или ели. Но любой ствол или сук звучит по-своему. Поэтому представитель каждого вида дятлов стучит по-особому: с определённой частотой и продолжительностью дробы.

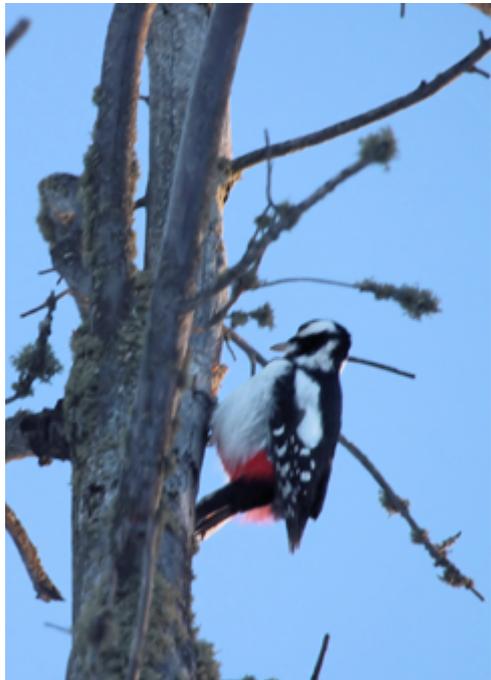
Дятел-рационализатор из Ботанического сада, исполняя свою любовную серенаду на плафоне электрического фонаря, надеялся на почтительную взаимность какой-либо самочки. Но, по свидетельству очевидца, так и не дождался её. Возможно, НТП требует жертв не только от человека...

Тёзку того большого пёстрого дятла я сфотографировал в начале мая 1985 года в окрестностях Берёзова (Ханты-Мансийский автономный округ – ЮГРА). Он прилетел откуда-то из глубины леса на опушку и уселся на ветке ещё не распутившейся берёзы.

Солнышко пригревало всё сильнее, на глазах таяли последние островки снега. Дятел пережил долгую суровую зиму, честно трудился от зари до зари. Потом, как и все дятлы, сыграл на подручных «музыкальных инструментах», выбрал себе парочку. Самочка отложила яйца в дупле... И вот свободная минутка. Бравый барабанщик сидел смирно, тихо покачиваясь на тонкой ветке. Лишь поочередно подставляя то одну, то другую белую щёчку живительным тёплым лучам. По-моему, он даже задремал слегка.

Но тут под моей ногой хрустнула валежина, и дятел встрепенулся. Недовольно повертел головой, вскрикнул и полетел в лес. Мол, праздник праздником, а пора и честь знать!

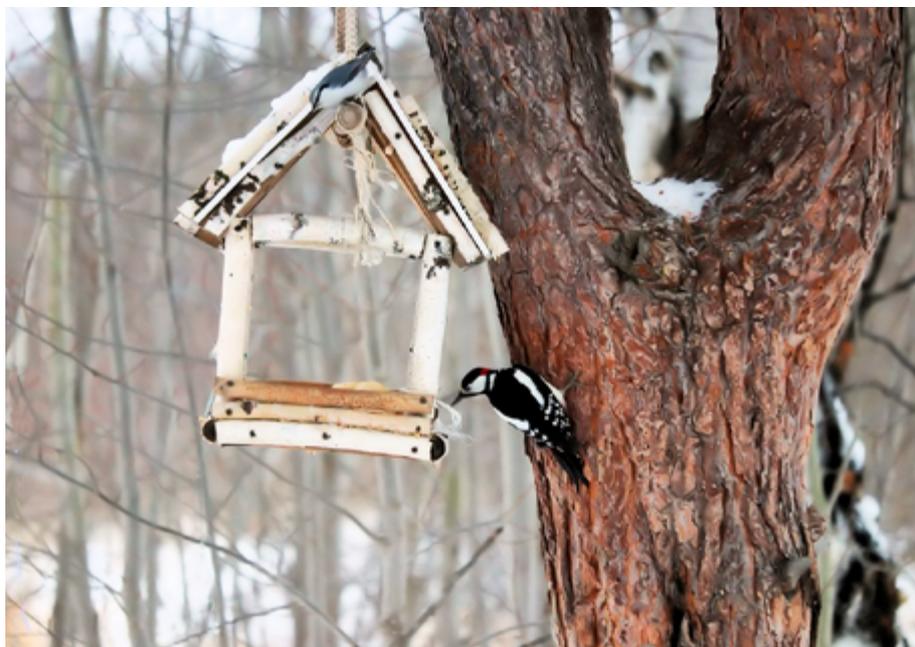
Много ведь у дятлов супружеских обязанностей...

Большой пёстрый дятел. Пригородный лес Нефтеюганска, январь, 2016 г.

Дупло, выдолбленное дятлом желной. Протока Девкина, сентябрь 2012 г.

Большой пёстрый дятел. Птичья кормушка на берегу протоки Чеускина

Крчка - охотница за рыбой. Протока Сырой Аган, июль 2006 г.

Жёлтая трясогузка.
Пойма протоки Чеускина, июнь 2017 г.

Белая трясогузка.
Берег протоки Чеускина, июнь 2017 г.

Дрозд-рябинник. Протока Сырой Аган, май 2019 г.

Галстучник. Река Юганская Обь, июнь 2019 г.

Орлан-белохвост. Тайга между протоками Сырой Аган и Девкина, июнь 2019 г.

Гнездо орлана-белохвоста на опоре ЛЭП-500.
Тайга между протоками Сырой Аган и Девкина, июнь 2019 г.

Синичкина песня

Как-то в конце октября на уральский север пришла настоящая зима: закружила метель, ударили морозы, выпал большой снег. Зазвенел под топорами нетерпеливых рыбаков лёд, потянулись в лес лыжные следы. Казалось, «старуха» не думала уже сдавать позиции. Но вот, вопреки всем прогнозам, шальнойю ватагою примчались юго-западные ветры и донесли до нас тёплое дыхание юга (так иногда случается даже в Приполярье). И «заплакала» зима...

Раннее утро... За берёзами малиновая полоска зари. В лесу тихо, чуть морозно. На веточках маленькие прозрачные сосульки, как весной. И пахнет тоже, как в марте, свежо, призывно, опьяняюще.

Небо надо мной, как лоскут вылинявшей материи. Так оно выглядит в утренних сумерках, когда снег ещё приглушен серой краской. Постепенно сквозь серое проступает голубое. Это всегда необыкновенно, похоже на волшебство. Наконец, когда лоскут словно окунули в слабо разведённую синьку, за деревьями всходит солнце.

И – чудо! – природа сразу ожила. Где-то неподалёку раздался стук дятла, застрекотали в сосняке сороки, пискнула какая-то пичуга. Пискнула не так, как в серый, дождливый, промозглый денёк: уныло, чуть слышно, подавленно. Голосок её прозвучал сейчас, словно бодрое и радостное «Здравствуй!». Было в нём то весеннее оживление и настроение, передавшееся всей природе в эту глухую пору ещё не зимы, но и не осени, что взбудоражило и душу человека, позвало его к поэзии и размышлениям.

– Пинь-пинь! – опять раздалось за моей спиной, хрустально, переливчато, мелодично. Как будто кто-то маленьким серебряным молоточком ударял в крошечную золотую наковаленку, и она часто отзывалась ему. Видимо, синица, попробовав голосок, решила уже по-настоящему спеть свою весеннюю песенку. А звучит она обычно с зари до зари в лесу только в феврале-марте...

Свет солнца, взошедшего в это утро, был тёпл и золотист. Берёзовая рощица, которую он наполнял, сразу же

сделалась праздничной и нарядной. Зернистый снег за дни оттепели кое-где протаял, освободив землю. И эти «окна» с колючими зелёными ростками неумирающей травы и брусничника тоже были как праздник, как неожиданное счастье. Я вдыхал запах проснувшейся вдруг земли и талого снега, запах блестящих сосновых игл и шоколадных берёзовых веток, облитых неярким мягким светом солнца. Как же ты щедра, природа, на подарки даже в такую пору!

...Никогда не забуду это вот свидание с весной в сквозящем ноябрьском лесу.

Дроздёнок

Он – слеток. Только что вылетел из гнезда. Но крылышки ещё слабые, сил маловато, и дроздёнок уцепился коготками за голую ветку, отдыхает.

Таков путь в большую жизнь у многих птиц, дрозды здесь не исключение.

Живёт большая дружная семья дроздов в лиственном лесу на берегу Оби. Рядом пойменные луга, множество насекомых. Обильный обеденный стол обеспечен всегда. И летом вольными стайками птицы лишь на ночь возвращаются к своим гнёздам, устроенным в зарослях старого тальника. Пробраться сюда трудно: мешают густая трава (кое-где она ровень с ростом человека!), упавшие гнилые стволы деревьев, сухой валежник.

Из книг я знаю – бывают дрозды певчие и дрозды обыкновенные. Слушать на вечерней зорьке голосистого певчего дрозда мне приходилось не раз, но это было на Урале, в Висимском государственном (ныне – биосферном) заповеднике. Там же, но уже вблизи селений, много встречал и обыкновенных дроздов, которых ещё часто называют рябинниками (очень любят спелые ягоды рябины, и осенью птиц не отгонишь от садов, лесопарков). Крикливые, нахальные эти создания, особенно такое впечатление создаётся, когда попадаешь в птичью колонию весной, в период строительства гнёзд и кладки яиц. Дрозды с громким чоканьем летают над головой, поливают помётом, стараются отогнать тебя подальше от гнезда.

Не любят они и серых ворон, других хищников, дают и им коллективный отпор. Здесь поведение дроздов близко к реакции на вторжение чужаков со стороны чёрноголовых и малых серебристых чаек, крачек.

Приспособление к меняющимся условиям жизни у обыкновенных дроздов тоже заметно, т. е. они экологически пластичный вид. А выражается оно в широком расселении птиц, продвижении их на Север, использовании различных видов пищи (растительной и животной).

Я не знаю, какую экологическую нишу занимают в природе наши северные дрозды (от певчих человеку явная польза – наслаждение великолепным пением!), но пейзаж обского берега без этих птиц явно бы потускнел. И рыбакам, охотникам, грибникам не пришлось бы уже вздрагивать от неожиданного хлопанья крыльев довольно крупных хозяев здешнего леса, перелетающих с ветки на ветку с характерным криком-трещанием.

Уныл, неприветлив уголок природы, где нет птиц, мало трав и цветов.

Кукушки на проводах

Из энциклопедии: «Кукушки – семейство птиц отряда кукушкообразных. Длина 15-70 см, 129 видов. Распространены широко; многочисленны в тропиках. Многие кукушки откладывают яйца в чужие гнёзда (гнездовой паразитизм). Истребляют насекомых-вредителей леса».

Мы с товарищем стояли возле автодороги, недалеко от куста № 77 Южно-Сургутского месторождения нефти. Голосование пока не дало результатов: все пронесившиеся мимо с обской переправы легковушки не обращали внимания на рыбаков. Да и большегрузные машины с рёвом и грохотом мчались по асфальту, обдавая нас облаками пыли и удушливой вони из выхлопных труб.

Муниципальный паром (речь идёт о лете 1999 г.) работал день и ночь, перевозя за сутки тысячи автомобилей, следовавших на юг и на север...

И всё же выдавались и промежутки между проскакивающими туда-сюда «порциями» машин. В одно из таких затиший моё внимание привлекло громкое кукование, раздававшееся с опоры ЛЭП-35, стоявшей по другую сторону дороги.

Говорят, кукушка считает нам оставшиеся годы жизни. И я принялся мысленно отсчитывать вслед за птицей... Насчитал десяток, другой, третий. А кукушка всё куковала на верхушке электромачты. Вдруг появилась и вторая, уселась на провод и тоже давай своё:

– Ку-ку! Ку-ку!

Но эта скоро перестала считать года, а, вспорхнув, перелетела на опору линии электропередачи. И вот обе птицы уже летели ко мне навстречу, мелькая тёмными силуэтами на фоне пасмурного неба. Неожиданно кукушки резко сворачивают в сторону и начинают игры в воздухе: одна догоняет другую, выделявая различные пируэты. Потом товарки меняются ролями.

Устав носиться над поймой, присаживаются на провода и начинают быстро раскачивать раскрытыми веером хвостами. До меня по-прежнему доносится их страстное, непрерывное кукование:

– Ку-ку! Ку-ку!

Происходило это под вечер четвёртого июля. За дорогой в пойме работал экскаватор, кругом – переплетение электрических проводов, дорог, трубопроводов; гудел возле скважин импортный подъёмник, мчались армады автомобилей на переправу и с переправы. А кукушкам вроде и не было дела до всего этого, они громко и страстно куковали.

Приходилось не раз слышать их песни в лиственном лесу, на берегах Оби и её многочисленных протоков, на солнечных светлых опушках и просеках и т. д. Но среди серого и тёмного техногенного ландшафта это кукование и грациозные полёты в воздухе показались чудом. Размером кукушки были не более 15 сантиметров. Возможно, эволюция вывела особый вид наших северных – «нефтяных», «электрических», которым подавай только мачты электропередач, провода под напряжением, шум, грохот и пыль!..

Общение с этими кукушками примерно в течение часа натолкнуло на такую мысль. Кстати, какие-то малые птицы с писком пытались догонять этих вещуний, но быстро отстали. Уж не в их ли гнёзда кукушки-мамаши подбросили свои яйца? И теперь пичуги, не ведая ни сна, ни отдыха, выкармливали обжор...

Много загадок в природе, а кукушки задали мне новую. Ведь на изрытой техникой, унылой осоково-тальниковой пойме, кроме мошки и комаров, им кормиться было нечем...

Турухтан, курухтан, драчун!

В апрельские и майские дни, накануне ледохода, мы с товарищем обыкновенно открывали рыболовный сезон на Оби. Ехали туда с попутками, брали увесистые рюкзаки, снасти. Ночевали у костра, соорудив от ветра защитные брезентовые пологи.

Помню нашу рыбалку накануне самого праздника 1 Мая. Зацветали вербы, мать-и-мачеха; пышные кучевые облака караванами наплывали с юго-востока, несомые тёплым, нежным ветерком, напоенным влагой дотаивающих сугробов, ароматами просыпающихся почек рябин, черёмух, берёз. Весна тогда удалась очень ранняя!..

Этот предпоследний апрельский день для нас, рыбаков-любителей, был несказанной радостью: в огромную широкую полынью у пологого берега Оби мы с удовольствием забрасывали наши донки! Рыба почти не клевала, но всё же одного трёхсотграммового серебристого чебака мне удалось вытащить. И прекрасное настроение оставалось у нас до вечера...

Ночью же ударил крепкий морозец. И мы пили неразведённый спирт. Крепчайшая огненная жидкость жгла глотки; и мы вслед за ней прихлёбывали вскипавший не раз на костре душистый кипяток с шиповниковой и смородиновой заваркой и индийским чаем. В алюминиевых кружках он приятно дымился, согревал руки и душу!..

Где-то слева над Обью в вышине тёмного ночного неба раздались лебединые клики, протяжное гусиное гоготанье.

На рассвете я пошёл проверить наши донки; обе снасти накрепко вмёрзли в молодой ледок полыньи. Дождевые черви в банке – подарок сингапайских коровников – стали как бы стеклянными и хрупко ломались на красно-розовые половинки и четвертинки. Оставалось ждать солнца, его горячих весенних лучей!

Напившись из большой кружки горячего чая, я поспешил по берегу Оби посмотреть вчерашних трясогузок, бойко бегавших по краям плывущих льдин. Птичек ещё не было... Зато в траве и на кочках прибрежного болотца молчаливо мельтешила стайка высоконогих куликов со странными воротниками на шее. В утренних сумерках птицы показались мне какими-то привидениями...

...Эта мимолётная встреча с турухтанами ранним апрельским утром запомнилась мне навсегда!

За прошедшие годы я многое узнал о «курухтанах», «драчунах», как называли необычных птиц во времена царской России!

Их гнездовья в разные годы найдены в долине Оби в Берёзовском и Сургутском районах, в бывшем Кондососьвинском заповеднике. Находки птиц во время миграций и летних кочёвок известны в долинах Оби и Иртыша, в бассейнах рек Аган, Юган, Конда, Малая и Северная Сосьва, Большой Салым, Назым и Казым.

Прилетают обычно в мае (в Ленинградской области – широта Сургута и Нефтеюганска – турухтаны летели и в середине апреля); но в отдельные годы пролёт задерживается до начала июня. Осенний отлёт идёт во второй половине августа – сентябре... «Как», «Кик»! – негромко раздаётся в ночной тишине, когда с юга или на юг летят плотные стайки турухтанов...

Полоса хвойных лесов и тундр Евразии – ещё до сих пор «гостеприимный дом» этих стройных куликов! Поросшие травой низинные болота и заболоченные долины рек, где мало лесов – излюбленные места гнездовий турухтанов.

Когда-то обширная популяция «драчунов» в Центральной и Западной Европе ныне уничтожена из-за интенсивного ведения сельского хозяйства; лишь на севере Германии сохранилось немного турухтанов в экосистемах, аналогичным

тем, в которых обитает чибис. И часто оба вида здесь живут по соседству. У моря же, где обитает большинство представителей семейства бекасовых, «курухтана» не встретишь...

Зато в России много этих птиц летит вдоль рек Волхов и Свирь в Ленинградской области, по южному берегу Финского залива и Ладожского озера. В 60-е годы прошлого века турухтаны были очень многочисленны под самим Ленинградом, например, в Лахтинской низменности...

...Настоящее «турухтанье царство» – Сибирская тундра, где весь июнь вся местность звенит от птичьих песен, как... музыкальная шкатулка.

Интересно, что научные – как родовое, так и видовое – названия турухтанов ссылаются на агрессивное поведение самцов во время токовых игр. По-гречески это производное из двух слов: «любитель» и «битва»; на латыни – «воинственный». Но, сдаётся, наши петушки больше просто играют, чем занимаются взаимными увечьями!

Кормятся эти вовсе не хищные кулички вдоль илистых берегов водоёмов, поедая мелких беспозвоночных, а также семена трав, зерновые культуры.

Кстати, орнитологи полагают, что удивительное разнообразие весенних нарядов турухтанов помогает молчаливым от природы птицам распознавать друг друга во время брачных церемоний. И лишь самцы на току изредка издают ещё и негромкий крик, похожий на глухое кряканье или кряхтенье...

Нередко я пытаюсь мысленно проследить все пути миграций своих земляков-северян турухтанов. Вот они стаями из сотен и даже тысяч особей летят из салехардской или колымской тундры в дельту Сенегала и Нигера, на озеро Чад и т. д. Здесь-то и зимует до полумиллиона (и до миллиона в отдельные годы) птиц! Некоторые турухтанчики долетают до... Новой Гвинеи и южной Австралии. А это супермаршруты протяжённостью до 30 тысяч километров!!!

То есть мои любимчики – и прекрасные летуны, и отменные ныряльщики и пловцы! Они не связаны напрямую с морскими побережьями, однако на крайнем юге Африки встречаются в лагунах и вдоль илистых берегов, заливаемых во время прилива и обнажаемых при отливе...

И африканские, и китайские рисовые поля – одно из излюбленных мест обитания турухтанов зимой.

Так что азиатская популяция, по оценкам экологов, остаётся СТАБИЛЬНОЙ! И всё же... В России на турухтанов охотятся, как и на вальдшнепа, гаршнепа, бекаса и дупеля. Добывают на весеннем пролёте ещё со времён заядлого охотника-писателя С. Т. Аксакова, который полтора столетия назад писал:

«Весною они появляются большими и даже огромными стаями по краям болотных луж, по берегам озёр, разлившимся рек и прудов, отдалённых от жилья. Весело, бывало, смотреть на них, проворно бегающих по начинающим зеленеть лужайкам, сверкающих на солнце яркостью своих перьев с их разноцветными золотистыми отливами. Точно широкая радуга легла на землю и бежит по ней, волнуясь и изгибаясь».

Мне он симпатичен, этот русский писатель, чиновник и общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист, автор книг о рыбалке и охоте, а также о собирании бабочек. Но знатный отец будущих славянофилов Константина, Ивана и Веры Аксаковых, увы, не щадил птиц, одновременно жалея патроны на пустой выстрел. И вот за прошедшие 150-160 лет такие заядлые «природолюбцы» сумели-таки выбить весёлых турухтанчиков во многих российских областях. Не стало там сегодня этих нарядных игривых просяников, драчунов, таратаек, петушков, курухтанов и курахтанов!

И вряд ли уничтоженные тамошние популяции когда-либо восстановятся.

Юганские «чик-чирики» и «чир-р-ры»

...Непоседливое, хлопотливое существо – домóвый воробей!

Серыми камушками, рассыпавшись стайкой по асфальту, скачут воробышки в поисках хлебных крошек, зёрен, семечек; спугнутые, шумно улетают, но через минуту уже возвращаются, чтобы закончить пир. Зимой и летом сердобольные нефтеюганцы подкармливают голубей и воробьёв, давая им шанс выжить в самые суровые морозы. Оплачивают же заботу о них наши «чик-чирики» весёлым щебетанием!

Как-то в яркое солнечное предпасхальное утро я вышел на улицу подышать воздухом. Глаза слепили белая пороша, выпавшая ночью, ярко-синее безоблачное небо и брызги солнечных лучей, отражавшихся на стенах домов, на стволах берёз, на льдинках многочисленных луж.

Во всей этой гамме весеннего апрельского утра доминировало воробьиное... пение. Их громкие хоры доносились до меня ото всех балконов и крыш ближайших пятиэтажек! Этакое беспрерывное напряжённое щебетание-пение! Как бы птичье славословие Богу-творцу, создавшему для них этот прекрасный сияющий мир!

И другое воспоминание. Середина июня. Отцветает рябина. На улице – молодое лето! Жарко... Распахиваю створки окна в комнате – и в уши врывается упругий шум ветра и зелёной листвы осин и берёз! Перебивая его, откуда-то с верха моего окна доносится громкое беспрерывное восторженное чирикание! Это под деревянным настилом балкона верхнего соседа вылупились и оперились молодые воробышки. Они ещё побаиваются улетать из тёплого и уютного гнезда, высланного сухой травой, перьями и пухом, и поэтому во всё горлышко призывают своих пап и мам, умчавшихся за вкусными жирными гусеницами, жуками и бабочками...

Даже осенью и зимой, когда молчат все птицы, домóвый воробей подаёт свой голос. Не раз в тёмные морозные январские и февральские утра, собравшись тесной стайкой на ветках берёз, воробьи тихо, но оживлённо и без умолку «беседовали» о чём-то между собой. Воробьиные «собрания» прекращались только с появлением яркой утренней зари и множества людей, спешивших на работу мимо моих милых

воробышков и совсем не замечавших их.

Кто же среди птиц родственники нашего домового и полевого воробьёв? Оказывается, это обширный отряд пернатых под названием «Воробьинообразные», включающий в себя более половины населяющих Землю видов! Всё это преимущественно мелкие и средней величины птицы. Самый крупный представитель – ворон – весит 1,1-1,6 кг, а самый мелкий – королёк – 5-7 г.

И в орнитофауне ХМАО-ЮГРЫ насчитывается около ста видов воробьиных птиц, представителей двадцати одного семейства: ласточковые, жаворонковые, трясогузковые, сорокопутовые, свиристелевые, иволговые, скворцовые, врановые, крапивниковые, завирушковые, оляпковые, длиннохвостые синицы, славковые, корольковые, мухоловковые, синицевые, поползневые, пищуховые, вьюрковые, ткачико-вые и овсянковые.

И среди них – немало великолепных певцов!

Воробьинообразные – важный компонент биогеоценозов нашего северного региона!

Но, увы, в южных районах Тюменской области тот же полевой воробей может приносить значительный вред сельскому хозяйству! Во второй половине лета воробьи большими стаями кочуют по полям зерновых и масличных культур, поедая наливающуюся пшеницу, просо, коноплю, подсолнечник. И только после уборки полей они переходят на питание семенами сорняков...

Что же перевешивает – польза или вред? Думаю, на весах великой Матери-Природы дорого каждое живое существо! А регулировать численность полевого воробья могли бы, наверное, многие хищники (ястреб, сова, куница и др.), которых, увы, человек почти истребил!

Впрочем... так ли уж страшны для «чирров» хищники? Нисколько! Они селятся бок о бок со своими смертельными врагами! Что, кстати, и подтвердил мой любимый писатель-натуралист Виталий Бианки в рассказе «Красная горка»!

Как видим, плодовитость и высокая приспособляемость и «чик-чириков», и «чирров» просто выдающиеся, что даёт основание предполагать: никакое глобальное потепление для них не страшно! В любом природном катаклизме они всё равно извлекут свою выгоду!..

Домовый воробей, ноябрь 2015 г.

Птенец сороки. Сквер Победы в Нефтеюганске, июнь 2019 г.

Молодой дрозд-рябинник в сквере Нефтеюганска

«Живые истребители». Кулики над протокой Девкина, август 2008 г.

Утка кряква. Пр. Сырой Аган, июнь 2008 г.

Кулик. Пр. Девкина, июнь 2004 г.

В зимней тайге... Почти сказка!

...Утро декабря. После 50-градусных морозов северная заснеженная тайга отдыхает. Сразу второе потеплело. И ещё дует южный ветер.

Иду на широких охотничьих лыжах по снежной целине. Она мягкая, рыхлая, проваливается. Носки лыж зарываются в толщу савана, утонуть в котором можно почти по пояс. Чтобы себя снять с фотоштатива, вытаптываю площадку рядом с тощими болотными сосенками, веточки которых покрыты небольшими серо-зелёными лишайниками. Они свидетельствуют: здесь можно дышать полной грудью!

Да, воздух мягкий, опьяняющий, дышать – не надышаться! Рядом со спортивной лыжнёй тёмный кедровый бор в снежных ризах. Пониже его опять таёжное болото, где видны сухие деревья. Эти сухары – место отдыха чёрного ворона. Вот и он сам с громким криком пожаловал на вершинку ближайшего сухостоя. Прилетел и чистит клюв о сухие ветки: позавтракал где-то падалью. Чрезвычайно доволен, бодр и опять кричит на всю окрестную тайгу.

Мол, вот какой я молодец: выжил в смертельные морозы! Ничего мне эта якутская стужа не сделала.

Мне интересно наблюдать за чёрным вороном. Снимаю его на видео маленькой фотокамерой, крупным планом. На штативе – камера большая и тоже включена, пишет воронью песню. Бегут мимо лыжники, поёт-кричит ворон – хозяин тайги. Налипший на деревья мягкий снег приглушает звуки... Всё – как в сказке! Будто вот-вот появится сам Берендей или Баба Яга, у которых дружба с лесной птицей. Кажется, что вещунья и скликает сюда всю нечистую силу!

Впрочем, это разыгралось моё воображение. С чёрным вороном мы - друзья! Вижу и слышу его круглый год. Весной фотографировал его на высокой сосне, что растёт на берегу протоки Чеускиной, возле дач нефтеюганцев. Причём не одного, рядом летали ещё два сородича. Они тут давно поселились, семьи свои вороньи образовали...

Кроме крика чёрного ворона и скрипа спортивных лыж по снегу никого не слышно больше, даже стука по стволу сухары большого пёстрого дятла. Он тоже здесь живёт, воз-

ле кедровника. И в январе попал в объектив моей камеры. А сейчас вот молчит... Не загрызла ли болотная сова, промышляющая здесь же? Нет ни заячьих, ни лисьих следов. Впрочем, после такого густого снегопада звери ещё не набродили, не расписали замысловатыми узорами белую целину. И тоже, наверное, отдыхают, отогреваются после лютых морозов где-то в лесной чащобе.

Иду к пойме протоки. Уже рано смеркается, день с воробьиный носишко. По руслу мимо меня промчался снегоход с санями. Красный сигнальный огонёк промелькнул вдали в облаке снежной пыли. А из саней выпали на проторенную снегоходную дорогу три или четыре крупных сосновых ветки. Останавливаюсь: мне ведь тоже нужна новогодняя ёлка! Засовываю зелёную колючую добычу в рюкзак! (Дома поставил эти сосенки в ведро с водой в комнате; и они... пустили вскоре свои сосновые почки, зацвели! Зеленеют и благоухают и сейчас, когда пишу эти строки).

А чёрный ворон с криком летит на ночёвку вдоль берега протоки. Спокойной ночи, вещая птица!

Ещё бегут по лыжне юные спортсмены. Снимаю двух таких снегурочек на фоне суровой заснеженной тайги. Они... как феи из сказки, вынырнули из её тёмного чрева, на свет уходящего солнца, скрытого за снеговыми тучами.

...Зимний день заканчивается, тайга медленно засыпает.
Пора и мне домой!

Серебряный иней

...На термометре было около двадцати градусов мороза, когда я решил выбраться в лес. Окончательным поводом для этого стало довольно редкое явление в природе – серебряный иней, ещё с ночи окутавший деревья, кусты, травы, провода электролиний и т. д. И как только выглянуло румяное утреннее солнце, весь этот иней засеребрился, заискрился, запереливался в лучах скупого зимнего светила. Но яркости нашей родной звезды всё же с лихвой хватало, чтобы разукрасить и городские скверы, и лесные поляны, куда я и держал свой путь!..

«Мороз и солнце – день чудесный!». Эти пушкинские строки я непрерывно повторял в уме, благодаря судьбу за прекрасное праздничное, самое что ни на есть новогоднее, настроение!..

Широкие охотничьи лыжи с тихим шорохом пробивают снежную целину. От недавней оттепели на ней даже образовалась тоненькая корочка наста, теперь диковинным зеркалом отражающая все мельчайшие тени, всё яркое цветенье наступающего январского дня.

Глаза режет от нестерпимого сверкания снежного наста, горящего то жарким золотистым светом, то холодной голубизной в тенях лесных пригорков, высоких болотных кочек и старых пней на вырубках. Кажется, ледяные кристаллики инея плавают в контровом* свете солнца, как бы исходят неземным огнём-свечением!..

Поникие прошлогодние кустики трав молчаливо стоят, словно в забытии, в этих парчовых ризах сверкающего инея и куржака. Берёзы стали... невесомы, словно отделившись от земли и паря в высоком ярко-голубом небе, потом на моих фотоснимках оказавшемся ярчайшим фиолетовым! Ветки берёз, осин, тальников, рябин и черёмух превратились в нежнейшие коралловые сплетения и узоры, осыпающиеся миллионами мельчайших ледяных искр при неосторожном ударе лыжной палкой по древесным стволам.

Я весь с головы до ног осыпан этой снежно-ледяной пылью, ибо продираюсь сквозь заросли березняка и осинника. Но вот и опушка! Как светло и даже тепло здесь, в защищён-

* Контровый – направленный спереди, прямо в объектив камеры

ном от ветра месте. Невысокое солнце ощутимо греет кожу лица своими широкими и яркими лучами. Хочется сесть поудобнее на этом вот старом пне и подольше позагорать в живительном небесном свете, которого так не хватает нам в городских квартирах!

Но стайка мелких пичуг прилетает и садится на ветки берёз, вздымая тонкие облачка мельчайших ледяных кристалликов. Птицы ловко и деловито снуют по веткам, молчаливо перепархивая с одной на другую. Кажутся они мне диковинными живыми гроздьями, повисшими на заиндевелых деревьях. Щёлкаю подряд много раз кнопкой спуска фотоаппарата, наведя его на резкость в режиме телеобъектива. Почти неслышная работа электронного затвора ничуть не пугает лесных пичуг...

С пол часа, не меньше, стою и люблюсь прекрасной картиной северной зимней природы.

Но надо идти дальше, ведь январский день короток!

Жизнь в лесу не замирает даже в самую лютую стужу. В вечерних сумерках ныряют в глубокие снежные пуховики тетерева с тем, чтобы на рассвете шумно выпорхнуть на поверхность, оставляя после себя затвердевшие лунки и кучки помёта. Тетерева тут же рассаживаются по окрестным берёзам и начинают кормиться вкусными витаминными почками, которыми и питаются всю зиму.

Гложут по ночам кору поваленных бурей осинок зайцы-беляки: тут у них зимняя «столовая». К весне останутся только добела обглоданные стволы и ветки, да опять же кучки заячьего помёта.

Мышиное население по опушкам понаделало множество следов и снежных норок. Возле одной из них вижу чёткие отпечатки широких когтистых лап: «позавтракала» сова! Но и рыжая лисонька прямо-таки обожает подобное лакомство, конечно, не на виду у охотников! Заеваешься ведь невзначай – попадёшь на чей-то воротник или шапку!

По заиндевевшим еловым стволам скачет пепельно-седая белка, лишь недовольно цокнувшая при моём приближении. Тут у неё тоже столовая: еловые шишки! И чёрно-пёстрый дятел весь короткий световой день проводит в поисках спящих под корой деревьев жирных гусениц и ли-

чинок жуков-короедов. А то устроит для себя на обломанной ветром осиновой сухаре птичью «столовую»,нося сюда со всей округи спелые сосновые шишки, из которых в удобной расселине клювом извлекает вкусные питательные семена. Ловко это получается у лесного трудяги, длинный язычок так и снуёт между раздвинутыми чешуйками шишки! Целые вороха и кучи их можно потом увидеть под дятловыми «столовыми».

Синички, поползни, клесты, кедровки – все любят питательные, целебные семена хвойных деревьев!

В зарослях жёсткой полыни, пижмы и других зимних трав тоже много птичьих и мышиных следов: ветром насорило мелких семян растений, которые и спасают от лютого голода лесных обитателей.

...Вот и полдень! Солнце заняло над лесом наивысшую для начала января точку. Ещё недалеко позади остался наикратчайший день зимнего солнцестояния, «день с воробьиный скок»! Теперь солнце повернуло на лето, а зима – на мороз! Но впереди пришвинские «весна света», «весна воды» ...

Однако ещё правит в заснеженном Берендеевом царстве-государстве полновластный хозяин зимы – Дедушка Мороз! И трескучий рождественский, и леденящий крещенский!.. Заплачешь поневоле от стужи, если столбик термометра упадёт ниже минус сорока!.. Прячется от неё всё живое в дупла, снежные норы, под густой еловый полог. Тепло в берлоге косолапому, только небольшой парок струится из его зимнего логова. У медведицы же в самые лютые морозы появляются на свет крошечные слепые медвежата...

Чёрный ворон с протяжным криком летит над зимней заснеженной тайгой. Летит вслед уходящему солнцу, роняя на землю громкие тягучие звуки. И этой птице тоже хочется ещё немножко тепла, ещё капельку светоносной энергии, дабы пережить суровую длинную ночь.

Утро над зимовьем

...Рассвет едва пробился в дремучую лесную чащу. Глухая стылая тишина повисла здесь, между заиндевевших, укутанных снегом ветвей мохнатых елей, среди утонувших в сугробах мёрзлых стволов вековых деревьев.

Мельчайшая колючая ледяная пыль слабо засеребрилась, когда сквозь плотную морозную дымку с трудом дошли до спящей земли розово-жёлтые негреющие лучи зимнего солнца. Они косо упали на снежный взлобок и осветили его пустую шероховатую поверхность, редкие оцепенелые от стужи кустики, одиноко и сиротливо простирившие руки-прутья навстречу мне.

Ни звука, ни следа... Даже слабый шорох не доносится из глубины этого заледеневшего царства Берендея. Кажется, я был один на много вёрст кругом. Только иногда стонущий удар, замирая, проходил по лесу и будил сонную морозную тишину. Но тут же всё стихало и снова приходило в мёртвое оцепенение.

Лютая стужа уже пробиралась сквозь шубу и меховые рукавицы, зло кусала нос, щёки. Надо было поворачивать назад, но я не мог уйти, околдованный сказочным молчанием зимнего утра.

Возвращаясь к зимовью, вижу, как над придавленным снеговой шапкой деревянным срубом поднимается в небо сизый дымок. Значит, Федотыч вскипятил уже чайку, и скоро нам отправляться по маршруту...

...Огромный старый косач спросонья ошалело, с оглушающим треском крыльев вымётывается из сугроба. Вот ещё и ещё взрывается впереди снежная целина. Краснобровые, лирохвостые птицы мчатся над лесом и где-то снова падают в снег, спасаясь от мороза. Здесь, на маленькой полянке, место их ночёвки. В сугробах проделаны длинные тоннели, остался помёт.

А вот и широкие заячьи тропы. Косые много и затейливо натоптали на снегу за длинную ночь. И теперь наверняка хоронятся где-то в чаще, переваривая скудную пищу: веточки и кору молодых осин. Егерь достаёт топор и подрубает ещё

несколько деревцев:

– Не пропадайте, косые!..

К полудню немного потеплело. Мы вышли к местам лосиных зимовок. Прошедшим летом лесники заготовливали здесь сено для своих лошадей... Но стожки остались не вывезенными и теперь радуют глаз своей скромной красотой, каким-то особым теплом. Ведь в них аккумулированы человеческий труд, солнечная энергия и целебные соки земли, которые пили эти цветы и травы, ставшие теперь кормом для сохатых. Они уже проторили тропу к стожкам, а один объели так, что от него сохранилось лишь небольшое остожье.

Помню, в детстве, живя на Северном Урале, я не раз приходил на лыжах к лесным стогам. Если выдернуть клочок из самой середины приземистого стожка и поднести к лицу, то от него донесётся до вас неповторимый, тонкий и терпкий аромат, настоящий на многих травах. В этом сложном букете без труда определишь «виновников»: вот дохнула слабой горечью луговая мята, а это клевер сладко пахнул в лицо и тут же повеяло сухим нежным погремком и душистой таволгой. И вы непременно уловите в полифонии запахов присутствие других, пусть не столь уж заметных, растений. Среди них в стожках, словно в огромных гербариях, могут встретиться тысячелистник, раковые шейки, лютик едкий, лесные колокольчики, поповник, словом, обитатели со всей лесной округи. И очень интересно представить, в каком месте рос каждый из этих цветков.

Вот здесь, у ёлок, где сейчас лежат нетронутые снежные пуховики, в тени ранним летним утром открывали глаза голубые колокольчики, а жёлтые погремки цвели на самом солнцепёке и над ними басовито жужжали пчёлы, шмели. Там, в низинке, качались на тонких ножках раковые шейки, у старого остожья тянулись к солнцу крупные головки красного клевера. А таволга, наверное, росла около того ручья, что весело журчал под черёмухами и сейчас скован крепким ледяным панцирем.

...Северная природа Среднего Приобья, к сожалению, не столь изысканна, разнообразна. И поднятый мною клочок сена уныло зашуршал жёсткими высохшими стеблями...

Возвращаясь под вечер в зимовье, я всё думал о том, как непросто человеку достаётся в краю болот и тайги каждый литр свежего натурального молока. И что вся целебная сила этого чудесного напитка – в разнообразии самых обыкновенных зелёных растений!

Голубой день

После глухих январских морозов, в начале февраля, когда лютая коренная зима, словно израсходовав силы, ослабила свой натиск, на землю вдруг является голубой день. Он бывает единственным в эту неопределённую пору смятения в природе. Назавтра красный столбик термометра может скакнуть вниз, с Ледовитого океана широкой леденящей рекой хлынет ветер, загудит метель.

Я люблю ждать и встречать этот день, бесстрашного гонца весны, которая где-то в Узбекистане уже прибавила хлопот земледельцам и хлопководам, и с каждым сутками наступает по всей линии южного фронта. Потом, ближе к марту и в первый месяц весны, гонцов её станет больше, они принесут с собой могучее дыхание пробуждающейся природы. А пока... голубой день одинок.

В моём дневнике осталась запись:

«Был в лесу. Настоящая весна света. Солнце высветило каждый бугорок снега. Фотографировал. С сосен падали снежные шапки, понаделали лунок. Много заячьих следов. Спасались косые от январских морозов. Свет и тени. «Бокогрей» пригревает. Чудесно пахнет набухающими уже берёзовыми почками. На болоте сломал несколько веточек багульника. В тёплой комнате багульник выкинет мелкие бело-розовые бутончики цветов, которые источают крепкий весенний и дурманящий запах. От него кружится голова и кажется, что в гости пришёл майский лес».

В зимней тайге, январь 2016 г.

«В сказочной тайге». Лыжницы на трассе возле протоки Чеускина

«Монисто зимней ивы». Нефтеюганск, октябрь 2004 г.

«В контровом свете». Декабрь, окрестности протоки Чеускина

«Заснеженное царство»

Свет и тени зимы

«Голубой день». Ноябрь, северные окрестности Нефтеюганска

Заиндевевшие берега. Северные окрестности Нефтеюганска, декабрь 2004 г.

Стужёная парча и шпалеры весны света

... След лисы и след зайца пересеклись на февральском снегу! А тут и беличий нарыск рядом, труха под чахлой болотной сосенкой, украшенной пятком хилых шишек! Их и грызла от бескормицы обитательница тайги.

Плохо, голодно зверю на исходе зимы!

Но... Что это? На лисьей тропе – новогодние украшения: порванные красные воздушные шары, блестящая мишура! Рыжая притащила от ближайшей дачи, потрошила, да ... невкусно!

Вкуснее – заяц, на худой конец – полёвка!

Но зайцы-то проворны, а за полёвками мышковать трудно – снега в метр-полтора глубиной намело на берегу безымянного ручья! Там и «пробуравлены» дыхательные норки зверюшек, кормящихся на мёрзлой земле зелёными травинками.

Бежит лиса, скачет заяц!

Покормиться бы!..

Ночь морозна, на деревьях снежная парча да серебро! Лунный серп повис над вершиной ели... Там белкино гайно, тёплое, уютное! Куница бы потревожила белкин сон, да город близко!

Возле далёкого северного Нефтеюганска приютились звери: заяц, белка да лиса! Всё больше их тут: с окрестных дач кормятся отбросами. Охотники не трогают – осколок островной тайги отдан городской лыжной базе. Бежит лыжня по снежному простору: днём на ней молодые лыжники, ночью... лиса, заяц, белка! Проверяют: нет ли кусочка хлеба, колбасы? Ох, как кушать хочется!

Серая ворона ночует на высокой заиндевелой сосне! Первой пожаловала в наши края ещё в самом начале февраля; теперь их стая уже!.. Ранним утром летят вороны на городские свалки – покормиться бы! Каркать нет сил... Сидят серые на телевизионных антеннах на крышах многоэтажек молча, накупившись, ждут весны!..

В тайге – карнавал: множество снежных фигур! Ёлка вот закуталась в парчовый наряд, старый пенёк накинул на себя

чудную снежную шапку! Молодые берёзки, сосенки пригнулись под тяжестью наваленных на них сугробов!

Снег, снег, снег...

Он налеплен в изобилии везде, даже на стволах берёз и сосен! Он укрыл под собою пригородную тайгу, брусничник, багульник, траву! Мёртвое, безжизненное царство!

По снежной целине идёт человек на широких охотничьих лыжах. Всё примечает, фотографирует!

У него, в отличие от зверья и птиц, в котомке припасы: мёрзлый сыр и хлеб. Жуёт на ходу...

– Дай мне кусочек! – где-то выглядывает из-за колодины голодная лиса.

Не видит, не слышит её фотоохотник. У него на уме – только снимки-шедевры! Лиса не подпустит...

Вот и голубые весенние тени на ослепительно сверкающем снегу! Сошлись в одном дне студёная зима и робкая ещё весна света!.. Как не снять?..

...Поделится потом фотохудожник своими трофеями с друзьями по всему миру, подарит им эту суровую северную КРАСОТУ!!!

Голубой день... Конец зиме!

... Чёрный ворон оповестил всю округу о своём появлении, прокричав в синеве неба почти что весеннюю песню. Сорока залихватски устремила за ним в сумасшедшую высоту, радостно стрекоча оттуда о начавшихся сорочьих свадьбах. Вот он, конец зиме!..

Весну света почуяли и скромные серые полёвки, треть года переживавшие морозы под снегом и понадевавшие в его толще множество дыхательных норок. Теперь возле каждой из них двойные цепочки мелких мышинных следов – вылезли на свет Божий затворницы, разминаются!..

Рядом – следы лисы, мышковала!

Заяц тропил снежную целину, направляясь к ближайшим дачным участкам покормиться. Беличий нарыск стремительно пересёк заячий и лисий следы...

Там, где белка ненадолго задержалась под чахлою болотной сосною, кладу кедровые шишки и высыпаю большую

горсть вкусных орешков. Теперь вот угощу и зайца, и лису: первому капустных листьев и кочерыжек, второй – ломти серого незрелого хлеба и кружок ароматного колбасного сыра!

Кушайте на здоровье, звери!

Голубой февральский день в разгаре. Глубокие синие тени расчертили ровными шпалерами ослепительную белизну снега; болотные кочки и моховины нежно укутаны волнистыми сугробами и похожи на целомудренные... девичьи груди. Повсюду ещё – на ветках и стволах деревьев, на старых пнях и валежинах – причудливые снежные фигуры!

Мимо мчатся по накатанной до блеска лыжне задорные мальчишки и девчонки. Даже малыш встал на крохотные лыжонки!..

В небе над нефтеюганским аэропортом тоже весёлая сумятица: то и дело со взлётной полосы устремляется в просторный голубой океан старенький АН-2, выкидывая с километровой высоты партии отважных парашютистов. Белые купола издали кажутся медленно сплавляющимися по весеннему бризу маленькими медузами.

А ветер – южный! Конец зиме!..

Вот парашютисты благополучно проплыли над кромкой хвойного леса, отделяющего меня от аэродрома. Небольшой отдых, заправка самолёта – и снова в небо! Местный парашютный клуб тренирует своих воспитанников!

Весна!..

– Дядя! А ты что, охотник? – слышу рядом удивлённый мальчишеский голос.

– Нет-нет! Просто фотографирую в лесу весну света, следы птиц и зверей!..

Паренёк, идя рядом, просит меня назвать встреченные затейливые наброды, нарыски, цепочки, оставленные минувшей ночью обитателями этого крошечного осколка бореальной тайги. Видно, на уроках биологии не проходили? А жаль... Малых братьев наших надо знать хотя бы по их следам!

...Солнце давно перевалило за полдень, а свет, льющийся с небес, не убывает!

Голубой день! Как долго мы тебя ждали! Погоди, не уходи!..

Снежная чаша

... Был в лесу. В низине скопилось озерцо воды. По краям озерца и на дне его белел снег, и в этой снежной яме, наполненной светлой и прозрачной водой, стояли несколько берёзок-подружек. Казалось, они, подоткнув повыше свои белые юбочки, умывались из этой весенней чаши, да так и замерли над чистым ликом набежавшей с пригорков снеговой воды.

Ярко светило солнце. Лёгкие пушистые облака, что ветер нёс по небу, плыли и по атласной глади озерца, смешиваясь с белыми отражениями берёз. Почудилось вдруг, будто кто бросил в воду голубые лоскуты дорогой материи, которая в сочетании с золотым блеском солнечных лучей и трепещущим серебряным светом берёзовых стволов казалась сотканной из волшебной бирюзовой пряжи.

Всё: и небо, и деревья, и человек, который пришёл сюда в ликующий час пробуждения природы, – в удивлении засмотрелось в завораживающий осколок зеркала весны.

Зеркало марта

В лесу – весна. «Цвинь! Цвинь!» – целый день поёт синица, как будто у берёз переговариваются хрустальные молоточки и наковаленка. На снегу – царство теней. Заячий след петляет через них, уже тронутый вешними лучами. Солнце по-домашнему нагревает в полдень стволы и пни, подтачивая с юга возле массивных комлей зернистый наст.

Лось бежал через лес, вырыл в снегу громадные следы. Наледь покрыла их тонкой корочкой, и льдинки хрустят под моими лыжами. А это тетерева ночевали под снежной шубой, спасались от морозов. Ямки пообтаяли и звенят маленькими сосульками.

Чистая снежная скатерть в марте, оплавленная до блеска стеклянной глазури, великолепно отражает предметы. Вот засмотрелась в снежное зеркало ёлочка-подросток и не шевельнётся, замороженная каким-то чудом. Пень-снеговик бросил рядом важную купеческую тень. Широкими полосами легли вокруг тени деревьев-великанов. А лесную просеку

солнце аккуратно разлиновало поперёк чередующимися шпалерами чёрного и белого. Везде весёлая кутерьма света и теней, каждая мельчайшая веточка, каждый бугорочек на снегу стремится иметь своё бесплотное подобие.

А солнце, мартовское солнце, словно взбесилось – льёт и льёт потоки тепла и света. Глаза не выдерживают и слезятся от ослепительного напора солнечных лавин. Воздух хорошо прогрелся, можно раздеться и загорать, слушая, как тихо, по слезинке, истекает с пня его важный убор. Солнце, снег и воздух, целебно напоенный весенним лесом, рождают в душе восторг.

В зеркале марта отражается тяжело-голубое, насыщенное светом небо, деревья, кустарники, всё сущее и живое. Всё глядится в себя...

...День уходит, а около берёз по-прежнему раздаётся хрустальное «Цвинь! Цвинь!» – поёт синица.

Берёзовые «свечи»

Мартовские и апрельские снега – всегда выше пояса! Особенно в руслах речек и проток!

Однажды в начале апреля я шёл высоким берегом протоки Чеускинской. Нужно было перебраться на другую сторону, на пойменный остров, манивший издалика берёзовым «ситцем». Скатившись по откосу, я не удержался на ногах и плюхнулся в снег. Кое-как освободив резиновые крепления лыж, пытаюсь встать. Но не тут-то было – до земли так и не достал, повиснув в снежной толще на раскинутых руках.

Ощущение не из приятных! Надо было как-то «плыть» к более мелкому месту, но оттолкнуться не от чего! С полчаса я барахтался в глубоком сугробе, пока не ощутил под ногами твёрдый грунт. Используя широкую лыжу как лопату, стал разгребать узкую траншею в толще сугроба. Она меня и вывела к руслу протоки с желтоватыми наледями поверх наста...

О затраченных усилиях нисколько не пожалел, очутившись в торжественном берёзовом бору. Здесь было как-то строго, просторно и величественно одновременно: сверкающий на солнце снег и белые стволы деревьев, тонкими

«свечками» уходящие в голубое вешнее небо! Свет и тишина поразили меня, словно в великолепном храме. Это и был Храм Природы, приготовленный мне, маленькому человеку, с тем, чтобы разбудить в сердце Красоту, Любовь!..

Ни с одной из берёз здесь, на отдалённом пойменном острове, не была содрана береста. Ни одно дерево не было покривлено в процессе своего роста, не похилено бурей, не поломано. Красота и Гармония жили в этой милой роще возрастом чуть более полувека. Берёзы ещё не состарились, почти не болели и приятно ласкали глаз своим простеньким «ситцем»: мелкими чёрными крапинками-полосками на шёлково-нежной поверхности белой коры.

Долго я тут стоял, посреди берёзовой рощи, впитывая в душу какую-то Божественную благодать! Чистая небесная прана как бы сама лилась в мои лёгкие при каждом радостном вздохе, в сердце рождался необъяснимый восторг.

...Я вдруг опомнился. Извлёк из внутреннего кармана куртки цифровой фотоаппарат и стал щёлкать им налево и направо, спеша запечатлеть эту какую-то неземную Красоту!..

Мартовский ручей

Очередной лесной поход предпринимаю в апреле за город.

После мартовских оттепелей утренний морозец снова заковал землю. А снежная поверхность покрылась настом, своеобразной ледяной коркой. Идти по ней хорошо, как по твёрдой дороге. Мои спортивные лыжи даже не проваливаются.

Беру курс на виднеющийся вдали Олений остров. Широкая пойма вокруг уныла и однообразна, и если бы не проглядывающее из-за облаков солнце, вовсе казалась бы безжизненной.

Мои «Зенит» и «ФЭД» пока без дела: фотографировать нечего. Ни птиц, ни зверей...

Но зато какой простор, сколько неба и чистого воздуха! Дышу – не надышусь после городского смога.

А вот и знакомая протока, похожая теперь на мартов-

ский ручей. Весна потревожила и её глубокий сон: на снежной поверхности выступили жёлтые наледи. Спускаться на них опасно. Иду вдоль берега.

Тихо позванивают скатывающиеся вниз сосульки и льдинки, нарощие с южной стороны обрывистого откоса. И тут только замечаю, с какой необыкновенной фантазией мороз и солнце поработали над хрупкими ледяными узорами.

Тающее под жаркими лучами снежное покрывало медленно истекало вниз, в глубокую тень обрыва, где днём и ночью царствовал лёгкий морозец. Сочащаяся весенняя влага тут же замерзала, изо дня в день наращивая фантастические фигуры. Были тут и знакомые по Кунгурской ледяной пещере небольшие «сталактиты» и «сталагмиты». Но больше всего меня поразило прозрачное и тончайшее ледяное кружево, свисавшее вниз, над ручьём. Описать эти прекрасные узоры моё перо не в силах, они мне напомнили ледяные росписи деда Мороза на зимних стёклах деревенских изб.

Но эти имели форму, объём, хрустально светились. Заснять их на плёнку оказалось делом невозможным, потому что мои шаги потревожили это сказочное ледяное царство, и вместе с коркой наста часть ледяного кружева обрушилась...

Долго я стоял над мартовским ручьём, любуясь остатками шедевра Природы.

Художница-зима

...Как-то я шёл на широких охотничьих лыжах по апрельской пойме Оби. Февральские и мартовские ветродуи оголили её: из-под тонкой корки наста тянулись к небу голые былинны, прутки ив. Зато весь сметённый снег скопился в оврагах, на северных склонах пойменных ручьёв и речушек. Здесь образовались двух-трёхметровые сугробы, синевато-таинственные в тени и сверкающие расплавленным серебром по верхушкам гребней, весело освещённых уже ярким апрельским солнцем...

Как же красивы и величественны были эти растянувшиеся на десятки метров обские сугробы! Они таили в себе

силу будущего могучего и безудержного разлива великой реки, когда сливаются в одно водное пространство тысячи ручьёв, проток, озёр! И на прогретые вешним теплом соры* устремляется вся обская рыба, вся перелётная птичья рать!..

Пока же внимательно наблюдаю за всем происходящим вокруг. Вот снежный пятачок (снежные заструги) со всех сторон продуваемой поймы, где ветер-ваятель очень тонко и искусно поработал своим «резцом». Посмотрите на снимок, который я назвал «Художница-зима». Даже в чёрно-белом варианте красив и безупречен этот узор, буквально филигранно выточенный в плотно спрессованном снеге. Узор очень индивидуален, неповторим! Попробуетесь, но не сделаете такого!..

А вот тот же ветер стал... геометром и начертил на весеннем снегу правильную окружность: она сделана с помощью нагнутой вращающейся былинки; сколько же раз надо было сделать таких циркульных вращений былинки, чтобы прорезать на поверхности снега отчётливый геометрический след!..

Подобные примеры творчества в Природе неисчислимы!

Люблю снимать, например, разные снежные фигуры в лесу. К весне их много появляется в островных борах: на пнях, на валежнике, просто на еловых, пихтовых ветках, на наклонённых деревьях. Это настоящие роскошные «шапки Мономаха», снежные «улитки» и «драконы», «змеи-Горынычи» нашей сибирской зимы о двух-трёх головах и многое другое. С усилением солнечного сияния, с каждым очередным весенним потеплением снежные фигуры шумно рушатся наземь, приводя в трепет пугливого зайца, залёгшего на днёвку где-нибудь между сучковатых коряжин.

Хорошо этот процесс описан М. М. Пришвиным, когда весну света постепенно, а то и мгновенно (за сутки-другие!) сменяет весна воды. Великое смятение начинается в природе, и горе путнику, застигнутому весенней распутицей далеко в тайге! Ни «Буран», ни широкие охотничьи лыжи не помогут в проваливающейся глубокой снежно-водяной каше!

Но есть, повторю, небольшой промежуток времени, когда как бы в межсезонье снежный театр и снежный зверинец

* Сор - залитый полый весенней водой луг, пойма реки

в полной красе встречают вас во вдруг ярко зазеленевших темнохвойных борах. Да и в пойме очень интересно и удивительно! Сам не раз любовался в такие тихие солнечные дни плачущими прозрачными сосульками на северных берегах-карнизах обских проток, слушал их нежный хрустальный перезвон, издаваемый льдинками при малейшем дуновении ветерка. Изваяны были те узорчатые, тонкие, нежные ледяные кружева апрельским солнышком и тенью-морозцем!.. Днём сюда проникало тепло – и сосульки «плакали», медленно истаявали, не желая расставаться со своей короткой жизнью и красотой.

...Моё любимое время года – весна: весна света, весна воды, весна цветов и первой зелени! Всегда в эту пору стремлюсь за город, в хвойные сосново-кедрово-ельниковые боры, в островные берёзовые рощи, где тонкими красивыми «свечами» тянутся к голубому весеннему небу белые берёзоньки...

Туда, где медленно испаряются, истаявают в лесной тени белые острова снега, сбегаются по верховым болотам в ручьи, речушки, рушатся потом мутными селевыми потоками с крутых берегов пойменных островов, давая жизнь проснувшейся пойме. Выглядит она в это время ещё некрасиво: мутные глинистые воды с крупными льдинами в грязновато-жёлтых потёках, соломенно-жёлтые полосы-валы сухой прошлогодней осоки. Но уже всю развёртывается рыбац-браконьер, оснащённый новыми сетями и резиновыми лодками; всю слышен гомон утиных стай, приводняющихся на широкой пойме. Кормятся, то и дело погружая в воду головки на длинных шеях, лебеди-кликуны. Они истощали в дальнем перелёте и сейчас всецело заняты этим важным делом, выискивая на мелководье в иле жирных личинок и червей...

Жизнь закипает в пойме с каждым наступающим весенним днём! Замрёт же она постепенно ещё в далёком пока октябре, когда от первых крепких морозцев по Оби пойдёт ледяная шуга.

«Художница-зима» (снежные застрugi). Пойма реки Оби, апрель 2004 г.

«Трава и ветер – геометры». Сквер Нефтеюганска

На широких лыжах, январь 2016 г.

Следы зайца-беляка, март 2018 г.

«За курами в деревню». Лисьи следы у дач на берегу протоки Чеускина

Снежная «улитка», февраль 2004 г.

Снежный «удав», февраль 2004 г.

Берёзовые «свечи». Окрестности протоки Чеускина, апрель 2004 г.

Снежная «каша», май 2004 г.

Весеннее чудо

Май... Насквозь просвеченное солнцем берёзовое редколесье. Молодые копыя травы. Я иду, внимательно осматривая пробитую зелёными стрелками лесную подстилку. Где-то здесь должны быть сморчки, первые весенние грибы.

Раньше я их никогда не брал, вернее, не обращал внимания. Но как-то знакомый лесник обронил:

– Нынче-то сморчков – на каждом шагу!.. Ух, и ядрёные...

По описанию лесника я и вышел на самые заповедные сморчковые места. Около свежего берёзового пня мой взгляд сразу же натолкнулся на что-то необычное. Над прошлогодними листьями тянулся к свету на желтоватой трубчатой ножке симпатичный уродец. Особенно замечательной была его светло-коричневая шляпка, которую избороздили многочисленные извилины, глубокие пазухи. Присмотревшись, я увидел в одной из складок крошечную улитку.

Грибы с такими же большими и поменьше мозговидными шляпками я нашёл и поодаль. Чем старше был сморчок, тем темнее казался его наряд, а ножка – зеленее.

...Дома, отваренные в крутом кипятке, тушёные со сметаной, сморчки источали обворожительный запах.

Вместе с грибами принёс я и букетик подснежников. На Севере их не так много, но как скрашивают они ещё голый берёзовый и осиновый лес. Пора подснежников коротка, а передают эти скромные цветы как бы эстафету от побеждённой зимы – лету. Стойко и храбро переносят возвращение холодов. Странно бывает видеть запорошенные снегом, грустно наклонившиеся к земле белые и голубые венчики...

...Подобное весеннее чудо так просто растоптать грубым сапогом.

Первоцветы Севера – зов Красоты!

...Конец мая и начало июня к нам, на Среднее Приобье, врываются стремительно! Ещё вчера вокруг была неодетая пришивинская весна, ещё только распустились нежные жёлтые «барашки» тальников и на пустырях кто-то рассыпал золотые монетки мать-и-мачехи... А через две недели та же камчужная трава (ранник, белокопытник) стоит с уже голыми прутиками – цветоножками и полностью облетевшими с них маленькими пуховыми шариками. И водяной лопух, околоречную траву, всю догоняют в радостном неудержимом цветении другие солнечные первоцветы Севера – пойменная калужница болотная, весёлый лютик и житель бугров и возвышенностей неугомонный одуванчик. На болотах отцветают мирт и андромеда, набирает бутоны багульник; заневестились всю черёмуха, дёрен сибирский, на очереди – калина и рябина...

К 20 июня, т. е. недели через три-четыре, сезон северных первоцветов полностью заканчивается!

Отцвели на садово-огородных участках и жёлтые нарциссы, купавы и пр.

Приобское лето вступает в свои права!..

Мне же хочется поподробнее рассказать о неизвестном многим юганцам весеннем волчьем лыке, которое (наряду с редкими растениями-первоцветами: сон-травой, адонисом весенним) чаще встречается в ХМАО-ЮГРЕ на склонах Уральских гор и на границе со Свердловской областью.

...Мы шли по границе Висимского государственного заповедника. Был тихий солнечный майский денёк, земля парила, быстро прогревалась, густо щетинилась острыми зелёными стрелками молодой осоки, других трав. Охранная зона заповедника, где мы находились, была недавно основательно прорежена лесозаготовителями: кругом валялись сучья, вершинки сосен и елей, кучи увядающей хвои.

– Смотри! – вскрикиваю от неожиданности. – Это же волчье лыко!

Чуть в стороне от влажной лесной тропы высится цветущий чудо-куст: сплошь унизанные мелкими розовыми цветочками голые, без листьев, стебли, похожие на бурова-

то-шероховатые прутики! Подходим с егерем заповедника Толей Галкиным поближе: острый, резкий цветочный аромат заполняет наши ноздри, мешая дышать! Он, кажется, волнами колыхнется вокруг диковинного кустарника!..

...А теперь, друзья, помечтаем! Почему бы нашим лесникам или просто любителям природы не размножить в пригородных нефтеюганских лесах прекрасное весеннее растение? Как и жёлтый прострел (сон-траву), адонис весенний, нежную, с разноцветными цветками, медуницу, купальницу (европейскую, или самые настоящие сибирские «жарки») – в общем, все наши северные первоцветы! И как было бы приятно встретить в приобских островных лесах такую... КРАСОТУ!!!

Калужница – над водой!

Конец мая, начало июня...

Наконец-то к нам на Север пришло тепло. Дотаивают в тайге последние сугробы снега, во все концы пойменных приобских островов бегут говорливые ручьи; поют птицы. Благодать!.. А вот и верба уже зацветает, а там над водой красуются крупные золотисто-жёлтые цветы калужницы болотной.

Каждую весну фотографирую это великолепное водное растение, чистое и нежное. И не бывает одинаковых снимков!..

В Среднем Приобье калужница – многолетнее травянистое растение из семейства лютиковых, которое достигает в высоту 50 и более сантиметров. На пойменных лугах оно начинает пробиваться из почвы сразу после схода снега. Светло-зелёные нераспустившиеся бутоны, покрупнее и помельче, все тесно собраны возле короткого толстого стебля, быстро поднимающего их к солнцу, к голубому весеннему небу. Нежная зелень эта даже на вид вкусна, а отваренная и маринованная, хороша в салатах, борщах, солянках. Даже корни калужницы, проваренные в солёной воде, идут в качестве приправы ко вторым блюдам. Но растение это слабо-ядовито, поэтому употреблять его в больших дозах не рекомендуется.

Название цветка произошло от старорусского «калужа», т. е. лужа или болото. И из-за пристрастия к воде калужницу называют лягушатником, водяной змейкой.

Этот род включает около сорока видов, произрастающих в умеренной зоне обоих полушарий. Калужница обычна как в европейской части России, так и в Сибири, на Дальнем Востоке. Растёт она даже в отдельных районах Средней Азии.

Родиной калужницы дудчатой являются Чукотка и Сахалин. Это самое мощное и эффектное среди родственных членов растение! Калужница многолепестковая – буйно цветущий сорт кавказского происхождения с крупными тёмно-зелёными листьями. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке произрастает калужница перепончатая и т. д.

...Иду берегом разлившейся протоки. Голубое небо с лёгкими пушистыми облачками отражается в спокойной воде тихой заводи. А среди голубого и белого – золотистый ковёр зарослей цветущей калужницы. Через неделю-другую повянут, опадут ныне глянцевиые, живые лепестки, о чём-то тихо шепчущиеся с ветром, водой, опрокинутыми в мелководный тёплый водоём уже летними облаками.

Смотрю и не насмотрюсь на такую удивительную картину весеннего цветения этой исконно русской водной флоры. Отдельные кустики шагнули на целый десяток метров от берега! Их голые ветвистые стебли увенчивают золотистые антенки, чутко поворачивающиеся вслед проходящему по небосводу жаркому солнцу.

... А теперь хочу сказать о весне воды, о весне цветов строками из моего походного лесного дневника.

«18 мая 2003 года. Вовсю цветут вербы. Снега уже нигде нет. Поют лесные птицы, летают и кусают комары. Распускаются берёзовые листочки – только-только проклюнулись из бутонов. На руку села какая-то муха. По поверхности многочисленных луж и озёрцов снуют жуки-плавунцы...

Возле Девкиной протоки видел бабочку-белянку, ползущих по поваленному стволу сухары деловитых муравьёв. Минут пять назад передо мной пролетел красавец-селезень, летел и громко кричал. Наверное, искал потерявшуюся подругу. А маленькие чирки проносятся в небе как... снаряды! Слышны голоса рыбаков в пойме протоки, опять браконьеры ловят сетями нерестящуюся рыбу.

С криком вдоль протоки, низко над водой, пролетела пара куликов.

Дошёл до самой «стрелки». Здесь шумной стайкой вспорхнули спугнутые мной дрозды-рябинники; в воздухе «блеет» бекас.

В глубине кедрового бора снова слышу две «свадебные» барабанные трели (по сухому сучку) больших красно-пёстрых дятлов. Вскоре один из них откликнулся обычным дятловым криком. А кукушек почему-то слышно мало...

Возле трассы ЛЭП-500 слева надо мной пролетела в сторону Сургутского района журавлиная стая. Птицы немолчно кричали, видно, радовались близкому концу дальней тяжёлой дороги...

Невидимые мне, на пойме беспрерывно крякают утки, а в небе (тоже невидимый, так высоко поднялся!) кричит ястреб, высматривая на земле добычу. Наверное, он делает там большие плавные круги, а потом резко пикирует вниз, стремясь схватить зазевавшихся рябчика или тетерева. А то и мартовского зайчонка уже в серой шкурке».

Надо заметить, что весна на весну не приходится (18 мая 2002 года, например, в лесу ещё было полно снега! И в нынешнем мае я шагал к протоке по снежной каше). Но как бы ни свирепствовала непогода в Среднем Приобье, как бы ни накатывали волны арктического холода, запоздавшая здесь весна обязательно наверстает упущенное!

Неженка

...Как-то в жаркий летний полдень я остановился возле болотистой низинки, которую пересекала заброшенная просёлочная дорога. Здесь ещё с апрельского снеготаяния набежала прозрачная, чистая вода, заполнила широкие колеи и разлилась вокруг ивовых кустов. Вода была не глубокая, почва под ней мягкая, илистая, удобренная лесным перегноем. Поэтому по бережку ярко зеленела трава, а над чистейшим водным зеркалом тихо покачивались крупные золотисто-жёлтые цветы. Это цвела калужница...

Её толстые, сочные стебли уходили через воду в тёмный жирный ил, всё растение как бы любовалось само собою, млея от жары, никем не нарушаемого покоя, обилия света, влаги и питательных веществ. «Ну и неженка! – подумал я. – Многие цветы в такую затяжную весну не смогли набрать всей красоты, а этим и горя нет».

Но напрасно я упрекал калужницу, поскольку её родина – болото. Как и другие влаголюбивые растения, она должна постоянно искать соседства с родником, речушкой, ручейком. И если те пересыхают, то моментально вянут толстые блестяще-зелёные листья калужницы, меркнет и сворачивается от горячего солнца золото её околоцветников. Остаются на растрескавшейся засохшей земле чёрные поникшие стебли, которые скоро превратятся в прах...

Всё это плата за расточительство, неприспособленность – ведь в процессе эволюции калужница так и не смогла выработать защитного механизма против излишнего испарения влаги, он ей попросту не нужен. В засушливую пору, образно говоря, растение предпочитает «умереть», чем жить в скудости и лишениях (как некоторые засухоустойчивые травы).

А пока в низинке, благодаря солнцу и воде, существовал... земной рай! Звенели в насыщенном испарениями воздухе мелкие и крупные насекомые, опускаясь на широкие чашелистники, чтобы проникнуть хоботками в основания пестиков и украсть капельку нектара.

Летний полдень собирал на голубой небесной равнине кремевые облака, громоздил их в сказочные горы, и было видно по всему, что к вечеру или ночью пронесётся над лесом освежающая гроза и умоет помолодевший лик природы, которой мы все обязаны жизнью.

Заросли багуľника, июнь 2004 г.

Соцветие багуľника, июнь 2004 г.

Калужница болотная.
Протока Сырой Аган, май 2015 г.

«К калужнице в гости», июнь 2006 г.

Соцветие волчьего лыка. Фото С. Катаны

Ягоды волчьего лыка. Фото С. Катаны

Одна заря спешит сменить другую...

Не первый раз езжу на Обь встречать белые ночи. И всегда они предстают новыми, неожиданными, прекрасными.

...Второе июля. Вечер. Река разлилась, далеко выйдя из берегов. Найдя островок суши, мы развели костёр. Тихо. Только, не замолкая, противно гундосят комары. Их тут целые полчища, облепили с ног до головы, шевелятся на штанах и моей старой куртке-брезентухе живым серым покрывалом. Как бы вторая... комариная «одежда», какой-то сплошной кусачий панцирь!.. Мазь «Дэта» ненадолго отпугивает кровопийц, и руки уже покрылись волдырями от укусов.

Вскипел чай, по обыкновению заваренный душистыми смородиновыми листьями и розовыми цветами шиповника. Бросаю в котелок горсть индийского, чёрно-бархатного, и закрытую посудину ставлю в траву, чтобы хорошо упрело целебное зелье. Донные удочки уже заброшены, но сторожки неподвижны. Вся рыба сейчас в пойме, в сорах. Даже стерлядка, которая всегда в эту пору раньше попадалась нам на крючок, вольготно плавает где-то в затопленных высокой паводковой водой зарослях тальника, находя там обильный корм. Большая вода – беда для нас... (Правда, браконьеры успевают тайком ночью ставить сети на дорогую рыбку!)

Значит, впереди простой... рыбный суп, а не заветная уха! Две банки сельди в масле, картошка, лук, чеснок, кое-какая приправа – и кушанье готово! С аппетитом облизываем ложки... Конечно, есть и рыбацкие «сто грамм» на брата!

Уже одиннадцать вечера, солнце скрылось за горизонт. Левее мачты ЛЭП-500 будто отсветы пожарища, небо пылает огнём. Пьём душистый чай, вспоминаем прошлогодние рыбалки. Они, конечно, были удачнее, ведь тогда вода в Оби в начале июля уже начинала спадать, входила в естественные берега. Сейчас же всё кругом залито: и луг, и болото, и все низинки. Кое-где Обь соединилась через наш остров с параллельно протекающим ручьём-протокой, чего давно не бывало. Без бродней к нему не подойти. Хорошо, что хоть червей заранее накопили на огороде. Но клёв вряд ли будет... (Забегая вперёд, скажу: клюнул под утро лишь один старый

окунь граммов на триста, которому, видно, лень было убраться на пойму со знакомого места. Из него и получились... две порции нашей жидкой ущицы!).

А пока... Я снимаю «Зенитом» на цветную плёнку зарево заката. В ходу постоянно и моя портативная видеокамера. Такие краски, цвета вряд ли увидишь в другое время, в августе, например.

Постепенно огненное зарево бледнеет, бросая дрожащие отсветы на Обь, что широко и плавно катит свои воды к Ледовитому океану. Зеркало реки нарушает лишь паром с переправы да юркие моторки. Тогда на поверхности тихой сонной реки прокатываются длинные округлые волны, шевеля прибрежный мусор.

Птицы утихли. Лишь кулик-мородунка одиноко летает над руслом задремавшей Оби, роняя в полусумраке ночи протяжные жалобные крики. Заря уже переместилась направо от опоры ЛЭП-500: там явственно розовеет полоска неба над линией горизонта, изрезанной верхушками тёмных деревьев.

Ненадолго засыпаем у костра. Будит меня птичий хор. Начало второго ночи, а в кустах черёмух и тальников всё громче голоса маленьких северных певцов! И вокруг заметно посветлело. Через час-другой будем встречать восход солнца.

...Наверное, под силу только какому-то гениальному живописцу передать своей кистью (но не словами) всю гамму нежнейших красок, тонов и полутонов, что украсили небо и воду, плавно переходя из одной стихии в другую. Это была тончайше-изысканная феерия цветов – розового, жёлтого, лимонного, а потом и золотого, когда солнечный шар внезапно выкатился из-за высоких тальников и окрасил всё в тёплые-претёплые тона. Забронзовели вершины тополей, стволы деревьев, кусты калины и черёмухи, трава из изумрудной вдруг стала тоже золотистой...

Художник-солнце недолго поработало своей кистью. Через 10-15 минут холодные тучки скрыли его с наших глаз. И сразу в природе всё потускнело, повеяло сырým холодом...

Белая ночь на протоке Девкина, июнь 2004 г.

«Огненный шар». Восход солнца на протоке Девкина

Перед вечерней зорькой, август 2004 г.

Рождение нового дня. Северные окрестности Нефтеюганска, январь 2004 г.

Цветы лета

...На лесной полянке в окружении тенисто-густых шумящих берёз – праздничный фейерверк жизни: горячие пятна солнечного света, нежно светящаяся зелень трав и листвы, голубые, жёлтые, пурпурные россыпи и островки цветов. «Вж-ж-ж» – гудит толстый шмель, запутавшись в траве. С цветка на цветок перелетают отяжелевшие ленивые пчелы, разморённые зноем, одурманенные крепким медовым ароматом цветочного нектара. В настоящем на цветах воздухе порхают бабочки, вьются разные мухи и оводы, тонко гудят комары.

В нашем северном краю цветы не поражают воображение густотой красок, особенно лесные. Они скромны, неприхотливы, срок их жизни невелик, но в памяти всегда хочется удержать всю гамму нежнейших ароматов.

Летом всё поёт о жизни, всё подчинено тому, чтобы прославить и возблагодарить её! Цветы же не только поют, они и танцуют. Да, да! Взгляните на луг – он пёстр, как дивный ковёр. И каких тут только хороводов не встретишь, каких «кадрилей», «русских плясок», «гопаков» не выделявают пахучие ромашки, стройные раковые шейки, незабудки, колокольчики, анютины глазки, горицвет кукушкин и т. д. Вот слегка подул ветер, встрепенулись цветы и травы, всё пришло в движение, зарябило в глазах. Ну, чем не танец цветов!

Ромашки наиболее привлекают меня своей милой нарядностью. На лугу ли, на лесной поляне, у дороги они всегда заметны в зелёном и разноцветном хороводе трав и цветов. Расправив белые венчики лепестков, удивлённо глядят в мир. И кажется, что само лето засмотрелось на себя в голубое зеркало неба.

Белое, говорят, чистое! Нежные лепестки молодых ромашек, освещённые солнцем, сверкают от совершеннейшей чистоты и непорочности. Недаром в веках повелось: девушки плетут из ромашек венки и гадают «любит – не любит». По моему глубокому убеждению, ромашки символизируют целомудрие, верность. И если с годами утратит человек что-то из этих качеств, то, встретившись с ромашками, наверняка ошутит укор этих простых и милых цветов.

В августе на просеках, вдоль дорог, на лесных вырубках буйствуют сплошные разливы кипрея, или иван-чая. В прошлые века его розовые лепестки и соцветия русские люди собирали и торговали душистым северным дивом (капорский чай) с заграницей. Растение это лекарственное, один из лучших медоносов. Светлый, прозрачный кипрейный мёд издавна помогает в борьбе с разной хворью.

Но и листья, и цветы кипрея можно заваривать в кипятке, получая прямо в лесу, у костра, витаминный чай. А если туда добавить плоды и веточки шиповника, смородины чёрной, то по вкусу с этим напитком не сравнятся никакому заграничному кофе или какао. Кирпично-красный, почти чёрный лесной целебный чай восстанавливает силы усталому путнику, бодрит рыбака, охотника.

Я тоже заготавливаю в пору щедрого цветения иван-чай, сушу его развешанным в пучки. И не раз была моя квартира осыпаема лёгким белым пухом, который пускали даже высушиваемые цветы кипрея узколистного...

В трескучие морозы своим нежным тонким ароматом кипрей напоминает о дарах короткого северного лета.

Обские... синеглазки

...Наступало прохладное и дождливое августовское утро. Мы с товарищем только что проверили донные удочки, на которые попались небольшие плотвичка и ёршик. Из-за непогоды утренний клёв явно срывался. Однако ночью Владимир Павлович поймал двух крупных стерлядок, а вчера вечером, перед закатом солнца, активно клевали хорошенькие подъяски. И на уху у нас, в общем-то, рыба была!..

Насадку мы на всякий случай поменяли, и я выбрал из старой жестяной банки самого жирного дождевого червя, который на крючке беспрестанно извивался, словно беззвучно вопил от боли и предстоящего его съедения какой-то крупной рыбой. Однако, поплевав на червя для рыбацкого счастья, сильно размахиваясь свинцовым грузилом – и прозрачная леска со свистом и с живой насадкой летит в обскую воду.

В пасмурную погоду Обь неприветлива, поверхность реки свинцово-серая. Северный ветер нагоняет на песок шумливые волны, которые оставляют на широкой прибрежной полосе хлопья грязно-жёлтой пены и разный речной мусор.

Я уже привык к этому: отстоявшаяся в котелке обская вода всё же пригодна для приготовления ухи и рыбацкого чая, заваренного обязательно с речной мятой, шиповником и листьями чёрной смородины. Для дополнительного аромата кладу в посудину спелые ягоды черёмухи, иван-чай и какие-то... синие цветочки, растущие неподалёку от нашего костра. Названия их я не знаю, но уверен: такая чистота и красота не может быть ядовитой! Тем более, что кладу синеглазки уже не в первый раз, и всегда наш растительный чай получался очень приятным, хоть слегка и горьковатым!..

...Только спустя много лет я узнал, что растение это с крупными ярко-синими колокольчиками (у молодых растений они просто торчат вверх, наподобие цветочных стаканчиков) называется горечавкой лёгочной, или синим зверобоем.

Моего знакомца после этого я встречал не только на берегу протоки Тангинской, но и возле самой Оби, в районе острова Пим. Горечавка – растение многолетнее, прекрасно чувствующее себя среди других северных трав, в том числе и жёсткой осоки. К концу августа она, как принцесса, возвышается над ними, начинающими желтеть, жухнуть. Высокие стебли с несколькими синими-синими цветками-рюмочками (иногда до пяти и более на одном стебле) даже чуть наклоняются от веса своей изящной ноши. Особенно красиво смотрятся небольшие кустики горечавок, представляющие собой нечто вроде естественных декоративных клумбочек.

И каждый раз при встрече с таким чудом природы я останавливаюсь и с трепетом любуюсь чистейшими красками тёмно-синих цветков, увенчивающих то короткие одиночные стебли, то взбирающиеся вверх сразу по нескольким упругим стеблям, растущим из одного шнуroidного корневища.

Цветёт горечавка лёгочная долго – весь июль и август, захватывая иногда и тёплый сентябрь.

Близость синего зверобоя (название явно народное, указывающее на высокую целебность растения) к воде не раз наводила меня на мысль, что семена растений (как и

родиолы розовой – знаменитого золотого корня) приносятся течением Оби с юга Западной Сибири, с Алтая. Ведь в глубине пойменных островов нашего Приобья я ни разу не видел этой голубоглазой прелести!..

Конечно, она довольно редка в сургутско-нефтеюганских краях, горечавка лёгочная, и рвать её как-то не поднимается рука. Хотя теперь я уже досконально знаю о мощных целебных свойствах синего зверобоя.

К сожалению, и на Украине, и в средней полосе европейской части России горечавка лёгочная уже находится под угрозой полного уничтожения! А горечавка жёлтая, растущая в горах Закарпатской Украины, почти исчезла – и её теперь люди культивируют в ряде питомников. И это наиболее рациональный выход из сложившейся тревожной ситуации, потому что спрос на синий зверобой повсеместно растёт; уже и научная медицина стала успешно применять это растение при лечении ряда лёгочных и желудочно-кишечных заболеваний.

Но пока ещё в дикой природе горечавку алтайскую и крупноцветковую можно найти в субальпийском поясе в Кузнецком Алатау, в Горной Шории, на таскылах по Абаканскому хребту. Растёт она на высокогорных лугах, в мохово-лишайниковых тундрах, около многолетних снежников, на каменистых склонах и моренах.

Собственно, сама горечавка лёгочная (синий зверобой) распространена в южной части лесной (северо-таёжном районе) и в районах лесостепных зон Сибири. Растёт она по опушкам берёзовых и сосновых лесов, на суходольных и пойменных лугах.

...Долго я колебался, прежде чем написать про нашу обскую горечавку лёгочную. Выдерут ведь подчистую мой любимый синий зверобой (как уже не стало его на нашем рыбацком месте на берегу протоки Тангинская золотого корня!). Пусть те, кто хочет применять отвар или настойку горечавки во время её цветения, пощадят хотя бы корни и корневища!.. А лучше пусть выращивают его на собственном дачном участке.

Цветок шиповника, июнь 2009 г.

Цветёт ветреница вильчатая, июнь 2009 г.

Дербенник иволистный. Пойма протоки Сырой Аган, август 2017 г.

Горечавка лёгочная (синий звербой), август 2011 г.

Таинственные жители земли

...Эти заметки – краткие воспоминания о моих столь быстро промелькнувших грибных денёчках, о столь волнующих лесных путешествиях!

Конец августа – начало сентября нынешнего года выдалось воистину грибными! Давно не помню такого изобилия красноголовиков и обабков, маслят и белых грибов, моховиков! Но вся эта грибная рать строго подчинялась каким-то таинственным силам Земли и не менее таинственным законам Природы...

Последний раз специально по грибы я ходил в лес 10-11 сентября и набрал более четырёх вёдер отборных подосиновиков и подберёзовиков, перемешанных в корзинке с маленькими пузатыми боровиками, найденными мною на южном берегу Девкиной протоки. На память о нынешнем щедром на дары природы бабьем лете у меня остались десятки прекрасных цветных фотоснимков!

Жители светлых опушек хвойных лесов, дружное грибное братство молодых осинников и березняков нуждались в чуть ли не ежедневном общении со мной: за сутки чистый красивый обабочек достигал в росте 5-8 сантиметров; ещё через сутки-другие это был уже вполне зрелый гриб. А дней через десять он превращался в нечто осклизлое, бесформенное, наполненное гнилью и червями (некоторые сгнившие подберёзовики покрывались с ног до головы неприятной сизой плесенью).

Конечно, я, наряду с другими нефтеюганцами, спешил собрать в лукошко только молодые и среднего возраста грибы, мякоть шляпок которых удивляла своей девственной белизной; столь же чисты и белы были и аккуратно срезанные ножки грибов.

В конце первой декады и начале второй ситуация явно изменилась – молодые грибочки замедлили свой рост, в то же время повсюду созревали большие спелые красноголовики и обабки. На трассе ЛЭП-500 недалеко от Девкиной протоки в редколесье, на открытой солнечной сосновой опушке с примесью берёзок и осин, я нашёл удивительные трофеи: огром-

ные красные шляпы подосиновиков, рядом с которыми из земли лезли крепкие и упругие молоденькие красноголовики.

Грибов было столь много, что минут за 10-15 я нарезал два больших ведра прекрасных лесных подарков! Брал и не тронутые гнилью, грибной мухой большие шляпы диаметром до 15 и более сантиметров!

Спелые подберёзовики стояли среди багульника и моховых кочек с тёмно-серыми, пятнистыми, местами с почти чёрными шляпками-шлёмами. И их грибная плоть также была на удивление чиста и свежа. Находил я их и в березняках, густо растущих на месте бывших лесных пожаров и горельников (тоже возле ЛЭП-500, но только на Оленьем острове). Рядом с ними краснели те же большие головы зрелых красноголовиков.

– Эх, дней бы на десять сюда пораньше придти! – говорю вслух, созерцая вокруг кренящиеся к земле от своей тяжести огромные грибные шляпы. Конечно, часть из них всё же оказалась гнилой и червивой; остальные же перекочевали в моё ведёрко. В нём уже лежали десятка полтора молодых грибочков – обабков, подосиновиков, маслят, белых...

Календарная граница между окончанием бабьего лета и наступлением собственно осени (10-15 сентября) ознаменовалась резким усилением роста мухоморов и разных поганок, всюду стремящихся формой и окраской подделаться под своих благородных собратьев. Обман был столь искусен, что я не раз нагибался к земле, надеясь сорвать молодой обабок или маслёнок... А одну красивую поганку, второпях брошенную в корзинку, притащил однажды домой. И только при разборке грибов подделка была обнаружена...

Восемнадцатого мая на Девкиной протоке уже всюду цвели тальники, нежной зелёной кисеей окутались берёзовые заросли. В наши северные края в нынешнем году настоящая весна пришла на неделю-полторы раньше, чем в 2002-м. Ровно год назад в такой же майский день на лесных дорогах и в оврагах лежали ещё глубокие сугробы снега. В больших лужах талой воды плавали снежные и ледяные «блины». По затенённому высоким островом берегу Девкиной протоки, помнится, я пробивался по колено, а то и по пояс в грубом, зернистом снегу...

Нынче же беспрепятственно дошёл до «стрелки», откуда протока направляется прямо к Оби по краю полностью затопляемой в июне-июле широкой поймы, а круто налево – почти под 90 градусов – от неё ответвляется короткая, но полноводная проточка, впадающая в Сырой Аган. Последний при строительстве нефтепромысловой дороги в 70-х годах на Южный Сургут был перерезан высоким песчаным намывным телом основания этой автотрассы, ныне федеральной, идущей на Сургут и далее на Север. Проектировщики проложили трассу по самому гребню островов, что спасает её от весенних паводков; и всё равно в районе левой поймы Сырого Агана в июне прошлого года вода подошла непосредственно к песчаному основанию «федералки».

Междуречье Оби и Юганской Оби представлено на карте множеством голубых жил и жилок и зелёными пятнами многочисленных, помельче и покрупнее, лесных островов: Пима, Оленьего, Горелого и других. Ширина названного водно-болотно-лесного пространства с прилегающими поймами составляет более 40 километров! Последовательно, с запада на восток, это царство озёр, болот и проток пересекает железная дорога Тюмень-Сургут, федеральная автодорога, три нитки ЛЭП-500 от Сургутских ГРЭС, магистральные нефте-газопроводы и т. д.

Маленькие населённые пункты Сайгатина и Пилюгина по обеим сторонам Оби, западнее – Белый Яр, Барсово и Сургут; ниже к югу – Сингапай, Чеускино, Нефтеюганск, Усть-Юган, Пойково, Каркатеевский, Пыть-Ях заняли на карте лишь крохотную часть обширной страны воды и суши.

Однако от одной из причудливых петель Юганской Оби до Девкиной протоки по прямой всего 8 километров и 13 – до самой Оби. Как-то в осеннюю пору я перешёл пешком эту 5-километровую пойму от протоки до обской магистрали. Даже в пору наибольшего обмеления пойма была полна мелких озёрков, ручьёв и проточек. И только труба магистрального нефтепровода помогла мне миновать эти многочисленные водные преграды.

Столь обширное географическое введение я сделал не случайно. Много лет исследую свою «маленькую родину», прошёл обширные территории Междуречья и страстно

влюбился в страну озёр, болот, проток и островных лесов, правда, порядком нарушенных десятилетиями нефтедобычи и ведущимися в последние годы почти промышленными лесозаготовками.

И всё же и сейчас удаётся найти ещё немало нетронутых, принадлежащих дикой природе, уголков леса и поймы. Сохранились они и в районе проток Кривая, Девкина, Сырой Аган...

В мае, когда только-только начинают проклёвываться зелёные листочки у берёз и рябин, люблю снимать пышно цветущие вербы. На этот раз они особенно порадовали меня, так как цвели абсолютно все кусты: от самых старых, чёрно-узловатых, согбленных над проточной водой, до молоденьких кустиков. Каждый тальниковый куст был усыпан множеством нежно-жёлтых «барашков», золотисто сияющих в ярком контрастном солнечном свете.

Днём 18 мая воздух прогрелся до 24 градусов и был густо насыщен испарениями, различными весенними запахами – от еле уловимого молодой травы до тяжёлого, смолистого, сосново-кедрового. Я по свежеччищенной трассе ЛЭП-500 вышел на берег протоки. Мои любимые тальниковые кусты справа от трассы не тронул топор ведомственных лесопорубщиков, и как же великолепно сияли они в свете жаркого утреннего солнца!..

Не жалею кадров, ведь так редко, всего раз в году, можно запечатлеть в свой фотоальбом прекраснейшее зрелище цветущих тальников. Они сорят золотой пылью и среди поймы, на продолговатых гривах: прямо-таки растянувшись в цепи светло-жёлтые феерические округлые облака над широкими пространствами ещё пожухлой прошлогодней осоки. Там, в светлых проточках, беспрерывно крикают утки. Вот пара селезней, сверкая «зеркальцами» на крыльях, устремилась в быстрый полёт над мутной водой протоки. По ней проплывают последние грязные льдинки. Прокричали кулики-перевозчики, которые от зари до зари стригут крылышками все обские водоёмы. И даже белой майской, июньской ночью не умолкают эти птицы...

2003 г.

В пору летнего разнотравья

Июль – макушка лета!

Нынешняя макушка оказалась... двуглавой по резкому контрасту погоды: от среднеазиатской жары в первой декаде до весьма умеренной, прохладной в остальные десятидневки. Но это не помешало моим лесным путешествиям...

Однако сначала немного об июле, который я встречал на протоке. Вот запись из моего походного дневника:

«10.25. Яркое солнце, голубое небо! С юго-востока движутся небольшие кучевые облака. На берегу протоки Сырой Аган полно слепней, стрекоз и комаров. Бесперывно и тревожно пищит внизу, у воды, маленький куличок: там, видно, у него гнездо, птенцы!..

Вовсю цветут шиповник, брусника, майник двулистный. Пушица и багульник уже отцветают... Отцвела и рябина... А черёмуха белой кипенью благоухала здесь в первые дни июня.

Сосенки пустили дружно «свечи» – молодые ростки на вершинках и верхних ветках. Сфотографировал эти «свечки»...

Только что пролетела надо мною небольшая хищная птица, похожая на сокола. Слепней – тучи, вьются, жужжат, больно кусают!.. Летают высоко, почти на уровне прибрежных сосен, стрекозы и белые бабочки-боярышницы. Напевают свои мелодии певчие птички, скрытые в густой осиновой и берёзовой зелени.

В протоке у берега плещется рыба. Вдали пролетела самая крупная в Приобье чайка – халей. Высоко в небе кричит ястреб. С утра слышал кукованье кукушки, и мало что-то она мне насчитала лет!..

Стрекоз очень много: они садятся на пни, поваленные стволы деревьев и даже залетают в кроны сосен.

Только что по протоке передо мною проплыла утка с утятами. Плыла очень быстро, а утята прицепились клювиками к перьям по обе стороны мамы и не отстают... Струи воды расходятся позади этого «каравана»...

Пасмурным и дождливым деньком 13 июля, всего через три недели, я снова на этом же месте наблюдал подросших утят. Их было семеро, и плыли они уже самостоятельно!

Как всё же быстро растут наши водоплавающие птицы: в конце августа, начале сентября им придёт пора собираться в обратный путь. Но пока впереди ещё почти два месяца, чтобы так же интенсивно расти, учиться летать! В начале сезона осенней охоты им надо очень уверенно держаться на крыле, чтобы не попасть на мушку!..

Итак, июль – середина лета!

Порадовал он меня нынче пышным разнотравьем: густыми зарослями цветущего на лесных опушках и просеках иван-чая, голубыми, белыми, жёлтыми, малиновыми капельками цветов среди высокой зелёной травы. В середине июля, в пасмурную, чуть дождливую погоду, ни одного слепня на Девкиной протоке я не встретил! Зато от мошки и комаров не знал, куда деваться. Особенно свирепствовала мелкая мошка: до крови искусала лоб, виски, запястья рук!.. Даже на цифровых снимках гнус запечатлелся в виде тёмных точек и размытых пятнышек!.. Кровопийцы не только вились роем перед объективом фотоаппарата, но и подлетали вплотную к стёклам линз.

Какие же были июли в 2001 и 2002 годах?

Листаю прошлогодние дневники. Вот 8 июля 2001 года:
«6 часов утра. Лёгкая облачность, солнце взошло в 3.35 утра. С севера дует ветер, несёт облака...»

Сию на дальнем берегу Девкиной протоки, за самой её «стрелкой»-развилкой. Рыба перестала клевать, дёргает леску только мелочь. На утренней зорьке (с 3.30) наловил более десятка крупных подъязков, плотвичек и т. д. Да на вечерней (т. е. вчера!) – штук шесть приличных рыбёшек. В рюкзаке есть картошка, специи, лук, чеснок, соль.

В стороне Оби кукует кукушка. Начала она свою песню рано, до рассвета (а в кратчайшие июньские ночи я её слушал круглосуточно!). Всю ночь над протокой летали чайки халеи – и порой очень громко и истошно кричали. Утром к костру прилетела ронжа; спереди у неё было розовое оперенье. Ночью рядом, в траве, шуришали мыши.

Вчера, перед заходом солнца, на развилке проток меня несколько раз облетели странные птицы: красный нос, чёрная головка и белое туловище и крылья! Похожи на больших куликов, в том числе и манерой отвлекать внимание человека от гнезда и птенцов – своим громким, пронзительным криком.

В прибрежных зарослях встретил несколько усыпанных ягодами кустов красной смородины. Примерно треть из них – спелые!»

А днём 8 июля позапрошлого года я любовался феерией пышных кучевых облаков на небе: они медленно и величаво плыли с севера, со стороны Ледовитого океана, отражаясь в воде разлившегося сора. Получались как бы два неба, одно – перевёрнутое водным зеркалом.

Некоторые облачные шапки снизу были иссиня-лиловыми, несли в себе дождики. К вечеру, наверное, должна была собраться гроза...

А вот запись из дневника, датированная 12 июля 2002 года:

«15.25. С утра было пасмурно, накрапывал дождь. А сейчас выглядывает солнышко, голубеет небо и появились на нём красивые белые облака. Ветер довольно крепкий, северный...

В прошедшие дни было жарко, доходило до плюс 28-30 градусов по Цельсию».

Середина июля и в прошлом году выдалась пасмурной, дождливой, прохладной. 19 июля прошла над Нефтеюганском сильная гроза, сверкали молнии, гремел гром, стеной лил дождь.

Только 22 июля 2002 года я снова выбрался в лес, на любимые протоки. И даже – с ночёвкой! Днём 23 июля я отдыхал в сосново-кедрово-берёзовом бору и записал в дневник:

«Здесь тоже полно стрекоз: и «златки», и большие голубые, и ещё какие-то. Летают между деревьев, садятся на стволы. Вот совсем крохотная синяя присела на ветку багульника...

Часто по сторонам тревожно кричат кедровки. Возможно, поблизости «гуляет» какой-то зверь!

Когда я шёл по берегу протоки, слева из бора вспорхнули две крупных птицы. Думаю, что это тетёрки, лакомящиеся спелой черникой. До этого «вживую» здесь не встречал косачей ни зимой, ни летом!..

Весною на «стрелке» Девкиной протоки видел рябчика; другого встретил на берегу Сырого Агана – и тоже в мае!

Наблюдал близко несколько желн, больших чёрных дятлов...

Перед рассветом возле Кривой протоки в прогале кедрово-елового бора видел стремительные виражи летучей мыши – кожистого крылана.

Здесь же однажды утром и днём видел большую хищную птицу, возможно, беркута.

На Девкиной протоке во тьме белой ночи рассмотрел спящих на тальниковых кустах халеев...».

Эстафету лесного цветенья у июля всегда щедро переживает август.

Два года назад, в начале августа, я шёл вдоль протоки Кривая (приехал сюда спустя месяц). И протока сильно изменилась: вода ушла, обнажив берега и заливные луга. Спад воды произошёл за это время не менее чем на 2-2,5 метра. В пойме Оби теперь бушевала зелёная трава, покрытая сверху тонкой высохшей плёнкой зелёной тины. Она хрустит и ломается под ногами...

Среди жёсткой осоки вижу островки розового и жёлтого. Это – цветы на высоких стеблях; раскрыты навстречу солнцу золотые корзинки соцветий! Каждый цветок – круг, составленный из десятка-полтора узких лепестков (как маленькое солнышко с лучами, какие часто рисуют дети).

Розовые цветы, кажется, из рода орхидей; видел их не раз на трассе ЛЭП-500, на берегах Оби, проток и озёр. Толстые розовые метёлки их составлены из множества мелких красивых цветочков. Надо бы мне сделать гербарий всех наших северных цветов и растений, приобрести их точный определитель! Названия многих, увы, не знаю... Вот вижу не крупные золотистые цветочки навроде «куриной слепоты», но это не лютик едкий – листья-то у него совсем другие! А вот какие-то совсем незнакомые розово-голубые соцветия, тоже невеликие по размеру. И из воды мелкого заливчика торчат знакомо-незнакомые розово-белые пестики!..

Сколько же и на Севере нашем этой красоты Небесной!..

Ещё запись в дневнике от 5 августа 2001 года:

«В воздухе полно стрекоз, гундосят и жалят крупные слепни, больно кусают и мухи поменьше. День-то жаркий!..

На лесных опушках – россыпи розоватых и даже ещё белых ягод брусники. Почти поспела она на высоком откосе грунтовой дороги; поел вкусную сладко-кислую ягоду прямо горстями!.. Очень спелая!..

Везде на островах Междуречья – великая сушь! Даже ручей, что всю весну и лето тёк из болота, пересох, но во мху видны чёрные оконца прохладной торфяной воды. Попил из них... Пот течёт ручьём, в лесу полно паутины, которая всё время липнет к разгорячённому лицу. Очень противно...»

Увы, названный ручей в нынешнем году полностью пересох уже в начале июля. После 30–33-х градусной жары, державшейся чуть ли не две недели, на болоте не осталось даже оконца торфяной воды; чтобы напиться, пришлось выжимать её изо мха! Вряд ли ручей оживёт в ближайшее время: сильных дождей по-прежнему так и нет.

Посему в борах нет даже... мухоморов, сыроежек, не говоря уже о более благородных грибах...

Написано 15 июля, а 26-го я побывал на Кривой протоке и собрал полведра синявок, чуть – маслят, один подберёзовик и пару приличных красноголовиков. Всё же лето не оставило нас совсем без грибов!.. Но продолжу свой рассказ...

Итак, 5 августа 2001 года я даже купался в обмелевшем Сыром Агане, загорал на упругой траве-осоке!!! Лето тогда не спешило уходить, даря юганцам свои ласку и негу...

Всё в природе любит тепло, даже гнус!.. Не исключение – жуки, бабочки, стрекозы!..

«На упавшем в воду стволе осинового сухаря присела пара больших тёмных стрекоз с четырьмя парными слюдяными крылышками. Они сосут мокрую древесину, а конец брюшка (он загибается книзу) опустили в воду. Зачем? Не понимаю... Но все стрекозы, по-видимому, так делают...» (Это снова запись из моего дневника за 5 августа 2001 года).

А ведь подобных загадок в Природе множество!..

Второе же августа 2002 года я встретил на Кривой протоке. Дул свежий ветер, на небе громоздились кучевые облака, которые иногда закрывали солнце. Тогда и на широкую гладь протоки, и на зелёные луга ложилась сумрачная тень. Иногда из тучки перепадал небольшой дождик. Из записи в дневнике:

«Слева далеко кричит кедровка. Шум ветра и деревьяев заглушает все птичьи голоса (впрочем, время их песен прошло!). У воды видел трясогузку. Ходил по пойме, снимал цветы, багровеющие уже листья черёмух, фотографировал ос, имелей, стрекоз и др. Поел чёрной смородины – слаще мёда

эти крупные, налитые соком ягоды!..

На просеке встретил кусты малины – и тоже со спелыми ягодами!

Набрал с ведёрко разноцветных сыроежек (дома вымочил их в воде и изжарил с картошкой и луком). Нашёл один молодой белый гриб и один плотненький красноголовик. По берегу Кривой протоки в осиннике до меня кто-то ходил: видны разрезанные шляпки червивых грибов.

Кратковременные дожди продолжают. Как красивы эти разноцветные ливни в жарких лучах летнего солнца!

Следующий выезд на природу в прошлом году состоялся только 29 августа (месяц выдался довольно дождливым). И вот осталась в дневнике такая запись:

«10.40. Сажу на поваленном стволе кедра, покрытом белыми и жёлтыми лишайниками. Только что сфотографировал импортной камерой кисти спелых ягод брусники и молодой красноголовик.

Грибов хороших по-прежнему немного, в основном – третьесортные (свинушки, сыроежки и т. д.). На трассе ЛЭП, где солнышка побольше, набрал почти с ведёрко молодых крепеньких подберёзовиков, немного – маслят. Заморожу – на Новый год!..

На краю болота встретил сплошные заросли брусники и черники. Сбирать ягоды мешает мошка...

Слышал крики большого пёстрого дятла, кедровки, чёрного ворона («крэк-крэк») в стороне высоковольтной линии. Ворон летел вместе со стайкой крупных птичек, наверное, дроздов-рябинников, в южном направлении.

Вот недалеко прокричала желна. Ходил на болото: клюква есть, но мелкая, розоватая ещё – и совсем немного!..

В ту осень я всё же набрал несколько ведер брусники и клюквы – и в основном на трассе ЛЭП-500.

За черникой в нынешнем, 2003 году, нефтеюганцы отправились уже с начала второй декады июля. Жара, державшаяся две недели, способствовала раннему созреванию морошки, черники, красной смородины. Все эти ягоды я лично предпочитаю есть свежими, прямо в лесу!..

Несмотря на часто чередующиеся жару и непогоду, тучи всякого гнуса, несмотря на царапины и ушибы от лесного

валежника, через который приходится всякий раз перелезть в своих лесных путешествиях, я люблю июль и август – самые жаркие (в отдельные дни!) месяцы года в наших северных краях.

Именно с 20 чисел июня и по середину сентября ежегодно рыбаку по нашим местным протокам. Встречаю у воды закаты и восходы солнца, прячусь под старыми тальниками от июльских гроз. Раньше, кстати, их бывало гораздо больше! Теперь же стихии пичкают нас всяческими своими аномалиями!..

Но ждать солнечной, тёплой погоды я уже не собираюсь: выезжаю в лес и в дожди! Для съёмок в пасмурную погоду хорош оказался мой «цифровик» – цвета в кадре очень естественны! 13 июля снял им почти 500 кадров – Девкину протоку, Сырой Аган, лесные опушки, цветочные полянки и отдельные цветы (макросьёмка). А плёночным, с мощной наружной вспышкой, успешно фотографирую даже под сумрачным пологом леса и при дожде! Ягоды красной смородины как раз пришлось снимать в такую погоду!..

Природа нашего края, несмотря на свою суровость, богата: и лесом, и тучными луговыми травами, и кедровым орехом, и, конечно, рыбой!

...Парной туман повис над протокой. В нём смутно темнеют на другом берегу кусты тальника. Дым от костра тянет понизу к воде. В нём я и рыбаку: дым хорошо отгоняет комариные полчища!..

В три ночи (или утра?) я сделал первый заброс удочкой, насадив на крючок жирного червя. «Поплавок» – обломок сухого сучка, привязанный к леске на расстоянии около 1,5 метров от крючка, – медленно плывёт по течению. Вдруг моего сучка не стало; догадываюсь – надо делать подсечку! Резко взмахиваю сырым тальниковым удилищем (срезал вчера вечером среди многочисленных ивовых кустов), подсечаю!.. И вот на сырой траве на берегу подпрыгивает крупный золотистый подъязок!.. Отцепляю рыбу от крючка, бросаю её подальше от воды (при солнце разыщу в траве!) и насаживаю нового червяка. Снова заброс, резкая поклёвка – и другой подъязок бьётся у моих ног!..

Через час в зелёной осоке на берегу протоки подпры-

гивают и шуршат десятка три подъязков, чебаков, окуней и ёршиков.

Туман рассеивается. Солнце взошло над дальней грядой леса по берегу протоки и вовсю греет мои озябшие лицо и руки. От травы поднимается пар (вчера вечером была сильная гроза!); парят и мои мокрые штаны у костра, куда подбрасываю пару принесённых из леса валежин. Скоро можно будет чистить рыбу и варить уху!..

Часам к девяти утра она готова, остывает в прокопчённом котелке под старой ивой. Нарвал для заварки мяты, иван-чая, веток и листьев чёрной смородины и шиповника. Вскипячу чай в другом котелочке...

Яркие лучи июльского солнца мощно пробиваются сквозь кроны деревьев. Позади протоки сумрачный кедрово-еловый бор, где вчера перед грозой часа два неумолчно кричали дятел и его птенцы в дупле старой осины.

Уха – наваристая, жирная!.. Есть такую – одно удовольствие!.. Наливаю жидкую часть в кружку, а варёную рыбу, картошку и лук выкладываю на тарелку. Сидя на валежине, не спеша прихлёбываю душистую ушицу. Закусываю краюшкой ржаного хлеба, отламываю от остывающих рыб кусочки их белой вкусной плоти.

Костёр потухает, комары и мошка активизировались – надо подбросить в огонь зелёных ивовых веток или подложить сырую трухлявую колоду. Вот и дымок потянул живее ко мне, отгоняя кровопийц!..

Описанная мною сценка утренней рыбалки – одна из многих сотен других на протоках и озёрах Юганского Междуречья! Десятки их были осуществлены на протоке Тангинской (почти уже самой Оби, вернее, её южного просторного рукава). Здесь, на широкой песчаной отмели, я со своими друзьями провёл, возможно, не один месяц рыбацкого времени – за все свои 18 лет пребывания на Севере. С одной, двумя и даже тремя ночёвками подряд под пологом всё тех же густых ивняков и черёмушников!..

Посвятить рыбалке с донными и закидными удочками можно много статей! Но хочу сейчас сказать доброе слово о спиннинговой ловле щук, которая нынче началась в Юганске с конца первой декады июля (как только из соров стала быстро

уходить вода). Нефтеюганцы – народ, любящий рыбалку! И потянулись на протоки вереницы легковых автомашин; с дачными автобусами поехали рыбачить и стар, и мал – от пенсионеров до школьников. И даже женщины не думали отставать от своих мужей-рыбаков.

13 июля на Девкиной протоке я встретил молодых спиннингистов – мужа и жену. Погода стояла довольно скверная, но чужая жёнушка, похоже, не замечала ни морозящего дождя, ни порывов ветра, бросая и бросая в протоку серебристую блесну. Как на зло, ни одна щука на неё не кинулась!

– А Вы попробуйте вон у того мысочка! – советую женщине. – И кидайте на разные расстояния – поближе и подальше! Если не будет брать блесну, тогда останется перейти на удочку и малька...

– Да где его тут возьмёшь! – охотно откликается рыбачка. – Не позаботились заранее, и сачка даже с собой не захватили, чтобы мальков наловить!..

Стою, смотрю. Нет, не идёт сегодня на блесну ни щука, ни даже многочисленный в это время и самый прожорливый щурогай (на него, как известно, надо привязывать самую маленькую блесёнку).

Что за охота, что за неволя – стоять в промозглый денёк часами у воды, бросая блесну! Но, видно, такова уж рыбацкая страсть, всё больше захватывающая у нас в Нефтеюганске слабый пол. Здесь всё могут женщины – и машину лихо водить, и с вилами на ферме сноровисто управляться, и на уху себе рыбку наловить! А чем больше, тяжелее трофей, тем радостнее на душе у рыбачек!

Конец июля, начало августа – самый разгар спиннинговой ловли щук. Рыба понемногу начинает уходить из соров в протоки, в Обь; и в узких местах её поджидают десятки, сотни любителей рыбной ловли.

Причём, блесну можно кидать не только с помощью дорожного спиннинга, а просто – вручную, привязав её к толстой леске (и обязательно – на стальном поводке!). Сам ловил таким способом и друзья – тоже! Ничего! Клюёт щука как миленькая, если леску не отпускать, блесну на дно не сажать, а вести её равномерно и плавно. На дне же всех юганских водоёмов полно всякого металлического хлама и особенно

тросов, о которые я лично оборвал сотни крючков и десятки блёсен. И ещё: если повысил скорость проводки, то блесна всплывёт – и не жди тут щучьей поклёвки!..

Школьники у нас предпочитают ловить крупного щу-рогоя (конечно, не брезгую и мелким), на малька или червя. Причём на малька удаётся больше наловить! Но мальки в банке с водой, как правило, заканчиваются в самый неподходящий момент, и не раз за время рыбалки или отец, или дедушка любимого внучонка, сами отрываясь от увлекательной рыбалки, идут с сачками ловить на отмелях мальков.

Часть наших рыбаков шибко уважают бредень, если не 50-метровый, то уж 25-метровый обязательно! Тут тоже происходит разделение труда: глава семейства обычно ведёт дальше крыло бредня на глубине, передвигаясь по дну водоёма чуть ли не по горло в воде; а сын-подросток шагает по пологой песчаной мели, ровняя другую сторону снасти, привязанной к палке...

И тут редко обходится без удачи: в мотне бредня всякий раз мощно трепыхаются и бьют хвостами 2-3-хкилограммовые щуки.

– Я свой старенький спиннинг не променяю ни на какой бредень! – комментирует эту ситуацию Николай Ротарь (возле него люди с бреднем делают уже десятый заход, распугивая щук).

Николай – заядлый спиннингист с многолетним стажем. Для него ловля щук спиннингом – это и спорт, и искусство, и любимое хобби (не то, что механическая работа с бреднем!). Знаю, что в отдельные сезоны Николай налавливает по сотне и более щук!

...Прекрасна короткая летняя пора в Среднем Приобье!

Кто за эти тёплые месяцы вырастит тонны картофеля и кабачков, центнеры – клубники, помидоров и огурцов; кто заготовит на зиму в своём домашнем морозильнике килограммы нежного щучьего фарша, чтобы потом жарить из него вкусные рыбные котлеты; кто сад-цветник на своём приусадебном участке разведёт; а кто, как я, спешит наснимать сотни великолепных цветных фотографий уголков дикой природы – проток, озёр, лесов, лугов, цветов, насекомых и птиц, которых, увы, у нас становится всё меньше!..

2003 г.

Рябиновые светофоры

В лесах – осень. Но в солнечные деньки, взяв корзинку, хорошо отправиться на тихие лесные поляны, по краям которых стоят светло-жёлтые берёзки.

Нет больше птиц. Услышишь только грустное теньканье синицы, да из глубины зарослей вдруг вспорхнёт испуганный рябчик, что лакомился там ягодами. Изредка до слуха донесутся ослабленные расстоянием голоса людей. Это те, кого не смогла задержать работа на огороде или дома, и теперь они бродят, собирая последние дары лета.

На краю болота проглянут из жёсткой травы налитые ароматным соком поздние ягоды княженики, а в сосновом бору вдруг кроваво-красно сверкнёт в солнечном луче кустик поспевшей брусники. А рядом в тени огромных деревьев, наклонившись, можно увидеть увядающие синевато-чёрные шарики черники – дозрела и перезрела последняя волна. Так же и голубика – её невысокие кустики ещё обсыпаны ягодами, но собирать их трудно: мнутя, чуть прикоснёшься.

Тут и там красными светофорами, провожая бабье лето, горят в лесу рябиновые кусты. Пылающие гроздья горько-кислых ягод – самая верная примета близких холодов. Они ещё не совсем созрели, их время ещё впереди, после заморозков... Порозовели, зарумянились пышные кусты калины: богат нынче витаминный урожай.

Особенно люблю бродить по опушкам, отыскивая последние грибы – волнушки и сыроежки. Они появились на свет недавно – на крепеньких толстых ножках. Берёзки и осины понемногу роняют к подножию свой наряд. Жёлтые листья медленно опускаются рядом с грибами. Грустно сознавать, что через две-три недели здесь ничего не будет, кроме пышного покрова мёртвых листьев. Но пока грибы стоят, и ты любишься их неброской красотой. Потом осторожно подрезаешь под корешок и кладёшь в корзинку, на дне которой уже лежат сухие сосновые иглы, горсточка мягких и сладких плодов шиповника, красная гроздь рябины, широкий папоротниковый лист.

Торжественно, чисто, по-домашнему тепло и уютно на осенних полянах, залитых светом сентябрьского солнца. Ходишь по опушкам, высматривая наудачу среди разноцветных листьев запоздавший белый гриб или красноголовик. Только вдруг почувствуется в задумчивой тишине лесного одиночества, что кто-то затаился рядом и наблюдает за тобой из чащи. Сквозь шорох ветра и листопада донесётся до слуха негромкий треск или отдалённое глухое мычание. И всё стихнет. Упокоив невольное волнение, идёшь дальше. И тут словно небольшой смерч пронесётся впереди – это, ломая ветки, с громким шумом продираясь сквозь чащу, мчит прочь сильный и гордый зверь. Мелькнёт за стволами берёз буровато-чёрная спина лося – и исчез из виду лесной великан. А ты внезапно отчётливо припомнишь, что видел раньше чьи-то тропы по болотам, широкие лёжки с сильно примятой травой, кучки помёта, выбитые копытами ямы и сломанные верхушки деревьев, объединённые шляпки грибов и сосновые веточки. И воображение в ту же минуту нарисует разъярённого самца, в пылу гона гневно бросающегося на соперника, на врага...

Тихо, стараясь не шуметь, покидаешь близкие сердцу поляны. До будущего лета не придётся сюда заглянуть. Прострочат зимой снежное покрывало заячьи и лисьи следы, и по знакомым тропам будут приходить сюда кормиться лесные красавцы лоси, обкусывая молодые побеги рябины, ивы, осины, черёмухи.

Жизнь в лесу не остановится!

Дружный нивяник. Олений остров, июль 2015 г.

Цветёт лилия на Оленьем острове. Протока Сырой Аган, июль 2016 г.

Голубика поспела. Берег протоки Сырой Аган, июль 2016 г.

Ранняя брусника. Олений остров, июль 2015 г.

Зреет морошка, июль 2016 г.

Янтарная ягода морошка, август 2004 г.

Воронец красноплодный, август 2014 г.

Ягоды княженики

Плоды шиповника, сентябрь 2008 г.

Ягоды рябины, сентябрь 2015 г.

Петрович, олигархи и ночной костёр

Каких только попутчиков не встретишь в рыбацких походах!..

На сей раз судьба соприкоснула меня с юганским пенсионером, бывшим нефтяником Петровичем. Многие годы отдал он нелёгкому труду за рычагами подъёмника, был начальником автоколонны в УТТ-2. Но далее по служебной лестнице со своим среднетехническим образованием и колким языком Петрович не пробился. Даже красные партийные корочки тут ничем не помогли.

Да и, видно, иногда «зашибал» мой герой, из-за чего и личная судьба его не сложилась. Теперь доживает Петрович свой пенсионный век в квартире-развалюхе в четвёртом (одном из самых старых в городе) микрорайоне, занимаясь в основном ловлей мышей и борьбой с тараканами. В догнивающей «деревяшке» их тьма-тьмущая. Особенно кучно и дружно мыши бегут в квартиру Петровича перед наступлением зимы. Только мышеловки успевают захлопываться за серыми гостями...

Кроме выяснения отношений с соседями (они весьма недружелюбны к пенсионеру, который иногда во всю мощь динамиков слушает любимого Высоцкого), проводит время Петрович в гараже, ухаживая за своей белой «шестёркой» и вытаскивая про запас блесны. Ещё одна радость – помывка в городской бане, куда выхлопотал у чиновников наш бедный пенсионер льготный (за полцены) билет. Нищей его пенсии едва хватает на существование...

...Ехали мы на рыбалку в канун солнечного затмения. Мой безработный товарищ нагрёб в кармане кучу мелочи, и мы долили в бак машины литров пять девяносто второго, который едва разыскали на бензозаправке у тампонажников. По этому поводу Петрович выпустил целую тираду слов, которые в силу их нецензурности опускаю. Конечно, были зло помянуты и местные, и вышестоящие власти, явно повинные в бензиновом кризисе, и нефтяные и прочие олигархи, мгновенно прибравшие к рукам, «приватизировавшие» Россию и её народ.

Но опустим политические дискуссии. Они сразу забылись, как только мы добрались до 74 куста Южно-Сургутского нефтяного месторождения. Здесь уже стояло немало легковых и грузовых автомашин, а рыбаки деловито кидали блесны в протоку.

Вода медленно уходила с соров, обнажая заливные луга. Высота нынешнего небывалого паводка была отмечена тальниками, стволы которых на полтора-два метра в высоту почернели от долгого стояния в этой летней купели. Полоса прибитого волнами мусора граничила с самым верхним краем грунтовой дороги на куст нефтяных скважин.

Щуки торопились с соров в Обь. А под мостом их ждали спиннингисты. Впрочем, рыбаков с настоящими спиннингами было немного. Блесну в основном бросали вручную, привязав её к толстой леске. Полтора десятка метров её вполне хватало для удачной ловли. То тут, то там раздавался громкий плеск забрасываемых блёсен, сразу же деловито выбираемых с глубины вместе с позарившимися на них щуками. Последние сильно били хвостами, разевали зубастые пасти.

Петрович дал мне свою вёрткую голубенькую блесну. Хищницы гнались за ней до самого берега, но брать не торопились. Потеряв час, я привязал к своему спиннингу другую, с серебристой отливкой и насечками-чешуйками на выпуклой поверхности.

На сей раз удача не заставила себя долго ждать. Натаскав штук пять щурят, решаю поснимать видеокамерой вечернюю зорьку. Она – прекрасна!..

...Ночевали мы на берегу Оби, у рыбацкого костра. Была ещё белая ночь. Быстро скрывающаяся красная луна уступила место далёким звёздам. На муниципальной переправе всю ночь стучал мощными дизелями паром, взлетали в небо ракеты, пускаемые на радостях возвращающимися домой отпускниками.

Поспела щучья уха. Мы с удовольствием похлебали её, попили ароматного чая. И снова Петрович, вспоминая все пропавшие сбережения на сберкнижке, жалкую свою квартиру-развалюху, поносил власть и олигархов, которым якобы не нужно сильное государство и сытый, здоровый народ.

На эту тему мы с Петровичем долго спорили, отыскивая в олигархах человеческое начало.

Плавно я постарался перевести нашу беседу на философские и духовные темы. Веротерапия во многом помогает мне самому. Но закоренелый атеист Петрович мало верит в Бога и в завтрашний день.

Тогда ничего не оставалось другого, как всколыхнуть полузабытые рыбацкие воспоминания Петровича...

Утром мы продолжали ловить щук. Мне не повезло: оборвал две блесны, зацепившись ими за прибрежный хлам и металлолом, оставленный дорожниками.

Когда уже подъехали к крыльцу моего дома, Петрович вдруг предложил мне своих щук. Я от души поблагодарил товарища-рыбака за помощь, но от подарка отказался.

И до сих пор вспоминаю добром Петровича, его рассказ о выпавшем в воду из гнезда птенце, которого он спас на одной из своих рыбалок.

Чистая душа открылась мне тогда из-под толстой шелухи сквернословия, злобы и обид, заковавшей, словно броней, сердце старого больного человека, отвергнутого судьбой и государством.

1999 г.

Лемпинский Дерсу Узала

Мы приехали в Лемпино вечером. Хозяина, Льва Михайловича, ещё дома не было: проверял на моторке сети, а в огороде нас встретила его жена – Анна Перфильевна.

Стояла тёплая, солнечная августовская погода, на небе громоздились предгрозовые кучевые облака. Огромный огород Ярыгиных весело и мощно зеленел ядрёной картофельной ботвой, в палисаднике перед домом цвели красивые цветы. Пахло землёй, свежими огурцами, навозом, то есть самой настоящей деревней. Не хватало только пения петухов, притомившихся на дневной жаре...

Внутри дома я заметил перевёрнутые вверх дном трёхлитровые банки с законсервированными на зиму помидорами и огурцами; на столе стояла большая миска густо посыпанной сахаром чёрной смородины, в другой посудине белел творог, политый сметаной, а в крынку было налито парное молоко. Всё – с собственного подворья!

Пока не приехал хозяин, о своей жизни рассказывала Анна Перфильевна, в прошлом не один год депутат местного сельского совета, опытный ветеринарный работник с полувековым трудовым стажем.

– Я 51 календарный год отработала, а деда Лев Михайлович аж 52! – с гордостью сообщила наша приветливая и словоохотливая собеседница. – Но пенсии оба имеем небольшие... Если бы не своё подсобное хозяйство, не прожить на них!..

Анна Перфильевна принесла откуда-то большую стопку наград: почётных грамот, благодарностей за добросовестный труд. Мы листали, смотрели их, и было стыдно за наше государство, где сейчас вкусно ест тот, кто... не работал и не работает! (У некоторых соседей-лемпинцев с гораздо меньшим стажем работы пенсии, увы, посолиднее!).

Началась же трудовая карьера моей героини в 1949 году в Аромашевском районе Тюменской области, куда по окончании училища распределили Анну Перфильевну. Здесь только-только начались создаваться первые показательные хозяйства, в одном из которых она обслуживала шестнадцать

бригад. Сразу же заочно стала учиться на звероводческом отделении.

– Многому меня научил свёкор, Михаил Иванович, – продолжала свой рассказ хозяйка, – он тогда трудился главным ветврачом Аромашевского района и отдал этому почётному делу целых 38 лет! Гонял меня поначалу, как перwokлашку! Но я ему и по сей день благодарна: обучил меня на практике всем тонкостям и хитростям этой очень нужной в сельском хозяйстве профессии. Многих не сыщешь даже ни в одном учебнике... Очень хороший мужик был, и охотник ещё кроме всего прочего. Лев-то Михайлович мой от отца да деда-бакенщика на реке Вятке перенял всю эту «заразу». Без леса и сейчас жить не может!

У Л. М. Ярыгина первая профессия была, увы, далёкой от природы: техник в Качинском авиационном училище. Но потом по здоровью пришлось уйти; нашёл себя только в промысловой охоте да рыбалке!

10 сентября 1951 года Лев Михайлович и Анна Перфильевна поженились. Нынче у них шесть детей, 13 внуков и три правнука! Отметили золотую свадьбу, ждут... рубиновую!

– Пятьдесят два года живём вместе, – подтверждает хозяйка. – Всё прошли, всё испытали... За плечами и Няксимволь, и Казым в Берёзовском районе, куда меня направляли тоже после учёбы. В Лемпино живём уже 41 год!..

Особенно тёплые воспоминания у Анны Перфильевны остались о хантыйском селе Казым, тамошних жителях. Сразу же по приезду познакомилась со старыми знатными оленеводами Филипповыми, Каневыми, Вэллой. Очень дружный, честный и порядочный народ жил в то время в Казыме! Перед глазами до сих пор иногда возникают и могучие няксимвольские лиственницы, и сверкающий вечными снегами Приполярный Урал, отчётливо видный из посёлка на восходе и закате солнца.

Лемпинское житьё-бытьё тоже поначалу было неплохим. Тогда, в начале 50-х годов, здесь существовала звероферма по выращиванию лисиц, а посёлке имелось не менее 500 лошадей и столько же коров (сейчас осталась... одна лошадь и восемь коров, в том числе одна бурёнка с телком у Ярыгиных!).

Природа в те времена была ещё не загубленной нефте-

добычей. Вдоволь водилось всякого зверья, дичи и рыбы. Куропаток было столько, что от них зимой тальниковые кусты становились... белыми!

– В последние три-пять лет не видела ни одной! – сокрушается Анна Перфильевна. – Даже как-то пусто стало без них в селе. Но взамен наплодилось много пакостников, ворья среди людей!

За последнее время с подворья Ярыгиных местные и приезжие недоброжелатели утащили с концом новый лодочный мотор «Вихрь», шесть крепких ещё сетей, даже тяпки и те украли вместе с поливным ковшиком! Подкопали стенку гаража, отравили последнюю самую опытную охотничью собаку – ещё казымских кровей!

А тогда, лет 20-30 назад, у Л. М. Ярыгина было в тайге девять охотничьих избушек, и Лев Михайлович за один просмотр капканов добывал по 12-14 соболей! Они, избушки, и поныне есть – и даже с приличными огородами рядом, которые обиходил сам же охотник: посадил здесь картошку, лук, чеснок, малину, черёмуху и др. Завозить много продовольствия на сезон добычи уже не надо!

73 ныне стукнуло старейшему и опытнейшему лемпинскому охотнику Льву Михайловичу Ярыгину! Сил всё меньше, но всласть порыбачить и поохотиться мечтает, как в годы юные!

За свою долгую охотничью жизнь добыл Ярыгин 72 медведя, если не больше! Ведь иногда за сезон отстреливал со своими западно-сибирскими лайками по 4-9 косолапых: и в берлоге зимой, и на летней медвежьей жировке. Ни разу собаки не подвели охотника, хотя многим из них самим пришлось поплатиться жизнью.

Из всех детей Ярыгиных только сын Николай не получил высшего образования и, как отец, стал охотником-промысловиком. Уже на пенсию и сыну пора, а семьёй и надёжным уglom так и не обзавёлся.

– Чокнутый, как и все мы, ярыгинские! – смеётся Лев Михайлович. – В отца, деда и прадеда весь пошёл...

Понятно, что не каждая подруга жизни согласится терпеть мужа-промысловика. Вот и Анна Перфильевна тоже не раз пыталась отвадить свою половину от охоты, но куда там!

– Я на десять лет молодею, если удачно добуду лося или медведя! – отвечает ей охотник. И снова собирает рыбачьи и охотничьи снасти!

Лишь в прошлом сезоне не удалось Льву Михайловичу подкараулить медведя: на охоте погибли сразу пять собак (четыре утонули в полынье, а одну он сам по ошибке застрелил, прицеливаясь в лося). А без опытных собак – какая охота?

Словом, вроде бы как кончилась удачливая полоса в жизни промысловика, чьё имя когда-то гремело по всему Нефтеюганскому району и даже округу. Победителями в соревновании по добыче пушнины по перемене становились то хант А. И. Наргин, то Паша Курлыкин (ныне покойный), то сам Л. М. Ярыгин!

Семья не видела отца по многу месяцев. Придёт из тайги небритый, нестриженный, худой, пару недель отдохнёт – и снова... за ружьё! Пушнину-то обрабатывала и сдавала сама Анна Перфильевна.

– Бессребреник, чистой души человек! Никогда за всю жизнь не поинтересовался даже, куда я трачу вырученные от сдачи пушнины деньги, – говорит она. – Но и дом, всё хозяйство, дети и внуки держались на моих плечах! А отец и не знал даже, в каком классе кто учится. Этот новый дом тоже сама строила, наняла бригаду и ею руководила!

Дом, конечно, вышел на славу: большой, крепкий, просторный! Стены обклеены красивыми обоями, на полу – чистые половички, коврики, на кухне – большой холодильник. Всё по чести, как в городской квартире!

Конечно, раньше за пушнину (особенно за соболя) охотники выручали неплохие деньги. Не то, что сейчас – вот уже полгода не может Ярыгин получить хоть какие-то копейки за сданную весной пушнину! Впрочем, повторю, деньги для него – пустые бумажки и все они как бы на одно лицо! Корыстником Ярыгин не был никогда, и после смерти не хотел бы лежать рядом с некоторыми поселковыми подонками! Мечтается ему быть похороненным в своей родной тайге, обязательно возле трёх кедров! Там, где добывал своих собольков...

– Соболю – зверёк нашенький! – уважительно говорит Лев Михайлович о том, кто словно частью его собственной жизни стал. – И теперь соболю ещё не перевёлся, охотников

вот стало гораздо меньше, чем зверя! Невыгодно ныне пушнину добывать, очень плохо она реализуется.

Но какой же породы соболь чаще всего попадался в ярыгинские капканы?

– Тобольского кряжа, очень светлый, рыжеватый даже! Но темноватой окраски тоже встречается... Всеядный это зверёк: и черёмуху, и рябину поедает, и черникой не брезгует; полностью на одной белке может прожить, когда её много, или на кедровых орехах при их большом урожае. Дичь разную тоже ловит и питается ею. В общем, универсальный зверь! Наверное, поэтому и удаётся сохраниться соболу!

– А медведь?

– Того тоже ещё много, особенно по Малому Салыму! Правда, теперь больше одного экземпляра добывать не разрешают, да и то строго по лицензии!

По словам Л. М. Ярыгина, за последние десятилетия этот крупный зверь явно испортился в своих нравах – стал лабазы промысловиков ломать, грабить, в избушки охотничьи забирается. Однажды косолапый проломил крышу одной из ярыгинских избушек, вырыл на чердаке в земле яму и там... отдыхал! Собаки почуяли зверя, с громким лаем забегали вокруг избушки, не соображая – где же зверь? И пока Ярыгин причаливал и выгружал тяжёлую лодку с досками, медведь всё сидел на чердаке.

– Я и сам, поначалу, ничего не мог сообразить, – говорит Лев Михайлович, – лишь когда увидел пролом на крыше, догадался...

Тот добытый медведь оказался... глухим, с залепленными серой обоими ушами. Болезнь эта помешала мишке заранее услышать охотника и собак.

– А вообще-то, всякий зверь и человек тоже боится хозяина тайги! – продолжает мой герой. – Собаки у меня тоже разные: какая осторожная, а какая наглая! Раз мы отыскали зимой медведя в берлоге и вскоре туда забрались все четыре моих лайки. Слышу: идёт внизу какая-то возня, кобель там визжит, хвостом крутит. Тащу его за этот хвост, и вдруг из чела берлоги пулей вымётывается медведь, окружённый собаками. Они хватают его за ляжки, но всё же мишка успел мне небольшой скаल्प снять!

Лев Михайлович тот лоскут кожи пришил себе сам!

Ради чего же рисковал столько раз охотник? В те времена медвежья шкура стоила не более 10 рублей! Но перед зимовкой хозяин тайги накапливает под нею несколько десятков килограммов целебного медвежьего жира, употребляемого северянами, прежде всего, при лечении туберкулёза.

– И почти таким же жирным медведь выходит по весне из берлоги, – объясняет мне Ярыгин. – Происходит это в апреле, иногда даже в начале мая. Вместе с барсуком и бурундуком просыпается мишка от зимней спячки. В это время в природе есть ему нечего, поэтому накидывается на муравейники, жуков и их личинок в гнилых колодах разыскивает. Потом уходит в осинники и на молодые осинки переключается, гнёт, ломает их, объедая вкусную свежую листву. Летом змей ест, падалью не брезгует, но обычно предпочитает её зарывать в землю про запас. У меня с приманки дохлых ворон снимал!

– Боятся ли звери человека?

– И медведь обычно от охотника убегает, и лось тоже... На дерево иногда от собак косолапый забирается. Раньше, по-моему, медведь больше человека уважал, а теперь на каждой буровой свалка; человеческой пищи попробовал, понравилась – и давай теперь охотничьи лабазы крушить! Раньше хищник никогда этого не делал; в лабазах у меня сухари по пять лет хранились, пока не заплесневеют. А сейчас и новые не успеваю завозить!

– Как и многие люди, зверь в перестройку... совсем испортился?

– Да, похоже на то! А может быть, раньше пропитания у него было больше: лосиный молодняк, маток давил! Кстати, худеет топтыгин в июне, когда комар появляется, и ягод ещё никаких нет. С молодых осинников переходит на заросли кислицы-трилистника, но в это время и лабаз может завалить!

– Оружие не подводит при встречах с хозяином тайги?

– Тульские ружья-вертикалки десятого и двенадцатого калибров бьют безотказно, поражают зверя насмерть! У меня раньше было ружьё ТОЗ-16, отличная штука: плавный спуск, надёжный курок! А вот приобрёл карабин: тяжёлый,

неудобный, на сто метров стрельбы пуля чуть не на метр опускается. Не ношу его теперь на охоту, обычными ружьями пользуюсь. Ни разу ещё не подводили!

– Наверное, своё охотничье хозяйство промысловик должен вести не хуже иного фермера?

– Конечно! Надо вести умело и ответственно! Самому определять, сколько пушнины, зверя добыть, чтобы на другой год не остаться ни с чем! А в тайге всегда должна быть разная живность!.. Иногда вот приснится дурной сон: идёшь, а на снегу никаких следов. Всё кругом пусто, словно вымерло! Неприятно так на душе становится!.. Раньше я старался побольше зверя добыть, а теперь и рука не поднимается иной раз... Всё меньше в тайге и соболя, и медведя, и барсука, и выдры, и белки. Хотя в отношении последней наблюдаются иногда исключения, зверёк этот кочевой и прикочёвывает обычно туда, где корму больше!

Не согласен явно Л. М. Ярыгин с нынешними сроками начала и окончания охоты: ранее добыча начиналась с Покрова, т. е. с 14 октября, а заканчивалась 25 марта. Сейчас сроки перенесены на первое ноября и первое марта. Зачем? Зверь-то наш северный обычно начинает линять в конце марта, а до этого времени всегда охотились и на лису, и на норку, и на выдру, и на белку!

– В 50-60-е годы в Лемпинском промыслово-охотничьем хозяйстве были два своих заготовителя, они же и «разведчики»; определяли вызрел – не вызрел зверь? – говорит мой собеседник. – А теперь жди до ноября, хотя во вторую половину октября бывает и хорошая погода, не так ещё холодно! Видно же, что при недостатке кормов белка ещё с лета мох на деревьях начинает грызть; ясно, что собирается уходить! А раз пошла, в пути какая-то её часть обязательно погибнет! Зачем отпускать?..

Наверное, есть резон в рассуждениях моего героя. Хотя ведь надо дожидаться, чтобы та же белка... вызрела, стала из рыжей пепельной. Иначе ведь шкурку заведомо никто не примет!

– К нынешнему осенне-зимнему сезону готовитесь, Лев Михайлович? – задаю вопрос моему герою.

– Конечно! Ведь на 75 процентов от подготовки успех

зависит. Как технику, оружие, собак подготовишь, такой и результат охоты будет. Лайка, она постоянно и полностью выкладываться должна! 5-10 километров должна суметь на охоте пробежать! А летом, к сожалению, все мои собаки содержатся в загоне! На улицы Лемпино опасно выпустить: под видом бродячих... отстреляют! Вот и жиреют у меня сейчас все молодые лайки! А самую надёжную, опытную... отравили!

Для Ярыгиных это, конечно, большое горе! Как будто член семьи тяжело пострадал!..

Человеческое варварство... беспредельно! Так, браконьеры-нефтяники врываются в тайгу, как в свою вотчину! Хотя у Льва Михайловича есть официально отведённые родовые угодья, и когда-то промысловик до 30 солонцов устраивал для зайцев и лосей; собак всегда отгонял от лосих с лосятами, что иногда подходили близко к избушке. Нынче браконьер бьёт всё, что попадётся на пути!

А между тем профессия истинного охотника-промысловика, похоже, становится вымирающей...

В начале второй половины прошедшего века в Лемпино торжественно провожали караваны тяжело груженных лодок, направлявшихся вверх по Большому Салыму, до юрт Милясовских и даже Кинтусовых! (Ныне железнодорожная станция Салым). Происходило это осенью, до ледостава. Каждый охотник по реке добирался до своих угодий; охотились до ноябрьских праздников, а потом выходили отдохнуть из тайги. Обратное в угодья отправлялись уже по зимнику, на лошадях. Конная дорога протаптывалась всю зиму, ведь по ней постоянно обоз ходил: заготовители добытую охотниками пушнину вывозили, и мясо зверя, и рыбу. Лес по ней же доставлялся в село...

Сейчас и «Бураны» у многих лемпинцев есть, но добраться до угодий не могут: слишком далеко! И для техники ведь протоптанная дорога нужна, чтобы бензина меньше тратилось! При аварии же снегохода охотнику вообще каюк может наступить!..

Я уже упоминал о бурной хозяйственной жизни в Лемпино в 50-60-е годы, когда тут и звероферма была, и ПОХ (промыслово-охотничье хозяйство), и пилорама своя, и

огромные табуны лошадей и коров по заливным лугам привольно разгуливали. Тогда же, кроме пушнины, рыбы, без проблем можно было сдать государству чистый кедровый орех, ягоды, грибы.

Ярыгины сдавали в заготконтору по тонне и более вкуснейшего кедрового ореха, много и других дикоросов. И сейчас, не лентясь, заготавливают для себя смородину красную и чёрную, чернику, черёмуху, бруснику, рябину, клюкву. Запасов этих ягод в окрестностях Лемпино ещё много. Но ныне дикоросы здесь централизованно никто не принимает.

Здесьний рыбоперерабатывающий цех принимает только крупную рыбу, язя в основном! А куда девать рыбу помельче, что круглый год вылавливают лемпинцы?

Пушнину, по словам Ярыгина, совсем было перестали принимать года два-три назад, да и теперь вот нет уверенности, что заплатят за сданные шкурки соболя, белки.

Таких больных вопросов накопилось много!

...Когда-то в Лемпино был один председатель сельсовета, один секретарь-счетовод, да одна уборщица. Ныне число местных управленцев возросло человек до сорока, но они почему-то не спешат решать названные проблемы...

Действительно ли лемпинцы столь не востребованы нынешним рынком?

Заканчивая, скажу лишь одно: многие дети Льва Михайловича и Анны Перфильевны стали городскими жителями, туда же устремились и внуки. Приедут, погостят день-другой, малость помогут родителям, деду и бабушке – и опять кто в Нефтеюганск, кто в Сургут, кто в Новосибирск, на учёбу!

Наверное, время настало такое, что без знаний, без образования, без надёжной профессии – никуда! А семью сегодняшнего охотника-промысловика, увы, вряд ли прокормить за счёт обесцененной пушнины!

2006 г.

Весна воды на острове Пим

В снежном «плёну»

Мне давно хотелось застать в лесу или на пойме тот неуловимый миг, когда пришвинская весна света вдруг переходит в весну воды! А последняя напоминает о себе то жёлтыми наледями на лесной речушке, петляющей среди пойменных островов; то слабым журчанием прозрачного снегового ручейка, пробивающегося по одной из бесчисленных обских протоков; то тихим, бесшумным стаиванием последних сугробов на южных склонах крутых косогоров. От них, этих сугробов, обычно остаются небольшие слабенькие пятна серого ноздреватого снега, запорошённого жёлтой хвоей и древесным мусором. Кружевная ледяная кромка их слезится и слезится хрустальными капельками, которые жадно поглощает нагретый апрельским солнцем суглинок лесистых склонов пойменных островов. Но кое-где эти склоны изрыты и прорезаны глубокими оврагами – следами многолетнего неукротимого таяния окрестных снегов; здесь они низвергались некогда мутными потоками вниз, в голую ещё пойму! Эти наши северные «сели» из года в год, из века в век меняют островной ландшафт и островную растительность.

Да, в отдельных местах склоны эти уже давно не лесисты, а изборождены глубокими шрамами и морщинами от несущихся по ним с весны до осени водных потоков. То есть пойменные острова медленно и неизбежно разъедает почвенная эрозия, приближаемая и многочисленными пожарами, ежегодно устраиваемыми человеком.

Остров Пим в этом печальном ряду не исключение: его зелёный покров медленно умирает, горельники подбираются к самому санаторию-профилакторию «Юган», к окружной школе олимпийского резерва, к лыжным базам, к биатлонным трассам и стрельбищу.

В третьей декаде, дня через два после продолжительного и обильного апрельского дождя, шедшего едва ли не сутки, выглянуло весёлое жаркое солнышко, заголубело весеннее небо. И я тут же отправился профилакторским автобусом в свой любимый лес!

Около девяти часов утра я уже бодро шагал по рыхлой снежной целине в направлении протоки Пим. Снегу было где по колено, а где и по... пояс! В мои короткие резиновые сапоги сразу же он набился – ледяной, зернистый, быстро уплотняющийся между голенищами сапог и икрами ног. Последние сразу одеревенели, потеряли чувствительность. Ледяная вода насквозь пропитала и шерстяные носки...

Только через несколько сотен метров я выбрел на южный, почти очистившийся от снега берег протоки. И сразу же стал стягивать мокрые, скользкие резиновые сапоги, растягивавшиеся, по-всякому изгибавшиеся, но никак не хотевшие слезать с обеих ног. Пришлось пальцами руки выгребать слежавшуюся внутри сапог плотную снеговую оболочку, далеко отгибать края обуви. Всё это заняло не менее полчаса...

Когда же, наконец, стянул проклятые сапоги, выжал все носки и нижнюю часть брюк, ступни моих ног представляли незавидное зрелище: красные, сморщенные, холодные. Чтобы пробудить их к жизни, начинаю быстро плясать на месте, потом делаю босиком круги по крошечной полянке между соснами и кедрами. Начинается приятное жжение, покалывание, к ступням возвращается теплота. Теперь надо быстро надеть отжатые от воды носки, всунуть ноги во влажные сапоги и снова брести по глубокой снежной целине в поисках заветного фотошедевра...

Часов за семь пути (а это три-четыре километра бездорожья туда и столько же обратно) я снимал сапоги, вытряхивал из них талые снег и воду не менее пяти раз! И сильно пожалел, что не взял с собой ни охотничьих лыж, ни высоких рыбацких бродней.

Забегая вперёд, скажу: мне моё столь тесное и длительное общение с талым снегом и талой водой в такой почти летний день нисколько не повредило (не схватил даже лёгкого насморка). Попутно же к названным целебным средствам добавился ещё и приятный весенний загар!

Любая более-менее продолжительная вылазка в дикую природу сопряжена с некоей опасностью, с трудностями. Апрельская же – с особыми препятствиями! Много раз я терпел немалые бедствия под конец каждого этого месяца, уходя

утром в лес по твёрдому насту, а возвращаясь на самодельных снегоступах (вырубал вершинки берёзок погуще; на одну становишься обеими ногами – при ходьбе по глубокому рыхлому снегу, а другую вершинку выносишь подальше вперёд).

На сей раз я вполне сознательно выбрал свой каторжный путь – и даже без снегоступов!

И только чертыхался, невидимо натыкаясь на дне этой снежной целины, у земли, на пни, колоды, валежник и т. д.

Вот, огибая длинный залив – «язык» протоки, спускаюсь с крутого косогора в низину и... ухаю в глубокую снежную ямищу! Тут, видимо, зимними ветрами намело огромный сугроб, почти ещё не тронутый в тени деревьев апрельским таянием. Снегу – по грудь! Ложусь грудью и животом на кромку сугроба и как бы плыву вперёд, отгребаясь руками! Но вот и край покрытой льдом и снежной кашей протоки! Здесь вода прибывает от часа к часу – и важно не провалиться невзначай уже в омут водяной. Осторожно нащупываю ногами хлюпающую, предательски исчезающую твердь, плавно передвигая по дну русла подошвы...

Моя карта-километровка показывает, что нахожусь на самой юго-западной оконечности острова Пим – далее обская пойма!

Оттуда с тёплым южным ветром доносятся протяжные лебединые клики. Кажется, прилетели разведчики, самые смелые птицы! Вот важно ступая мокрыми лапами по серому ноздреватому льду пойменного озера, лебедь со своей подругой поднимают вверх свои длинные шеи и посылают радостные весенние клики в пространство. Вот они подошли к просторной полынье и ловко соскользнули в неё, чтобы там покормиться, погружая клювы в жирный ил...

Но лебеди далеко и не видны мне. А вот пара чёрных воронов кружится над сосново-кедровым бором, догоняя друг друга. У них – явно весенняя свадьба!.. По-особенному кричат и серые вороны и сороки, собирающиеся в пойме для строительства брачных гнёзд. Даже дятел по гнилому суку долбит не методично и долго, а с перерывами, оглядываясь и вскрикивая – нет ли где поблизости подруги?

А здесь, у самой кромки льда и воды протоки, прострочила свой ровный след рыжая лиса; а выше, по-над берегом,

на днежку торопливо проковылял заяц-беляк, тяжело проваливаясь в рыхлый талый снег.

В апреле – самая бескормица для зверья! А быстрый и высокий паводок и вовсе грозит коллективной смертью! Зайцу, например, никогда не переплыть бурную протоку, если вдруг зазевался на маленьком островке с вкусными ивняками и осинками (воды косой панически боится!). Сама охваченная страхом смерти, лиса никогда не бросится в такой беде на робко прядающего ушами зайца. Вот и выходит, что на низком затапливаемом островке все звери – братья по несчастью!.. Обречённо ждут: смоет – не смоет их всех шалым половодьем!

Конечно, всё зависит от количества солнечного тепла, от интенсивности южных ветров! Иногда в наших северных краях за неделю-полторы стаивает снег – и даже в тайге, переполняя водой протоки. Но такое бывает редко! Обычно же весна воды в Среднем Приобье затягивается до середины мая и дальше; а потом по Оби и её протокам понесутся вешние воды из соседних областей – Томской, Новосибирской, с Алтайского края. И в июне весенне-летний паводок достигает своего максимума, держась порой до конца августа (когда он смыкается практически с осенним паводком).

В прошлом году в конце мая на острове Пим всюю уже бушевали лесные пожары, один за одним шли палы, пущенные рыбаками и охотниками. Жаркая, сухая погода быстро высушила прошлогоднюю траву, валежник, старые горельники – и заполыхало всё это, как порох!!!

В нынешнем своём апрельском лесном путешествии я прошёл лишь краешком обширных прошлогодних пожарищ. Страшное зрелище представляют собой мёртвые чёрные деревья, тянущие к небу голые печальные руки-сучья – безмолвный укор каким-то убудкам, снова ушедшим от заслуженной кары.

Вот два обнажившихся ствола-трупа некогда радостно и мощно зеленевших и плодоносивших кедров. Здесь зимой явно поработали желны – большие чёрные дятлы, искавшие под корой вредителей. А вон там ель, сосна и берёза стоят обуглившиеся и никем не тронутые. Слегка провожу ладонью по шершавому сосновому стволу: жирная, липкая гарь

и копать!.. И запах вокруг резкий – большого-большого, свежего ещё, пожара!

На сотни метров, на многие километры (прошлогодний пожар прошёл остров Пим от этой вот протоки до самой Оби, и на запад – до отдалённого нефтепровода Холмогоры-Клин) тянется и тянется безжизненная пустыня, где не увидишь и не услышишь ни одной живой души!..

...Спаси и сохрани, Господи, многострадальный остров Пим, его зверей и птиц!..

Какое оно, ветеранское счастье?

Его я встретил на опушке светлого соснового бора, у самого берега ответвления – «языка» протоки Пим.

П. – ветеран труда, всю жизнь проработал на юганских нефтепромыслах. Никакого богатства не нажил, а болезней – кучу! Вот и лечит теперь свои застарелые хвори целебной минеральной водичкой, выкачиваемой вот уже 21 год из недр острова Пим санаторием-профилакторием «Юган». Дышит свежим хвойным воздухом, уходя после процедур под сень тайги.

– Многое в жизни повидать пришлось! – рассказывает П. – Вначале на месторождении встречаешь почти нетронутую дикую природу, а через десяток-другой лет весь лес вокруг уже испохаблен, сожжён, вырублен, завален мусором! Дико и тягостно!..

Что ж, человек-хищник не щадит ничего! Даже ценные ягодные и грибные уголья, заросли лекарственных растений, кустарников. По словам П., работал он когда-то на так называемых «Ермаках», за Обью. И было там видано-невиданно калины! И огромные, высокие кусты – не дотянешься, и низкие, с шаровидными кронами. За час-другой по пять вёдер отборных спелых кистей этой целебной калины заготавливал П. Бережно, не вредя деревьям!.. А вот другие... шибко ломали и уродовали кусты. У калины ведь ствол и ветки хрупкие, нежные; а поломанные, они, конечно, вновь не отрастают! Более того, кое-кто валил могучие калиновые кусты... топором! Мол, иначе ягоды не собрать... Типичная психология хапуги-рвача! Который готов и трёхсотлетний

кедр бензопилой свалить, лишь бы заграбастать побыстрее мешок-другой шишек!

Самого П. наша щедрая северная природа богато одарила: и рыбой, и мхом, и ягодой, и орехом. Грибы на немецкой «Брандвахте», помнится, прямо на полу сушил!

– У немцев вахтовое помещение по-особенному отапливается: из-под пола! – говорит П. – Включишь летом этот автономный электрообогрев, высыплешь на разостланные по полу газеты порезанные грибы – и идёшь собирать новые! Пока собираешь, чистишь, режешь вновь собранные красноголовики, обабки, белые – старые-то уже почти и... высохли! Так вот в течение нескольких дней послевахтового отдыха мешками заготовливаешь сушёные грибы!

Да, попробуй теперь найди столько же! И – не отравленных нефтью, ядовитым содержимым шламовых амбаров!

Долго мы сидели, беседовали с ветераном Севера П. И все его грустные мысли о гибнущей природе мне были близки и понятны. Но что я мог сказать утешительного в ответ на горькие сетования пожилого собеседника? Что со дня на день грядёт новый Лесной кодекс РФ и что, глядишь, лесами острова Пим завладеет какой-нибудь местный олигархик? Но тогда нам с П. и другими пенсионерам придётся довольствоваться теми самыми... горельниками, вырубками, пустошами, о которых речь шла выше! Посещать элитные платные леса даже не круглый год никаких пенсионных денег не хватит! Нечего даже сомневаться в том, что частник у себя тут же запретит бесплатно ловить рыбу, собирать грибы, ягоды, орехи, вести любительскую охоту!

...Снова, после очередного тёплого затяжного апрельского дождя, уйду в тихую задумчивую тишину сосново-кедрового бора. Здесь ещё будет полным-полно снега, но и луж, бойких ручьев прибавится заметно...

Сяду на замшелую зелёную колодину и буду сосредоточенно смотреть, как у моих ног потихоньку собирается запруда-озерко. Но потом вдруг с противоположной стороны полусгнившего бревна снова этот же ручёёк появляется, пробив подземный ход. С пригорка, где истаивают серые кучи – остатки снежных сугробов-великанов, – сюда, в низину-болотце, стекают с округи десятки прозрачных, го-

ворливых ручейков, образующих по пути пышные хлопья нежнейшей розовой пены. Ручейки сливаются в ручьи, озёра, чтобы далее в несокрушимом порыве-устремлении прорваться через завалы и валежник к большой пойменной протоке, родной дочери ОБИ! Вместе с тысячами и тысячами таких обских протоков талая снеговая вода помчится к Северному ледовитому океану!

...Долго, многими часами, я буду слушать песни нашей весны воды, записывать впечатления в походный дневник и десятки раз щёлкать цифровой «зеркалкой», чтобы потом всю эту КРАСОТУ ПРИРОДЫ донести до своего читателя.

2007 г.

Остров Пим. Междуречье...

Историко-природный очерк

...Стояли последние жаркие августовские дни.

Над заливными лугами, где вымахали травы по пояс, висел комариный звон. Липла к разогретому телу надоедливая мошка. Необычайно знойное для этой поры (1988 г.) солнце манило искупаться, позагорать.

Мы шли вдоль кромки земли, обозначенной неровной каймой мелкого мусора и трухи, принесённых нынешним паводком. Здесь в мае-июне плескалась тёплая вода, почти до горизонта тянулись щедрые соры, мелководные, прогретые солнцем, с изобилием растительности, корма для рыб, птиц.

Эта полоска прибойного мусора как бы разделяла между собой два царства: суши и воды. Причём ушедшая вода напоминала о себе всем: светлыми озёрками в зелёно-разноцветной гуще трав и цветов, на которых взлетали и вскрикивали чайки; непроходимой топью трясин, где никогда не ступала нога человека и лишь весело зеленел стрелолист; почти невидимыми протоками-ручьями, по которым скатывалась, уходила в Обь настоявшаяся соровая вода.

Высокая земля, являющаяся берегом соров, и была островом Пимом. А сам он расположился в живописном месте – в междуречье, на стыке двух водных систем: Оби и Юганской Оби. На правую руку была она, великая магистраль, кормилица коренных народов, труженица-река, её русло отсюда, от острова, обозначалось дальней грядой тальников, жёлтыми песчаными откосами и белым перевальным столбом, поставленным на берегу в помощь судоводителям.

Обь там, вдали, жила и работала: шли невидимые отсюда теплоходы, баржи и толкачи, низким гулом отдавалась в пространстве работа мощных дизелей, били корабельные склянки (или так казалось мне, напряжённо всматривающемуся в тишину знойного летнего дня).

Где-то, в нескольких километрах от нас, на сургутской переправе туда-сюда сновали катера с аппарателками*, пе-

* Аппарелька – небольшая баржа, толкаемая буксиром, присоединённым к борту.

ревоза на другой берег Оби разнообразную технику, автотранспорт. А здесь, на лугах и в пойме, всё принадлежало птицам, растениям, насекомым. И даже человек казался тут чужеродным телом, ибо громкой речью, суетливыми шагами нарушал совершеннейшую гармонию неба, воды, цветущей земли.

Величественно и спокойно текла к океану Обь, издавна поселив на своих берегах детей природы – хантов, манси. Тундрино... Сытомино... Эти названия звучали для меня таинственно, как в сказке.

С другой стороны острова, по левую руку, протоки и озёра уже принадлежали Юганской Оби – родной сестре магистрали. Наверное, гидрологи скажут, что это одна река с несколькими большими рукавами, текущими почти параллельно. Вероятно, они будут правы, так как Юганская Обь «выпадает» из Оби несколько выше посёлка Мостоотряда-15 и впадает в неё возле Сытомино. То есть течёт самостоятельно всего лишь на протяжении нескольких десятков километров, отрезав попутно от «большой земли» Нефтеюганск, Сингапай, Чеускино, Олений остров, остров Пим и другие возвышенности.

И значительная часть Нефтеюганского района находится поэтому в широкой-широкой пойме, изобилует лугами, болотами, различной живностью.

Соры, озёра и протоки с левой оконечности острова Пим – рай для птиц. Утки, гуси, лебеди всё лето живут тут, выводят потомство. Водоёмы богаты карасём, щукой, окунем. На заливных лугах – щедрые сенокосы.

– Хорошо бы здесь сделать зону покоя, превратить Пим и окружающие его места в заказник, – с таким предложением обратился двадцать лет назад ко мне, сотруднику газеты «Нефтеюганский рабочий», 65-летний рыбак и охотник Фёдор Петрович Колодин, – иначе нефтяники выжгут здесь все леса, испакостят водоёмы!..

На наших с дедом Колодиным глазах уже тогда творились здесь невообразимые экологические преступления: почти ежегодные лесные пожары, бурно процветающее браконьерство и т. д. и т. п.

За два минувших десятилетия ничего из этого не исчез-

ло, активно продолжается! И лишь, как шагреневая кожа, сокращаются лесные площади, проложены новые нефтепроводы, линии электропередач, дороги, по которым бурно прёт всё тот же наглый браконьер, стреляя беззащитную дичь почти что уже из... окна своего вездехода!

Конечно, я срочно подготовил тогда и опубликовал в газете «Нефтеюганский рабочий» серию тревожных статей. Но... Все они остались без всякого внимания!

И поныне местная власть по отношению к нашей северной хрупкой природе находится словно... в летаргическом сне! Грабь, жги, воруй, уничтожай! Всё дозволено, всяким хапугам – зелёная улица!

Однако тогда, в 1988 году, с нами на Пим всё же выезжал зампреда Нефтеюганского райисполкома А. Г. Самойленко, только вот никаких конкретных решений Анатолий Григорьевич не принял! Было, увы, лишь бюрократически... «прореагировано на заявления трудящихся»!

А дед-мечтатель ни много ни мало требовал тогда от начальства устроить на пойме искусственное водохранилище, пустить по нему яхты. На берегу же «отгрохать» пионерлагерь, чтобы ребятишкам все удовольствия: и покататься, и порыбачить, и с живой природой пообщаться. Потом эту идею подхватили пойковчане, создав в посёлке свой самый настоящий яхтенный клуб.

...На острове Пим давно, ещё до войны, случился громадный пожар. По берегу протоки полностью выгорели кедровые и сосновые леса. Когда Фёдор Петрович (дед Колодин) впервые попал на Пим, здесь, на месте обширного горельника, был ещё не настоящий лес, а лишь подрост из осин, берёз, рябины, калины... И всё же в том далёком 1966 году, приехав в Нефтеюганск из южных прикаспийских краёв, Ф. П. Колодин просто влюбился в наши северные просторы! Много лет сам проработал в нефтянке; потом ушёл на пенсию. На неудобных (корчевал пни, ворочал упавшие стволы деревьев, срезал высокие кочки) самолично разработал огород, выращивал приличный урожай картофеля, овощи, зелень. И успевал рыбачить, собирать грибы, ягоды, кедровый орех! По-сути, это был его второй северный огород-плантация, снабжающий семью ветерана белковой и витаминной продукцией.

Вёл дед и наблюдения за природными явлениями. Например, на зарастающих пимовских горельниках не было ещё ни одного хвойного деревца, а... муравейники появились! Проворные и работающие рыжие муравьи сооружали свои конусообразные жилища из подручного материала: осиновых серёжек, высохших скорлупок от раскрывшихся почек, тонких берёзовых веточек, сухих стеблей багульника, черничника, брусничника и т. д. Причём внешне эти муравейники почти ничем не отличались от обычных. Насекомые так же неутомимо сновали в зелёной траве, обследовали стволы окружающих лиственных деревьев, прокладывали свои тропы-дорожки аж до самых соров...

Возможно, лет через сто-двести здесь снова появятся кедровники. Увы, новые и новые лесные пожары губят даже уцелевших гигантов! В восьмидесятые годы прошлого столетия на Пиме выгорели даже обширные территории соров в западной части острова – с их прекрасными черносмородиновыми зарослями, с многочисленным шиповником, речной мятой и др.

Весной 1988 года поразили деда Колодина два пожилых охотника: нахлопали из ружьишка целую кадушку чирков! Куда столько?.. Впрочем, и поныне о сроках охоты и о норме отстрела нефтеюганские браконьеры имеют весьма смутное представление!.. Хуже того, пьяные гоняют майскими днями по обским протокам на моторках и палят в белый свет – спасайся, кто может!

– Уток на озёрах и в протоках была тьма, – рассказывал мне двадцать лет назад подвижный и худенький дед Колодин, – Взлетят, тучей небо закрывают!.. Сейчас и десятой доли не осталось... Да и бить столько птицы каждый год – откуда взяться изобилию пернатой дичи?.. Три года хоть весновку не открывали, а теперь бьют почти что от прилёта до отлёта...

О нравах «любителей природы» мы говорили с Фёдором Петровичем долго в том долгом лесном, с ночёвкой, походе!

– Слышите, это сенозаготовители стреляют на острове Шестакова, – спокойно объяснил мне дед Колодин, когда до нас вдруг в середине дня донеслись приглушенные расстоянием ружейные выстрелы. Чувствовалось: далеко не впервой здесь нарушаются правила охоты и нет уже у моего спутника

сил сокрушаться творимыми безобразиями. Не раз водители вездеходной техники (те же браконьеры!) матом посылали деда Колодина куда подальше; а однажды пьяная компания подростков даже собралась бить деда Колодина. За то, что сделал ребятам замечание по поводу большого костра и возможного лесного пожара...

На берегах лесных озёр и проток на Пиме, на самой Оби много потайных балков, избышек, землянок, где и железная печь есть, и панцирные кровати, и рыбокоптильни. Под секретными замками и поныне прячут рыбаки-охотники свои лодки, сети, боеприпасы, чтобы быть всегда на природе во всеоружии, больше добыть дичи, зверя, рыбы. Такова неистребимая психология потребителя, временщика-хапуги, не задумывающегося о будущем природы!

...В своё время (80-е годы прошлого столетия) дед Колодин не раз просил не только местную власть, но и руководство Нефтеюганского общества охотников и рыболовов посодействовать в восстановлении гидрологического режима озёр и проток (летом быстро мелеют), для чего нужно-то и было пригнать бульдозер и сделать кое-где дамбы-запруды. Пальцем никто не пошевелил! Поэтому ничего и не вышло из затеи Колодина и Слободянюка (егеря общества), подписавших договор о снабжении карасём профилактория «Юган», ближайших магазинов, столовых. Слишком уж дешёво приходилось сдавать туда рыбу: крупную по 70 коп. за килограмм, среднюю – по 50. А трудов, хлопот – уйма!..

Ныне вообще бесконтрольный частник-хапуга правит бал на водоёмах и местном рынке!.. Вылавливает рыбу даже в... зимовальных ямах на обских протоках и во время весеннего замора! А летом на водоёмах можно увидеть... стометровые сети!

...Нам с Фёдором Петровичем Колодиным явно не повезло. Ещё на рассвете погромыхивающие вдали раскаты грома приблизились часам к шести утра, небо обложило тучами. А вскоре закапал дождь...

Пока дед снимал сеть, прятал её и грузила с поплавками в траве, пока гнал лодку с карасями по обмелевшей протоке, гроза разбушевалась вовсю. И в частой сетке водяных струй, закрывших ближайший горизонт, луга и пойма словно рас-

творились, поблекли. Я шёл по берегу протоки, мимо карасёвых озёр, поверхность которых вспухла, рябила от почти сплошных попаданий тяжёлых капель. У самой кромки воды быстро снимались, увидев меня, утки. Они далеко не улетали, не отплывали, двигаясь какими-то странными галсами. До меня дошло: дождь мог намочить им в полёте нежный пух крыльев.

Но человек-то! Ему куда было укрыться? Мокрый до нитки (высокие травы окатывали как из брандспойта) я молча продолжал путь к туманной возвышенности...

Ноги делали своё, а голова – своё! Я вдруг вспомнил недавно читанную книгу о национальных парках нашей страны и мира, гостеприимных и хорошо оборудованных. «А, впрочем, чем здесь не национальный мини-парк «Пойма», включающий в себя ещё нетронутые островные леса, кедровую рощу в Чеускино, ряд других ценных участков природы?» – подумалось сначала как-то отвлечённо. Потом мысль оформилась яснее... Ведь для чего создаются повсюду природные резерваты, ландшафтные заказники, региональные парки, охраняемые ландшафтные области, памятники природы? «Любовь к природе в национальном парке перестаёт быть отвлечённым понятием» – замечает учёный-биолог Н. М. Забелина. То есть здесь мирно сосуществуют человек, звери, птицы, насекомые, растения; вода гармонирует с сушей, болото с лугом, озеро с протокой. Здесь всё просто, естественно, сложилось за многие десятилетия в устойчивые биоценозы. Таков ведь и остров Пим, изрядно пожжённый, изгаженный человеком, но всё ещё прекрасный!..

Изучая специальную литературу, я твёрдо был уверен: для Пима очень подошла бы категория «охраняемый ландшафт»! (Поменьше бы только сюда затолкать техногенных объектов!)

В это понятие входит следующее: поддержание гармоничных взаимоотношений человека с природой и развитие отдыха и туризма при сохранении экономического потенциала региона и образа жизни населения (традиционных видов пользования). Кстати, в Европе как раз наибольшие площади занимают охраняемые ландшафты, национальные парки, ландшафтные и региональные парки, ландшафтные

области, природные парки. Многие из них расположены вблизи крупнейших промышленных городов.

Национальные парки европейских стран включают наиболее сохранившиеся природные массивы. Вместе с охраняемыми ландшафтами, природными и региональными парками они составляют как бы последовательные ступени сочетания природоохранных и рекреационных целей, девственной природы и окультуренных земель. Хотя национальные парки и уступают по размерам областям охраняемого ландшафта, но преобладают среди прочих природоохранных категорий.

Итак, подумал я, почему бы не создать в нашем Нефтеюганском районе проект своего охраняемого ландшафта (или национального парка)?

В тех давнишних своих газетных статьях я подробно всё описал, сослался даже на коллегу А. Н. Александровского, избранного председателем Берёзовского комитета по охране природы. (Он заявил в печати о намерении организовать в окрестностях Саранпауля первый в нашем автономном округе охраняемый ландшафт (или парк).) Почему же, считал я, нефтеюганцы должны быть вторыми, третьими, последними?..

Пока же, писал я тогда, остров Пим и его имеющиеся богатства по сути бесконтрольны. Здесь браконьер может сколь угодно добывать за «спасибо» рыбы, грести «комбайнами» тонны ягод, убивать самок и молодняк водоплавающей птицы, в пьяном виде валяться у костров, портить пойму гусеницами вездеходов.

За создание охраняемой территории голосовало практически всё!!!

Даже опыт общения с другими людьми.

«...Недавно пришлось побывать на Пиме с коллегой-журналистом, а он взял на природу сына-школьника, – цитирую отрывок из своей тогдашней газетной статьи. – На пути встретилась нам рыжая белка. Первой реакцией подростка было – взять палку и гнаться за зверьком. Надо было видеть, с каким азартом кидал он палки в кроны сосен, где спряталась белка, как громко кричал, чуть ли не на весь лес. И каким контрастом было поведение нас, взрослых образованных людей, когда мы вместе с товарищем-рыбаком увидели однажды на

берегу Оби точно такую же белку. Она дважды пробежала в траве у нашего костра, и мы замерли, чтобы не спугнуть проказницу и как можно дольше понаблюдать за ней не в неволе, а среди живой дикой природы. А уходя, оставили белочке печенье, конфет. Жаль, что не было с собой орехов...

Вы уверены, что ваши сын или дочь не поступят так же, как грубый, злой, не воспитанный в любви к природе пацан моего незадачливого коллеги? »

...Мало что осталось сегодня от восточной части острова Пим! Это большой... мёртвый техногенный квартал вместо некогда зелёной лесной зоны, опутанный дорогами, трубопроводами, ЛЭП, зияющий скальпелями земли, обширный «лоскутной» горельник! О предполагаемой охраняемой зоне можно говорить лишь за пределами названного «ада», т. е. за самой последней нефтепроводной ниткой к западу острова!.. Не менее чем за 10-15 километров от окружного профилактория «Юган». А там уже... сургутская территория!

А уже недавно от посёлка Сингапай до села Тундрино почти вдоль Оби прошла асфальтированная дорога – раздолье для всяких браконьеров.

Опоздали мы, господа!..

Охотник Л. М. Ярыгин с супругой. Лемпино, август 2003 г.

Следы деятельности нефтяников.
Окрестности протоки Сырой Аган, июнь 2009 г.

На лесном горельнике.
Олений остров, июнь 2009 г.

Лесная дорога вблизи северного берега
протоки Сырой Аган, май 2004 г.

Серёжки ольховые. Окрестности г. Верхний Тагил (Свердловская область), май 2004 г.

Диво на... сухарине

...Начало мая. Поздняя весна – и в лесу ещё снега по колёно! Настоящая снежно-водяная каша в хмуром елово-кедровом бору! Пробираюсь между мокрыми стволами осторожно, в высоких резиновых рыбацких бреднях. Как бы не ухнуть в какую-нибудь глубокую колдобину!

Ночью шёл мелкий затяжной дождик. Поверхность просевших снеговых сугробов на пригорках серая, ноздреватая, на ней везде полно лесного мусора: жёлтых хвоинок, мелкой коры и сучков, клочьев бородатого лишайника и древесных мхов. Протаявши в глубину и ширину, заячьи и лисьи следы кажутся следами животных-великанов!

Наконец выбираюсь к высокому берегу Девкиной протоки. Её русло тоже покрыто грязным голубовато-белым, с жёлтыми разводьями, льдом. Лишь кое-где стальным цветом отсвечивают длинные прибрежные полыньи, по краю которых бегают немногочисленные длиннохвостые трясогузки. Они (по-хантыйски) – ледоломки, только что, видать, прилетевшие с юга и теперь призывающие за собой своим тонким попискиванием настоящую весну!

Она – будет! Придёт!.. С теплом, первыми цветами-подснежниками, первыми насекомыми и первой зеленью!..

А пока... Усаживаюсь на толстом поваленном стволе старого кедра и разжигаю небольшой костерок из сухих сучьев, лапника, бересты. Ставлю на огонь котелок с талым снегом, рву вечнозелёные кустики брусники на заварку... За стволами берёз и осин – панорама широкой обской поймы, где остатки снега белеют среди жёлто-соломенной прошлогодней травы. Там пока пусто – ни уток, ни куликов, ни белых лебедей... Не прилетят, не приплывут, пока широко на разольётся вешняя вода по огромным сорам...

С крутого прибрежного обрыва пойменного лесного острова в протоку шумно стекают мутные глинистые ручьи. Их – десятки, сотни повсюду, больших и маленьких! На островах в пойме Оби за зиму накопилась масса снега – и теперь он должен вернуться к океану!

И так – на всём протяжении великой магистрали и её притоков! Весна идёт!

...Много раз я встречал её здесь, в укромных лесных уголках Юганского Междуречья. Ночевал у костров, слушал негромкое предутреннее пение таёжных птиц; пил из глубоких бочагов родниковую воду. Вовсю наслаждался музыкой Весны, музыкой Природы!

И, конечно, фотографировал всё мало-мальски интересное, заноса в свой фотоблокнот птиц, жуков, бабочек, ручьи и обширные лужи-озёра на болотах, узловатые капы на деревьях, облака... Однако далеко не всё попало в объектив.

...В нашем Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на одном гектаре леса общая биомасса всех животных составляет многие сотни килограммов (без простейших и прочих микроскопических тварей, которых в почве тоже немало); примерно на 100-200 кг. «тянут» дождевые черви; около 50-70 кг. приходится на членистоногих – насекомых, клещей, пауков. И лишь... 200-700 граммов(!) остаётся на долю зверей и птиц!..

Мезофауна округа – это около пяти-семи тысяч видов членистоногих (среди них – десяток хищных «сороконожек» и около двухсот-пятисот видов пауков). «Остальное» же (из примерно 7000 видов) это, конечно, насекомые! В округе обитает примерно три тысячи только жуков (а во всём мире их больше 200 тысяч!).

Жужелицы и жуки-стафилины, божьи коровки, жуки-листоеды, долгоносики (слоники), берёзовый трубокверт, усачи (дровосеки), златки, короеды, щелкуны, пластинчатые жуки (медная бронзовка, восточный майский хрущ, обыкновенный навозник), мягкотелки, плоскотелки; скрытноеды, пыльцееды, кожееды, грибоеды, короеды, ручейники и т. д., и т. п. Всех не перечислить из обилия этой лесной, луговой, болотной и водной фауны!..

Осы, шмели, шершни – летающие и жалящие насекомые! В наших островных лесах их тоже немало: песчаные осы, лесные осы, шершни – они иногда нападают и на человека!

Всегда с осторожностью обхожу серые шарообразные гнёзда ос лесных, подвешенные на ветвях деревьев и кустов. Никогда не видел больших осиных жилищ (с голову человека), но размером с крупный апельсин встречаю довольно часто – и старые, и новые, которые осы снаружи покрывают оболочкой из нескольких слоёв бумаги, а внутри располагают

ярусы ячеек (лёгкое отверстие открывается снизу). И когда оттуда одна за другой с противным тонким жужжаньем вылетают жёлто-полосатые хозяева, то лучше, конечно, к гнезду не приближаться!

В биологии к родственной осе лесной относят осу австрийскую, осу германскую, осу французскую и... шершня.

С детства я хорошо знаком с этими самыми шершнями, болезненный укус которых помню до сих пор (ткань на руке или ноге вокруг ранки моментально опухает, но через несколько дней краснота и опухоль сходят).

Однажды, подгоняемый любопытством, я решил исследовать большое гнездо коричневого цвета, видневшееся из дупла старой осины. Взяв в руку длинный ивовый прут, я стал слегка шевелить постройку насекомых. Конечно, через несколько секунд из круглого отверстия в гнезде вылетела пара крупных шершней и закружилась вокруг меня с громким зловещим жужжанием. Оба насекомых выбирали, прицелившись, куда бы побольнее ужалили непрошенного гостя. И одно жало угодило мне в левую щеку, которая тут же стала вспухать и багроветь!

Со сдавленным от ужаса криком я выбежал на сенокосную полянку, где в тени свежих копен душистого сена отдыхали и обедали мать и отец. А шершни всё ещё гнались за мной и тут же закружились вокруг моих родителей. Размахивая граблями в воздухе, папаня отважно оборонялся!..

Эти крупные, длиной до трёх сантиметров, рыжие осы породили много ужасных историй в народе про то, как внезапно нападают на невинных животных и людей и умерщвляют их своими укусами! Однако это... ложь. Укус шершня, хоть и весьма болезненный, но не смертельный. Между тем в природе шершни выполняют полезное дело – уничтожают мелких вредных насекомых. А попутно кое-где разоряют гнёзда и загрызают своих собратьев – лесных ос.

...Как-то уже в начале июня я, утомившись от долгой ходьбы, сел отдохнуть на старой валежине на крутом берегу протоки Сырой Аган. Было предвечернее время, небо затягивали тучи. Тишина стояла вокруг, нарушаемая порывами ветра и скрипом наклонившейся рядом сухары. А прислонилась она своей вершиной к другому сухому стволу, что серой колоннадой торчал прямо передо мной метрах в двух.

Тоскливо-заунывное это поскрипывание навевало какую-то неясную тревогу. Но, усталый, я так и не сообразил поднять голову вверх, где уже притаилась беда...

Сухой ствол погибшей от пожара сосны был без коры, гладко-серый. И на этой округлой невзрачной поверхности мой глаз вдруг уловил еле видимое шевеление: то поворачивались большие удлинённые глаза какого-то насекомого. Они явно косились в мою сторону...

«Шершень!» – мгновенно пронеслось в мозгу.

Да, это была пережившая зиму и холодную весну оплодотворённая самка шершня. Все рабочие шершни, самцы и матка погибли при первых прошлогодних морозах, а она сумела заползти в какую-то нору и семь месяцев проспала в ожидании тепла.

Но летнее тепло всё никак не наставало, и самка целыми днями грелась на солнышке. Ей надо было срочно устраивать новое гнездо, откладывать яйца, но насекомое, видимо, всё ещё не могло отойти от зимней летаргии. Я это быстро понял...

Взяв в руки зеркалку, медленно приближаюсь к стволу сухаря, где чуть шевелит глазами самка шершня. В окуляре фотоаппарата, настроенного на макросъёмку, я могу уже подробно различить туловище, крылья и голову крупного насекомого. Оно – удивительно! Будто мёртво, лишь эти живые, чуть вращающиеся глаза, что теперь явно смотрят на меня!..

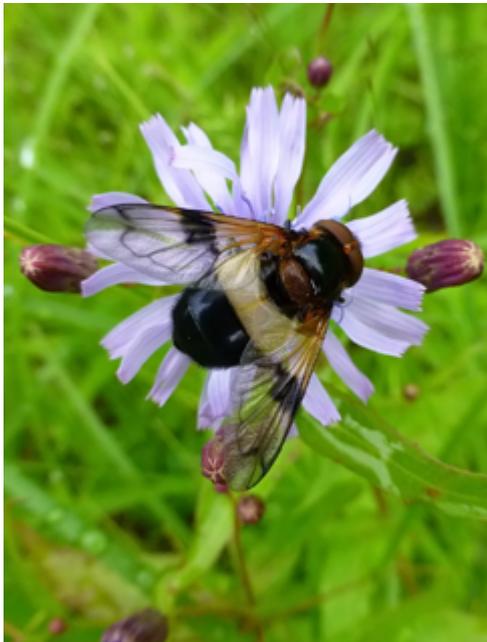
Несколько раз щёлкнув затвором, я немного отступил. А шершень так и остался сидеть на сухаре... Понемногу какая-то тревога вновь стала овладевать мною. И тут, запрокинув голову, я увидел, что соседняя наклонившаяся и тягуче поскрипывающая сухара держится всего на одном маленьком сучке! Обломайся он от сильного порыва ветра – и нависшее тяжёлое бревно моментально соскользнёт вниз и неминуемо разmozжит мне голову!

– Чур-чур! – забормотал я в сильном испуге и волнении и попятился назад, к лесной дороге.

...Наверное, какой-то высший промысел спас меня тогда от страшной трагедии. И то неподвижно сидевшее на стволе другой сухаря диво, что было наверняка оплодотворённой ещё прошлым летом самкой шершня, готовившей новое гнездо на глинисто-песчаном обрыве этого дикого лесного острова...

Диво на сухарине (Шершень на сосне).
Протока Сырой Аган, июнь 2006 г.

Муха жужжалка на цветке дикого цикория.
Олений остров, июль 2016 г.

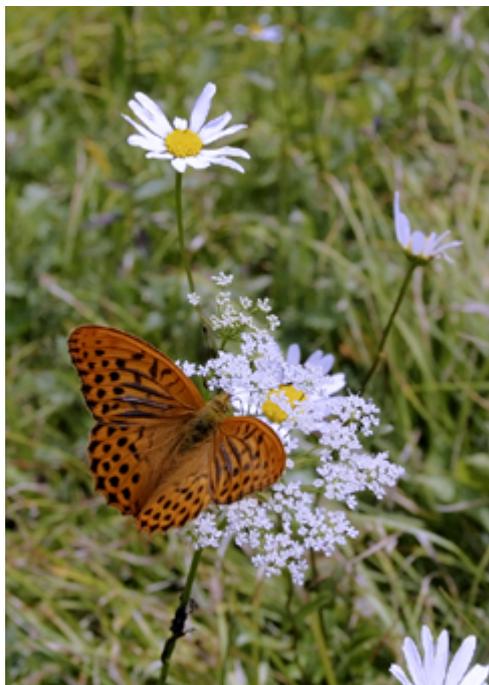
Паук плетёт сети.
Олений остров, июль 2016

Оса на цветке шиповника, июнь 2004 г.

Бабочка павлиний глаз. Правый берег протоки Сырой Аган, май 2006 г.

Перламутровка большая лесная,
июль 2009 г.

Бабочки-белянки.
Берег протоки Чеускина, май 2015 г.

Живые... «огоньки»

...Середина мая. Я иду по пойме протоки Сырой Аган. С севера дует пронзительный ледяной ветер. Под ногами путается жёлто-бурая прошлогодняя трава, цепляются засохшие грубые ости каких-то высоких цветов. Крутой обрыв и глухая стена хвойно-лиственного леса над ним этого большого пойменного острова хорошо защищают меня от ледящих порывов сиверка. Здесь, на южной оконечности острова, солнце даже припекает в затишь!..

Ещё пока не зазеленели берёзки, рябины, ивы, черёмухи, весна здесь явно запаздывает. Но вот среди обнажённой песчаной косы ярким золотом сверкнули маленькие кругленькие, как монетки, цветочки мать-и-мачехи; а там, у воды, показался тугой бутон калужницы европейской, готовый вот-вот лопнуть, раскрыться навстречу любовно и нежно прогревающему сырую землю дневному светилу.

Оно, солнце, старается изо всех сил, но ледяной ветер арктических тундр всё равно задерживает таинство зарождения новой жизни в природе...

На стыке весны и лета так часто бывает...

На противоположном берегу протоки, в тени густых тальниковых кустов, ещё белеет снег, целые полосы и сугробы прошлогоднего снега! Он слежался, зернист, напитан водой, но тает медленно, источая по капельке свои прозрачные слёзы.

Здесь, на протоке, тихо. Только иногда в небе стремительно пронесётся пара чирков, да прошумят в густом весеннем воздухе сильными крыльями большие кряковые утки и с радужными брызгами опустятся недалеко на воду ещё не разлившегося сора. Вот где-то прокуковала кукушка – значит, тепло всё же не за горами; наступят всё же парные и живительные деньки, когда в один момент островные леса покроются нежной светло-зелёной кисеей распутившихся молодых листочков!

А пока... вот этот живой «огонёк» на соломенно-жёлтой прошлогодней полёгшей траве – бабочка павлиний глаз – приветствует меня своей ярко-красной окраской. Вернее – рубиновой. Даже не верится, что среди этого пожухлого мёртвого царства может светить такой дивный чистый цвет крыльев

весенней бабочки. Она замёрзла, неподвижна. Но я всё же первые кадры делаю телеобъективом (в режиме макросъемки), не подходя ближе 1,5-2 метров к живому чуду. Затем меняю объективы и снимаю бабочку с близкого расстояния, стараясь, чтобы она заняла весь кадр. И павлиний глаз не улетает!..

В моих лесных путешествиях нередко встречаю наших северных бабочек и мотыльков. Всегда удавалось без особого труда запечатлеть на память боярышниц, крапивниц, траурниц; в моей фототеке есть «портреты» и каких-то неизвестных мне мотыльков.

Мой павлиний глаз лежал, замёрзший, на пожухлой траве, полностью распластав свои рубиновые крылышки, на которых странно красовались два почти настоящих... глаза! Конечно, они были «нарисованы» природой, но насколько искусно! Ими насекомое отпугивает хищников, как и своей густой насыщенной окраской – как бы ядовитой.

Из биологической литературы я знаю, что павлиний глаз широко распространён в северном полушарии и обычен даже в ХМАО-Югра. С детства встречал его на цветущих июньских полянах родного Северного Урала! Спутать эту бабочку с какой-либо иной просто невозможно!

Здесь, во всё ещё холодной и почти безжизненной пойме протоки Сырой Аган, и покормиться-то нектаром моей бабочке негде было! Спасти её может, наверное, только зацветающая мать-и-мачеха, но до неё сотня с лишним метров...

Так и ухожу, с грустными раздумьями о судьбе этого одинокого павлиньего глаза, неизвестно откуда здесь взявшегося... Не погибнет ли красивая бабочка от холода и бескормицы?

Впрочем, Природа и Эволюция сделали так, что дневных бабочек можно встретить даже в суровой Арктике, в тундре и лесотундре! Например, толстоголовка пёстрая или истодовая встречается не только в Южной Германии (типовой местности её обитания), но и в... пойме реки Сось, на Полярном Урале! Кормовые растения этой интересной бабочки – обыкновенный чертополох, солнцезвезд, истод, лапчатка, малина. И зимуют молодые гусеницы толстоголовки пёстрой тут же, в чертополоховых и малиновых зарослях, сделав лёгкий кокон на своём кормовом растении.

Увы, этот лугово-лесной вид уже внесён в Красную книгу многих стран и регионов (в том числе Карелии, Финляндии, Швеции, Германии). Причины истребления бабочки банальны: застройка, распашка земель, перевыпас скота, интенсивное сенокошение! Уничтожается или деградирует травянистая растительность – негде жить и нечем кормиться толстоголовке пёстрой или истодовой.

Чуть получше судьба у толстоголовки альпийской (андромеды), встречающейся и в окрестностях станции Красный Камень на Полярном Урале (Тюменская область). И что удивительно, наша тюменская андромеда прямая родственница тех же бабочек, обитающих и в Пиренеях, и в Альпах, и в горах Балканского полуострова, и в Карпатах, и в горах Кольского полуострова, и в Норвегии!

Эта прекраснейшая горно-тундровая бабочка питается нектаром горца большого, манжетки, мальвы, просвирника, лапчатки. Поднимается в горы на высоту до... трёх километров! Камень, лишайники, мох, низкие горные кустарнички, тундровый ерник – и над всем этим диким и утрюмым полярным царством порхают «живые огоньки» андромед. Нередко их самцы описывают большие круги, облетая некрупные моренные возвышения в открытой тундре, собираются группами на влажной почве вдоль водотоков и возле луж.

И как пустынно и мёртво было бы суровое пространство гор и тундр без толстоголовки альпийской! Поистине, Мать-Природа постаралась украсить и такие дикие, неприступные места!

...В Нефтеюганске бабочек крапивниц я фотографировал раньше в частном секторе, но и там сейчас подходящая растительность для крапивниц почти вся уничтожена новой застройкой.

Иногда встречаю этих бабочек на опушках пойменных островов; чаще же попадаются нежно-полосатые чёрно-белые боярышницы. На болотном багульнике, на цветущих одуванчиках, иван-чае в июне-июле фотографировал я этих неприхотливых и небоязливых северных представителей чешуекрылых и даже снимал их при спаривании. Думаю, что без наших нарядных боярышниц природа Среднего Приобья многое бы потеряла в своей Красоте!..

Летающий цветок голубянка

...На Севере весна прекрасна не только своими растительными первоцветами, но и первыми апрельскими-майскими бабочками, мотыльками, жуками, просыпающимися вместе с лучами горячего солнца от зимней спячки!

Холода, северные ветра, ледяные дожди могут, конечно, отодвинуть сроки вылета насекомых, как это и случилось нынче... И всё же, уже на стыке мая и июня, я встретил немало «мотыльков», беспрерывно порхающих в воздухе. Особенно меня увлекло небесно-голубое создание, которое напоминало маленький весенний цветок, поднявшийся в воздух и совершавший необычные пируэты перед моими глазами.

Сфотографировать самца бабочки голубянки во всей красе его обновлённого наряда и лёгкого, невесомого, порхающего полёта мне не удалось. Только на берегу Девкиной протоки бабочка, сложив крылышки, ненадолго присела на соломенный полог прошлогодней травы... Тут и я быстренько прилёг рядышком, прицеливаясь на неё видеокамерой зеркала.

Особой красоты голубянки при сложенных крылышках, конечно, не получилось, но как мгновенный срез интересного фенологического и природного явления этот снимок-документ для моего фотоблокнота оказался бесценным!..

На открытом солнцу берегу протоки Сырой Аган я минут десять наблюдал за «танцем» двух весенних бабочек, похожих на мелких мотыльков коричневато-серой окраски. Они без устали порхали в синхронном полёте друг за дружкой возле цветущих кустов тальника. Наверное, это был брачный танец!..

Голубянка весенняя меньше голубянки Аргуса и даже карликовой. И наверняка в этом неустанном мельтешении находилась парочка голубянок весенних, пировавших на жёлтых медовых барашках верб, а затем так забавно «танцевавших» в ещё прохладном воздухе.

Устав ждать их посадки на ивовые цветки, иду дальше. И на лесной дороге опять увидел яркий летающий цветок голубянки, крылышки которой сверкали и переливались

на солнце. Это была прямо-таки миниатюрная «колибри», на мгновение прикасавшаяся своими тонкими усиками то к ветке брусничника, то к зелёной травинке, то к верхушке багульникова куста, даже ещё и не думавшего набухать своим пахучим белым цветом-дурманом.

Почти бесплотное воздушное создание вроде бы и искало себе пропитания, а вроде бы и свободно обходилось без него, находя радость только в этом неровном порхающем весеннем полёте!..

Всё начало лета голубянки вместе с бабочками белянками, боярышницами, павлиньим глазом, крапивницами, траурницами заметно украшают весь наш северный пейзаж, соперничая в окраске и форме крыльев с первоцветами и с другими, уже летними цветами...

У нас, в Среднем Приобье и в ХМАО-ЮГРЕ, помимо крапивниц, белянок, летом можно полюбоваться ещё десятком-другим дневных бабочек. Это и зорька, и махаон, и брюквенница, и лимонница, и торфяная желтушка, и большая лесная перламутровка, и голубянки: Икар, торфяная, бобовая... Живут они всего 2-3 недели, питаюсь нектаром, соком растений, а то и вообще не питаюсь. А вот в России, близ Ярославля, можно увидеть и *Vanessa atalanta* – прекрасную бабочку адмирал, которая на зиму улетает прямо в Африку (мигрирует в полном одиночестве).

И всё же самой красивой бабочкой на Земле считается монарх! Размах крыльев этой (тоже перелётной) бабочки – около десяти сантиметров; и окрашены они в шоколадный цвет, который чётко обведён чёрными полосками. Снизу крылышки имеют светлый оттенок, который плавно переходит в ярко-белый цвет. На чёрных полосках, являющихся как бы границами цветов, также есть белые пятнышки. Цвет бабочки монарха видоизменяется на солнце. Всё вместе это делает двукрылую летунью маленькой сказочной феей.

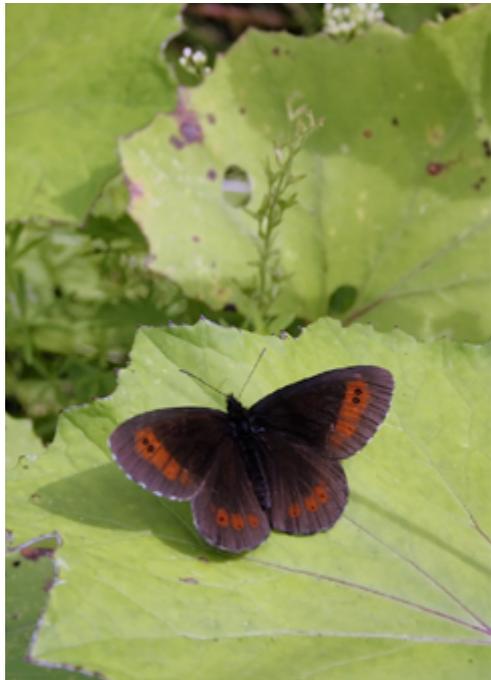
...Смею утверждать: моя весенняя голубянка не менее привлекательна, чем знаменитые «звёзды» царства бабочек!

Кто это станет оспаривать? И как же нужны нам, землянам, профессии учёных – орнитологов, энтомологов и многие-многие другие!.. Ведь надо посвятить всю жизнь изучению тех же насекомых, чтобы хоть что-то новое вывести у них!!!

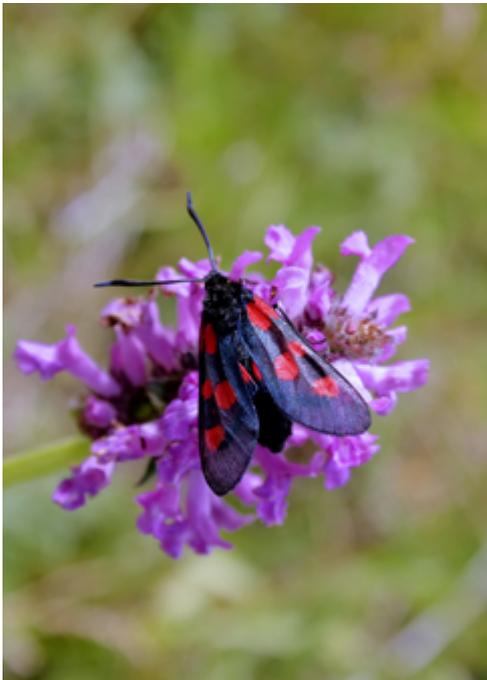
Вот мои любимые весенние эфемеры – бабочки голубянки – живут неделю-другую. В июле же их редко увидишь... Почти не питаются ранней весной, потому что есть-то и нечего! Зато, какая неземная красота выплёскивается на суровую северную землю с появлением и порханием этих небесных созданий!..

Я не знаю, куда они в эту раннюю пору откладывают свои яички (цветут только мать-и-мачеха и калужница); где зимуют их личинки, как появляются куколки наших голубянок.

Знаю точно одно: за миллионы лет эволюции все бабочки мира нашли всё же свою биологическую нишу в Природе. И моя любимая голубянка тоже!

Бабочка чернушка, июль 2009 г.

Пестрянка луговая, июль 2009 г.

Украшение луга (крапивница)

Самка голубянки весенней

Стрекозы над водой

Стрекоза прилетела в гости

...II стрекозы над водой!

1

...Четырёхкрылое это насекомое – самый-самый июльский хищник!

Только в полуденный зной светлой и радостной «макушки лета» над водой и в прибрежной растительности большие тёмные стрекозы чувствуют себя на верху блаженства! «Живые аэропланы» вездесущи... Они взлетают на верхушки сосен, на берёзы и тальники и красуются там, трепеща на ветру прозрачными крылышками. Однако истребитель гнуса может в любой момент спикировать вниз, чтобы поживиться приглянувшейся ему мухой или комаром-долгоносом. Огромные глаза стрекозы удивительно всё видят, всё замечают вокруг!

Я лежал в высокой траве на берегу протоки Сырой Аган. Несмотря на «Дэту», которой я густо намазался, слепни, комарьё и мошкара жужжащим и гундосящим облаком вились вокруг меня.

Только что прямо надо мною пролетели с громкими криками три больших чёрных вороны; минуту назад они же то ли сварливо ссорились, то ли играли слева за стеною молодого тальника. Там в песчано-глинистое тело Оленьего острова вдавался длинный узкий залив-«язык» и прямо на берегу росло несколько высоких стройных сосен. Между ними, видимо, и крутились в воздухе птицы, там и возникла их весёлая потасовка. Я почти никогда не слышал такого суматошного шума и гама дерущихся воронов, разносившегося на сотни метров окрест. И кричали, галдели птицы явно во всю силу своих сильных глоток! Возможно, они не поделили добычу; но скорее всего эти обитатели тайги просто радовались жизни, горячему солнцу, голубому просторному небу, по которому с юго-востока наплывали небольшие кучевые облака.

Избыток энергии у певчих птиц (а чёрные вороны и серые вороны тоже своеобразные исполнители!) всегда выливается в песню, крики... Но вот моё присутствие, кажется, привлекло внимание дроздов рябинников, и один из них с

характерным трещанием направился в сторону поймы, из которой уже уходила в Обь тёплая, прогретая на солнце вода...

А вот на тонкой веточке соседнего ивового куста что-то своё задушевное исполняет болотный сверчок. Маленькая серая птичка беспокойно вертится на сучке, раскрывает клювик и издаёт негромкую сверчковую мелодию. Её вдруг перебивают близкие крики дятла и кедровки, кем-то потревоженных...

Часа полтора назад, выйдя на трассу ЛЭП-500, я спугнул пару желн – чёрных дятлов. Крупные, отливающие антрацитом, птицы с резкими недовольными криками низко взлетели из густой травы и исчезли в соседнем березняке-осиннике. Что они делали тут, среди кустарника? Кормились насекомыми или добывали жирных личинок из трухлявых пней и колод? Свежие развороченные, разбросанные останки сгнивших деревьев, перевёрнутые и отодвинутые в сторону замшелые стволы видел я в нынешнем июне и по краям трассы, и в глубине островной тайги. Здесь явно хозяйничал Михайло Иванович! А желны подбирали что ли остатки с барского стола?

Впрочем, силы в мощных клювах моих желн достаточно, чтобы «раздеть» догола торчащий в небо ствол-обрубок давно умершей сосны или осины, продолбить в её желтовато-белом нутре большое дупло или широкую расщелину!..

Но берега Сырого Агана и его заливчиков-языков – ещё и самое гадючье место в ближайшей округе! Не раз находил здесь сброшенные змеиные шкурки – и, судя по их размерам, гадюки были немалыми. Змея сбрасывает дважды в год свою старую изношенную кожу: ранней весной и осенью. И странно бывает видеть среди острых зелёных стрелок молодой майской травы это змеиное подобие: разинутую пасть, пустые глазницы... Вот эта высохшая лёгкая шкурка зацепилась за острый сучок и поэтому её не сдуло ветром в ближайшее болото...

По обоим берегам Сырого Агана и в прилегающих верховых болотах пока во множестве водятся наши северные гадюки...

Девятого июля с. г. я осматривал свои заветные грибные места по листовным лесополосам вдоль ЛЭП-500! И чуть

не наступил на гадюку, чёрной верёвкой лежавшую в траве неподалёку от залива-«языка» протоки Сырой Аган. Гадина, однако, быстро уползла от меня, резво извиваясь гибким телом среди валежника и осоки!

А в прошлом году, в сентябре, на предпоследней остановке дачного автобуса «Нефтеюганск – Олений остров» я встретил молодого ханты с лайкой: он всем прохожим показывал прозрачную пластиковую бутылку, внутри которой лежала небольшая мёртвая гадючка.

– Пёс вот заметил, облаял змею, – простодушно объяснял ханты, ездивший в тот день за клюквой, – она шипела на собаку, чуть не укусила её... А я взял палку и убил...

По словам ханты, змею он вёз домой, чтобы сварить из неё... суп!

Надо ли удивляться тысячелетней мудрости и опыту коренных народов, выживавших в самых смертельных обстоятельствах!

2

... Часа три я лежал на травянистом пологом берегу июльской поймы Сырого Агана. Загорал, купался, любовался цветами и бабочками, стрекозами...

В тени тальниковых кустов ещё цвели золотистые лютики и калужницы, нарядные ветреницы вильчатые с крупными белоснежными лепестками; в прогалах солнечного света белели россыпи какого-то цветочного «ситца», ярко-голубыми «хвостиками» набирала цвет вероника длиннолистная и всю красовались северные орхидеи – нежный сиренево-розовый пальчатокоренник пёстрый. Июльские травы не спускались ниже полосы прибойного мусора и соломы, обозначившей границу нынешнего весеннего паводка. Полоса была похожа на тропу и мягко пружинила под моими ногами. Вода от этой полосы ушла уже метров на пять-шесть – и на влажной почве буйно зеленели осоки, прибрежные травы...

Увы, не было видно нынче и в помине золотистой каймы жерушника земноводного; а несколько лет назад я подолгу любовался здесь прекрасной картиной июльской природы – лазурной гладью воды и множеством гряд-полос

цветущего жерушника на мелководье, у берегов хорошо прогретого сора.. Отдельные куртинки растения плавали и на глубине протоки, опуская вниз толстые осклизлые стебли, заканчивающиеся невидимыми корнями в иле. Зелёные листочки-паруса жерушника жадно впитывали солнечный свет, стебли закачивали воду и воздух, а корни подавали из земли питательные и минеральные вещества к листьям и мелким золотистым цветкам околводного и водного растения (есть ещё и жерушник болотный). Всё это было отличной «фабрикой» по производству кислорода и утилизации из атмосферы углекислого газа!

Конечно, жерушнику земноводному, а также и горцу земноводному всегда нужны благоприятные условия для роста, цветения и размножения! То есть довольно длительное тепло и долго не высыхающий сор! Если он хотя бы до 20-25 июля заполнен водой, растение успешно отцветёт! И даже ушедшая в Обь вода не унесёт его длинные плети, на концах которых образовались мелкие белесые семена. Впрочем, на Девкиной протоке я встречал эти, ещё цветущие, плети жерушника плывущими по течению! Наверняка их где-то прибывало к берегу – и жерушник получал для себя новое местообитание!

Года два назад, когда сильный паводок затопил и часть трассы ЛЭП-500, я с час или два любовался, фотографировал и... плавал рядом с розовыми «початками» горца земноводного! На листья, стебли и цветы его садились голубые стрекозы-стрелки... Было уже начало августа, но стоял солнечный жаркий полдень – южный антициклон пригнал на север тепло из среднеазиатских степей и пустынь.

А жерушник земноводный мне удалось сфотографировать годом раньше, когда я специально пришёл на сор с одноместной резиновой лодкой...

Тогда, помнится, я весь день провёл у воды, наслаждаясь её прохладой, свежестью и лаской!.. Снова купался, загорал...

Северные «курорты» мне очень по душе: не было вокруг ни единой души вплоть до автомагистрали «Тюмень – Сургут»; и только речная крачка деловито пронеслась над протокой, пикируя на мальков плотвы и окуня... Млели в этой первозданной тишине сочные приобские травы и цветы, неумолчно жужжали все те шмели и осы, маленькими «пулями» и «сна-

рядами» пронеслись, задевая моё разгорячённое обнажённое тело, пауты и слепни. Однако и им было лень нападать на жертву в этот тягучий безветренный зной и сушь...

Уже лет десять я регулярно посещаю – и именно в жарком июле – здешние места, славящиеся и своими грибами! В иной год в прибрежных березняках-осинниках первые грибы красноголовики появляются в последней декаде июня. И спустя восемь-десять дней они превращаются в большие червивые красные головы, которые остаётся в досаде только пнуть ногой. Однако один раз, помню, на этой же возвышенности (северо-восточная оконечность Оленьего острова) среди молодых осин и берёзок я набрал первого июля полное ведёрко отборных молоденьких красноголовиков! Упругие и твёрдые грибочки прямо-таки лезли из земли после обильных июньских дождей! Сросшаяся с короткой толстой ножкой шляпка – вот и весь юный подосиновик: свежий, сочно-белый внутри, без малейшей червоточины!..

Есть, конечно, и неудачи в этой «тихой охоте»: прошлогодняя и нынешняя засуха отрицательно повлияли на урожайность моего давнишнего «грибного огорода». И девятого июля с. г. я отыскал среди редкой травы и мха всего лишь полдюжины небольших красноголовиков, да и то многие были с червивыми ножками и шляпками. Переспевшие обабки грузно клонили свои серые шляпы к веточкам брусничника и черничника. На краю просеки один подберёзовичек от нынешней сумасшедшей июльской жары превратился в мумию, попросту засох на корню.

...И всё-таки на небольшую жарёху я молодых грибов набрал в тот день! А на дачных автобусах подосиновики и подберёзовики наши грибники откуда-то везли целыми ведёрками!

3

Тёплый юго-восточный ветер дул и дул, нежно лаская мою загорелую кожу. В воду этого мелкого сора я уходил по колени, потом по пояс – и громко бултыхался, поднимая сверкающие брызги! Плавать по-настоящему здесь было невозможно: если только где-то в русле самой протоки, до которого отсюда было не менее полутора – двух сотен метров.

По краю сора, в жирном иле, росли какие-то низкие не-приметные водные растения, на которые то и дело садились ярко-голубые стрекозы – стрелки и мои темноватые «живые аэропланы» с двумя парами прозрачных и уже изодранных по краям крылышек (это я рассмотрел потом дома, увеличивая на экране монитора цифровые снимки). Снять «портрет» крупной стрекозы мне долго не удавалось, как и бабочек-боярышниц, крупными белыми цветками мелькавшими над цветами, в зелёной траве.

Я решил лечь и ждать, пока какая-нибудь стрекоза или бабочка сама не прилетит ко мне в гости. Тем более что рой мелкого гнуса по-прежнему вился надо мною – готовая «столовая» для любой хищницы-стрекозы!

И минут через пятнадцать одна из крупных стрекоз явно проявила ко мне немалое внимание: она то быстро кружила вблизи меня, то на мгновение зависала над тальниковой веткой, то приседала на сочные стебли высокой травы, росшей в полуметре от меня... Вот стрекоза уселась как раз на ближайший стебель и замерла посреди него, даже не шевеля крылышками. Она будто приглашала: «Ну, снимай скорее же меня, а то улечу!..».

Осторожно одной рукой отодвигаю мешающие осоковые листья, а другой подношу к глазу окуляр лёгкой камеры... Вот красавица-стрекоза занимает почти всю площадь видоискателя! Щелчок, ещё щелчок затвора!.. Ура, стрекозиный «портрет» получился, удался на славу!.. Насекомое вышло очень резко, чётко, на живописном фоне зелёных стеблей и голубеющей дальше воды сора и протоки...

Снять же крупным планом мельтешащих тут и там бабочек-боярышниц так и не удалось... Лёжа на траве, я лишь любовался проплывающими высоко надо мной «белыми корабликами»: расправив нежные белоснежные с тёмными жилками крылышки-паруса, мои шалуны как ни в чём ни бывало плыли в небесах, в воздушных струях, на запад, в сторону обмелевшего заливычка и осинового рожицы на его противоположном берегу. Там бабочки снижались и низко над водой летели к моей стоянке, садились на нежно-голубые цветы вероники и пили из них сладкий нектар...

Весь жаркий полдень длилась эта необычная феерия бабочек-воздухоплавательниц!

Короткая летняя жизнь здешних насекомых была для меня как бы загадочным сном, мгновением вечности! Через месяц-полтора от нынешней красоты и пира жизни маленьких существ почти ничего не останется. Вода из сора уйдет до следующей весны и лета, вся пойма Сырого Агана станет какой-то серо-зелёной, пыльной, безжизненной... Ни человека, ни птиц, ни насекомых! Сухая осока, высокие кочки по всей низине высохшего сора, сохранившие ещё между собой живительную влагу...

Обмелевшая вода основных рукавов протоки Сырой Аган, песчаные отмели и дюны на месте гулко плескавших майских и июньских волн; и собирающиеся в отлёт чирки и кряквы, напоследок кормящиеся у этих отмелей... Жирный ил, разлагающиеся чёрные водоросли, увядшее и увядающее цветение последних северных трав...

От силы два тёплых месяца длится в Среднем Приобье красочная летняя феерия жизни! Всего семь-восемь недель из 52-х целого календарного года!.. Но и этого короткого времени растениям, птицам, животным хватает, чтобы дать плоды, потомство...

В нынешнем июне судьба подарила мне много прекрасных встреч в дикой природе. И с утками, и с куликами, и с речными крачками, и даже с лебедями! В жаркий июньский день Святой Троицы я шёл по песчаной кустовой (старой нефтяной) дороге, отворачивающей направо от «федералки». Шёл мимо зеленеющих ожерелий берегов карасиных озёр-карьеров, мимо полноводной протоки с рыбаками у воды...

Разрезанный автомагистралью Тюмень-Сургут Сырой Аган продолжался здесь, уже в пойме другой водной системы – Юганской Оби! Она, пойма, вся цвела золотом калужниц!..

Слева от пустынной кустовой дороги крупные водоёмы сменялись на всё более мелкие, торфянистые, в изобилии покрытые у берегов сочными ярко-зелёными листьями белокрыльника... Множество высоких кочек-тумб виднелось на мелководьях... И вдруг из-за них взметнулись два... белых полотнища! Два огромных красавца-лебедя бесшумно снялись

с этого уединённого озера и тяжело, но плавно пересекли перед моим изумлённым взором полотно дороги. Всё было так неожиданно, что я не успел навести на птиц свой фотоаппарат! Зрелище и впрямь было редкое!..

Раньше я видел лебедей-кликунов издали – на Девкиной протоке, на водоёмах возле острова Пим. Здесь же меня очень удивил этот двухметровый размах лебединых крыльев, красиво и величественно перенёсших птиц мимо меня в другое более безопасное место!..

2006 г.

Живи, обская жаба!

...Конец мая. Полночь... Я лежу в ватной телогрейке на пологом берегу Девкиной протоки. Рядом то разгорается, то замирает маленький костерок, пуская в светло-сумеречное небо сизоватую струйку дыма. Тихо. Даже весенние певчие птички заснули до рассвета в густой чаще леса. Лишь вода в протоке чуть-чуть поплёскивает, огибая большую чёрную корягу.

Скоро начнётся утренний клёв рыбы. У меня уже всё приготовлено к рыбалке: полсотни жирных дождевых червей в старой жестяной банке, пара лёгких поплавочных удочек, закопчённый котелок для ухи.

Становится зябко. Пламя в костерке совсем спряталось под остывающими углями. Пора подбросить в огонь сухих еловых веток, нарубленных мною ещё с вечера с громадных буреломных стволов деревьев, вывернутых с корнями и землёй неподалёку от берега протоки.

И только-только собираюсь встать, как чувствую, что по правой моей ноге медленно движется что-то живое. Это от воды, видимо, прискакала серая жаба. И она, кажется, приняла меня за поваленную корягу и сейчас пытается отсюда охотиться за комарами, беззвучно разевая свою широкую пасть.

Минут десять лежу, не шевелясь; лишь чуть приподнимаю голову с рюкзака в изголовье, чтобы лучше рассмотреть бесхвостое неуклюжее земноводное, чья активная

деятельность начинается в вечерних сумерках и ночью (днём жабу увидишь редко). Жабе явно понравилась моя нога! И она не собирается с неё спрыгивать в мокрую траву и прибрежные мхи, напитанные влагой. Конечно, полупрозрачная ночная мгла (скоро белые ночи!) несколько мешает мне рассмотреть этого редкого представителя фауны нашего округа. Зато как здорово почувствовать себя «нужным» хоть кому-то в этой чуть тоскливой заброшенности и удалённости от мира!

Я словно чувствую приятные слабые токи родственной жабьей души, тоже по-своему стремящейся к теплу, нежности, любви!

В прежние вёсны я уже встречал обыкновенных, или серых, жаб на заброшенной лесной дороге возле протоки Сырой Аган. Это было всегда сразу после таяния снега и освобождения ото льда местных водоёмов. Однажды утром наткнулся на здоровенную бугристую, бородавчатую, серо-буроватую жабу, неподвижно сидевшую в луже, по краям покрывшейся тонким синеватым ледком от ночного заморозка. Животное, наверное, было ещё в каком-то анабиозе от холода и никак не реагировало на мои прикосновения, на щёлканье затвора фотоаппарата. Лишь широкая горизонтальная щель зрачка чуть более приоткрывалась... Так и оставил я жабу сидящей в луже...

Как-то в середине мая ранним утром я шагал по лесной дороге, начинающейся от протоки Сырой Аган и тянущейся до ЛЭП-500 и далее по верховому болоту к Девкиной протоке. Это обычный мой маршрут натуралиста-любителя, начало как бы «заповедной» тропы.

Стараюсь всё замечать и всё фиксировать в свой походный дневник и в фото-записную книжку: кучки зимнего тетеревиного помёта, заячьи «катышки», следы пребывания рыжей лисы (встретилось прямо на моей тропе несколько беловатых лисьих фекалий-колбасок с явно видимыми волосками-шерстинками); а это поработал мощный вихрь – поперёк лесной дороги поломанные молодые сосенки, берёзки, ивы. Березняк чуть в стороне весь перекручен, погнут, тальниковые стволы изувечены, ободраны, ощерились розовой щепой.

Через лесную дорогу с громким криком перелетают дрозды рябинники, в глубине бора пробарабанил по сухому суку чёрный дятел желна; по ветвям деревьев снуют какие-то малые певчие птицы (узнаю только вьюрка, близкого родственника зяблика).

А вот и шмель на обочине тропы, у кустиков брусники и багульника ищет будущую норку-гнездо. В воздухе вьются и тонко попискивают первые тощие комары, мухи; на солнцепёке уже порхают белые и жёлтые бабочки и мотыльки.

Да, почти тридцатиградусная жара середины мая не только выгнала из почек клейкие берёзовые листочки, но и пробудила к жизни многих насекомых! А это было хорошо и для птиц, и для серых жаб!

Первую одинокую жабу вижу на серой палой листве посередине лесной дороги (рядом – протока Сырой Аган и ЛЭП-500). Как и всегда весной, она малоподвижна, а вернее – совсем неподвижна. Могу наконец-то запросто рассмотреть во всех подробностях мою таёжную гостью. У неё явно неуклюжее, тяжёлого сложения, массивное широкое тело, широкая же утолщённая голова и относительно короткие толстые задние ноги. Вся жабья кожа – бугристая, бородавчатая, серо-буроватая и более сухая, чем у лягушек.

Позади глаз – крупные околоушные ядовитые железы; множество их, более мелких, раскидано по всей спине. Из биологической литературы знаю: у российских жаб выделения их желез безопасны для человека. И противные бородавки у вас не вырастут на руках после прикосновения к страшноватым и отвратительным на первый взгляд земноводным. Поэтому слегка глажу мою жабу по спине кончиками пальцев. Она даже не делает попытки куда-то ускакать, лишь неотрывно, не моргая, смотрит на меня своими большими глазами, где зрачки – в виде чёрной горизонтальной щели.

Длина жабы не более 8-10 сантиметров (вечером, возвращаясь к автобусу этой же лесной дорогой, встретил примерно на том же месте уже трёх лениво перепрыгивающих препятствия жаб размером меньше первой, утренней). Зубов у жабы нет: насекомых она ловит, выбрасывая вперёд длинный липкий язык. И перепонки на задних лапах отсутствуют, почему жаба и плохо плавает. Впрочем, и на суше она непо-

воротлива и неуклюжа, с трудом делает небольшие скачки.

Зато в случае опасности моя жаба может раздуться почти вдвое! Это, а также множество ядовитых желёз защищают земноводных от хищников. Да и серо-буроватая покровительственная окраска жабы тому же служит – не быть кем-то съеденной!

Но я не цапля. Во мне просто зажглась исследовательская искорка!

Да, это передо мной сейчас самая доподлинная представительница семейства настоящих жаб, распространённых и в Северо-Западной Африке, и в Европе, и на Кавказе, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Отмечу, что это самое крупное земноводное, обитающее на территории России, длина её тела достигает 20 см.

Кончиком ветки переворачиваю жабу: и снизу её окраска грязно-белого, чуть желтоватого оттенка. Само животное, конечно, не в силах перевернуться обратно, со спины на живот, поэтому делаю это своим прутиком. Но жаба опять, как и прежде, безмолвна и неподвижна, притворяясь, очевидно, падалью (и это тоже приём самозащиты многих обитателей дикой природы).

Мысленно представляю мою жабу в степи, в горах, куда она поднимается до трёх-четырёх тысяч метров над уровнем моря. Да, и там она вовсе не лишняя, а своя, родная, занимающая только ей одной присущую особую экологическую нишу. Незаменимое звено в бесконечной цепи природных форм!

Даже в культурном ландшафте – в садах, огородах, среди городских построек – она, серая жаба, никем невосполнима.

По образу жизни серая жаба сходна с зелёной жабой, но представляет собой вид, распространённый в более северных регионах. При повышении температуры её мышцы быстрее теряют возбудимость, чем мускулатура зелёной жабы. Она позднее последней залегает в спячку, а весной она просыпается, когда почва на глубине 20 см прогревается до 7-10 градусов по Цельсию. И серая жаба менее плодовита, чем зелёная (держится в водоёме 6-8 дней).

И серая, и зелёная, и камышовая жабы (последняя обитает в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, но встречается там редко, строго охраняется) заселили и леса, и степи, и

пустыни, и горы всех основных земных материков! У крупных южно-американских жаб ага кожные железы ядовиты и для животных, и для человека. И все эти божественные создания – ловкие и беспощадные истребители насекомых, многих вредителей сельского хозяйства!

Но... пять видов бесхвостых амфибий уже сами нуждаются в защите и занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы.

Что ж, даже такой огромный жабий род начинает страдать от бездумного воздействия человека! Гибнут земноводные под колёсами автомобилей, от ядохимикатов, от вредных выбросов промышленности, в том числе нефтяной. А кое-где – в Австралии, на Мадагаскаре – жабы были просто интродуцированы в природу человеком (жаба-ага).

...Жаба серая, жаба зелёная, жаба камышовая, жаба-рококо, жаба американская, жаба шлемоголовая, жаба-ага, жаба чёрнорубцовая, жаба южная, жаба полосатая и многие-многие другие жабы составляют на планете Земля её настоящее биологическое сокровище!!! Очень жаль будет его потерять!

Но, к счастью, всех жаб можно успешно разводить в простых горизонтальных террариумах, оборудованных просторной поилкой-купалкой и хорошей вентиляцией (некоторые экзотические виды требуют особых условий, в том числе температурных). Мелкие жабы питаются здесь насекомыми, а крупные с удовольствием поедают новорождённых, иногда и подрощенных мышат.

Что касается нашей знакомой – серой, или обыкновенной жабы, обитающей в ХМАО-ЮГРА, то это – редкий вид фауны региона, и он повсеместно подлежит строгой охране! Не топчите ногами, не убивайте лопатами, палками, камнями этих полезных и милых земноводных! Они – наши друзья!

2007 г.

Любовь моя... Вероника

...Изящное, красивое, грациозное, голубоглазое, синий хвостик – много разных эпитетов я даю этому прекрасному цветку – веронике длиннолистной!

Когда в июле-августе встречаю её на лугах обской поймы, на опушках лесных пойменных островов, всегда на сердце становится радостно и тепло, точно и впрямь повстречал... любимую! Ведь и в растительном и животном царствах у нас есть родственные души, которые особенно милы и дороги, о которых никогда не забываешь!

Цветение вероники длиннолистной – всегда для меня праздник! Жду его долгих одиннадцать месяцев... И когда, наконец, попадаю в полном одиночестве на разноцветный ковёр июльского луга или лесной поляны, долго молча стою перед этим чудом природы, любуясь тонкими формами, красками и запахами любимого растения. Оно не похоже ни какие другие, оно особенное и неповторимое!..

Чёрно-белый газетный лист не передаёт и доли очарования вероники, чьи изящные длинные и сужающиеся к концу «мышинным» хвостиком, голубые и синие, соцветия заметны издали среди зелёной осоки или каких-то скромных лесных трав и цветов. Их (цветы вероники) просто нельзя не заметить, нельзя пройти равнодушно мимо них. Они – как чистые голубые глаза твоей суженой, как драгоценные сапфиры в зелёной оправе летних трав!..

Я не считал, но учёные-биологи утверждают, что на одном растении вероники длиннолистной развивается... свыше 450 цветков! Ведь соцветия в виде верхушечной кисти, расположенной на главном стебле, имеют длину до 25 сантиметров, боковые – короче... У каждого – венчик сине-фиолетового цвета. Две тычинки полностью выходят из трубки венчика, а нектарники находятся в основании завязи.

Прямостоячий, гладкий, простой или кверху ветвистый стебель вероники вырастает иногда до метра-полутора в высоту. Правда, почти всегда он немного склоняется от дождей и ветров, но не падает на землю, не ломается, не вымывается из почвы благодаря длинным корневищам.

Вероника длиннолистная принадлежит к семейству норичниковых. В более южных регионах цветёт всё лето, отлично посещается пчёлами для сбора нектара и липкой жёлтой пыльцы. Мёдопродуктивность при сплошном произрастании может достигать свыше ста килограммов с гектара!

Европейская часть России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Япония – везде можно встретить этот удивительный цветок, взбирающийся даже на субальпийские луга в горах.

Вероника пригодна для разведения на садовых участках как интересное декоративное неприхотливое растение. Размножается она вегетативным способом и семенами. Введена в культуру аж с 1731 года!.. И теперь в Европе известны многие сорта вероники длиннолистной с крупными соцветиями: «Блауризин» («Форесте Блю»), «Лиля Карина», «Блю Джайнт», «Шнееризин», «Сноу Квин». Цветки – от ярко голубых через бледно-голубые, нежно-голубые до белых...

На планете много разных видов вероник – седая, дубравная, широколистная, лекарственная, поручейная, австрийская, армянская, большая, ветвистая, горечавковая, виргинская, деревянистая, колосовая, нитевидная, нитеносная, ползучая, щербнистая, Шмидта и другие. И все вероники светолюбивы, хотя и малотребовательны к условиям существования. В культуре – это обычная садовая земля, в которую (для вероники колосовой и щербнистой) в почву добавляют щебень. Укрытия на зиму не требуется.

Культурные сорта вероник обычно используют для создания самых разнообразных каменистых садов, подпорных стенок, бордюров, миксбордеров и др. Многие виды являются хорошими почвопокровными растениями, так как образуют плотные дерновинки.

Веронику горечавковую высаживают совместно с различными примулами, гравилатом, колокольчиками. Вероника колосовая и щербнистая отлично сочетаются с камнеломками, очитками, гвоздиками, геранью далматской. Веронику большую высаживают рядом с венечником, белым нивяником, розовато-сиреневой буквицей, колокольчиком персиколистным, красно-оранжевым гравилатом.

Надо сказать, что многие австралийские и новозеландские вероники представляют собой... вечнозелёные кустарники и деревья с мелкими белыми, синими, голубыми или розовыми цветками!

Грудная трава – вероника длиннолистная – обладает многими ценными целебными свойствами (в прошлом настой вероники даже широко употребляли при укусах ядовитых змей и бешеных животных). Народная медицина издавна применяла настои и отвар вероник. Измельчённые листья прикладывают к гнойным ранам для скорейшего заживления.

А «грудной травой» веронику длиннолистную называли, прежде всего, из-за её способности вылечивать головную боль и болезни горла.

... По-моему, обаяние и красота даже дикого этого растения непередаваемы словами! Я же вообще люблю только дикие (лесные, луговые и полевые) цветы! И среди них моя вероника – любовь особая, трепетная, бескорыстная! Прекрасное и полезное сошлись в этом цветке самым гармоничным способом!..

В своих лесных путешествиях не рву без нужды голубоглазку!

Как я уже говорил, принадлежит она к семейству норичниковых. И это семейство двудольных травянистых растений включает в себя в нашем Ханты-Мансийском автономном округе около 20 видов из десяти родов. И большинство – луговые растения!

Кроме вероники длиннолистной, здесь произрастают: очанка, погребок, мытник Каро, льнянка обыкновенная, зубчатка обыкновенная, лужница водяная, вероника колосистая, мытник компактный, лаготис уральский, марьянник луговой и др.

Среди этих растений отмечены два реликта: вероника колосистая (растёт в заповеднике «Малая Сосьва») и мытник компактный – редкий представитель уральских растений!

Зелёный кладёзь Сибири

...Мы заночевали в уральской тайге, в маленькой охотничьей избушке.

Не спалось... Я оделся потеплее и вышел наружу. Огромная луна только что торжественно выплыла из-за заиндевелых вершин высоких елей, берёз и осин и безмолвно повисла над лесом, осветив всё окрест безжизненным матовым светом. Её промёрзший серебряный диск был похож на диковинную новогоднюю игрушку, повешенную в Космосе самим Всевышним, и смотрел на нас немигающим и зорким зрачком...

Тощие, бесплотные тени от ночных кустиков и деревьев легли на глубокий, девственно чистый январский снег, которого здесь в эту самую глухую пору лютой коренной зимы было, казалось, несметное количество: бездонные сугробы и сугробы пологими белыми валами-волнами вздымались под моими широкими охотничьими лыжами...

Мириады мельчайших ледяных кристалликов остро посверкивали на их гребнях! Но очень холоден и мёртв был этот полуночный блеск, усиливаемый тридцатиградусным морозцем!..

Под утро я ещё раз вышел из избушки, чтобы принести дров для остывшей железной печки. А заодно и нарвать плодов шиповника, ягод черёмухи и калины для заварки. Захотелось кинуть в котелок с кипящей водой и веточек малины, брусники. Последнюю пришлось откапывать из-под снега...

Целые заросли зелёного брусничника росли по краю соснового бора. Нарвать его оказалось делом нехитрым... А чтобы ещё больше согреться, решаю прокопать дорожку к старому остожью, виднеющемуся метрах в десяти от меня. Там высятся какие-то сухие былины... Ими оказался прошлогодний иван-чай, чьи семена-пуховики давно разнесло ветром...

Раскапываю старой фанерной лопатой очередной сугроб. Пар валит изо рта, оседает густым куржаком на полусубке... Но что это? Из-под снега показались какие-то тёмно-зелёные листья на коротких черешках, много листьев! Целая палестинка!..

– Неужели ортилия, боровая матка?! – вскрикиваю вслух, смутно припоминая из ботаники это растение.

– Да это же лесник Петрович, видимо, привёз траву с Алтая и рассадил возле всех зимовий!..

Конечно, это была она – материнка, боровушка, ортилия-рамишия! Целый сибирский (арктический) кладезь ценнейших целебных веществ!..

Быстро срываю несколько веточек и забрасываю снова снегом удивительную живую палестинку.

Вкус и аромат нашего походного чая были непревзойдёнными! Мои спутники, молодые туристы-биологи из Свердловска, остались довольны.

Много лет с той памятной встречи с необыкновенным растением прошумело, много воды утекло...

И ортилию однобокую, или рамишию, я никак не ожидал встретить в нашем болотно-озёрном и островном Среднем Приобье. Но...

В середине августа 2008 года я тщательно прочёсывал молодые осинники-березняки, выросшие на старых горельниках юго-восточной части Оленьего острова (недалеко от ЛЭП-500). Грибов было немного... Попадались большей частью сыроежки, волнушки, моховики, свинушки, мухоморы... Причём, рядом с последними иногда росли съедобные грибы – россыпи свинушек! Брал я в ведёрко только молоденькие, не червивые... Попалось и несколько обабков, которые смело взбирались и на горелые пни, и на поваленные обомшелые коряжины. Гриб этот тоже крайне неприхотлив, но не любит чрезмерной сырости или сухости почвы. Целые «хороводы» подберёзовиков встретились мне только по самому краю Оленьего острова, где уже просвечивала, сквозила обская пойма.

С трудом продравшись через берёзовый часток, решаю отдохнуть на небольшой лесной полянке. Полежав минут десять, по старой привычке приподнимаюсь:

– А нет ли здесь интересного кадра?

Увы, ничего! Вон только ближе к низинке виднеется большое тёмно-зелёное пятно, трава какая-то непонятная...

Встаю, подхожу вплотную. Ба! Среди мха-сфагнума, среди мелких коряжин растёт моя старая знакомая – ортилия однобокая, боровая матка!!! Она вся в своём вечно-зелёном пышном наряде: масса густых продолговатых листьев, по че-

тыре-пять сразу на полутора десятках невысоких черешков, плотно сбитых в общую куртину; а с правого края её высятся несколько прямых цветоножек, наполовину усеянных мелкими зеленоватыми венчиками. Похожи они на соцветия грушанки обыкновенной, но у той цветы ослепительно белые, как у ландыша.

Даже вблизи раскидистый куст ортилии очень похож на молодой ивовый подрост. Если бы не цветоножки с зелено-жёлтыми цветками, не отличить бы, пожалуй! Листочки сверху такие же гладкие, глянцевиные, жёсткие.

Когда маленький стебелёк ортилии по весне подымается к небу среди прошлогодних палых и пожухлых листьев, то все 5-6 ярко-зелёных листочков – сразу, изначально крупны, жизнестойки, не поддаются холодам, заморозкам. Ведь наша женская трава, боровая матка – истинно сибирячка и даже жительница суровой Арктики! Свои зелёные листья ортилия никогда не сбрасывает на зиму, они и выходят в апреле-мае из-под снега точь-в-точь такими же, что и летом, осенью. Материнка – ещё один наш красивый подснежник, сразу же пускающий по весне в рост стрелку-цветоножку.

Обычно ортилия-рамишия растёт по сосновым борам, в соседстве с ягелем – оленьим мхом. На нашем же деградирующем Оленьем острове в Нефтеюганском районе, где темнохвойные боры давно сгинули в пламени громадных лесных пожаров, почти нет сейчас ни сосен, ни кедров; остались вторичные производные древесные породы – берёза, осина, ива. И вот боровая матка всё же нашла тут себе уютное прибежище!

...Эта моя прошлогодняя ботаническая находка (первая за все 23 года пребывания на Севере!) не могла меня глубоко не заинтересовать.

Оказывается, в нашем округе ХМАО-ЮГРА распространены пять видов растений семейства грушанковых: собственно, сама грушанка, грушанка средняя, грушанка малая, ортилия однобокая и зимнелюбка зонтичная. Кстати, все грушанки зимуют с зелёными листьями, поэтому ранней весной, когда нет другого корма, служат пищей диким животным.

Ортилия однобокая, произрастающая в Ханты-Мансийском автономном округе, тоже очень любит сосновые, елово-кедровые и елово-пихтовые леса. Но, повторю, на Оленьем острове таковых по причине лесных пожаров почти не осталось! Не посеми ли и грушанку крупнолистную и грушанку среднюю я тоже здесь очень редко и очень мало встречаю?

2009 г.

Сады цветов: княжик сибирский

...На высоком берегу протоки Сырой Аган есть таинственное место, где пышными коврами цветут ядовитые растения – воронец красноплодный, вороний глаз и княжик сибирский.

Особенно много здесь последнего – небольшой кустарниковой лианы из семейства лютиковых (вскарabкивается по стволам молодых осин, берёз, ив и черёмух на высоту до трёх-четырёх метров!), примерно в середине июня поражающей наше воображение своими пышными белыми цветами, свисающими иногда поодиночке, иногда... целыми гирляндами.

Заросли дикого хмеля – это настоящие «сады цветов» в период наступающих белых ночей! По болотам в это время неудержимо цветут багульник, пушица; и это призрачное белое цветение снизу и сверху прямо-таки завораживает припоздавшего путника! Будто попал на иную, прекрасную, планету!..

Так ведь оно и есть! Земля наша в период июньского солнцеворота наряжается, становится как бы сама на себя не похожа! Но...неделя-другая – и сгинет вся лесная и болотная красота, опадут белые длинные лепестки сибирской лианы-листолаза, осыплются серым сором некогда пышные и нежные, но теперь увядшие соцветия болотного дурмана-багульника, поникнут «хлопковые» головы северной пушицы...

В светлом разреженном лиственном лесу на берегу Сырого Агана наша сибирская лиана нашла для себя благопри-

ятнейшее место! Почва здесь удобрена (после сильнейшего лесного пожара, случившегося лет 30 назад), богата минеральными веществами; слой гумуса создают догнивающие стволы погибших от огня деревьев...

Не случайно здесь так много разных трав, цветов, кустарников!..

Но приобской лиане они вовсе не помеха: дикий хмель по осени обзаводится крупными «шарами» – пуховками, полными летучих семян. Ветром они разносятся далеко окрест, но многие семена осыпаются на полянках тут же, засевая их молодыми побегами, которые на следующую весну появляются из земли в конце мая, начале июня. Длинные «усики» – черешки листьев растений – тут же начинают искать опору, крепко обвиваются несколькими колечками вокруг стеблей, сучьев, стволов и стволиков деревьев; а с годами расплзаются ввысь и вширь, обнимая живые ветви своих хозяев.

Конечно, я стал пристально наблюдать (с 27 мая) за тем, как оживает, зеленеет, а затем зацветает княжик сибирский на берегу протоки Сырой Аган. Вначале (когда весна ещё... неодетая) кажется, что сухие побеги дикого хмеля совершенно мертвы. Никакой жизни визуально в них не наблюдается...

Однако с удлинением светового дня и увеличивающимся потоком солнечной энергии происходит чудо: то в одном, то в другом месте многометрового разветвлённого сухого стебля лианы вдруг проклёвываются маленькие зелёные почки-ростки, раскрываются, распушаются нежными листочками и, наконец, в середине этой живой розетки начинает быстро расти одиночный белый цветок, свисающий вниз, как большой кокон (цветки княжика достигают 8 см в диаметре).

А далее всё зависит от погоды: если похолодает и пойдёт дождь, то цветение замедляется; если с юга подует знойный ветер, то плотно прижатые друг к другу длинные узкие лепестки цветка лианы легко расходятся, образуя раскрытый конус-раструб...

И часто этот сокровенный процесс происходит прямо на наших глазах: час-два назад свешивался ещё белый кокон, а теперь вот он стал раскрытой книзу... маленькой «граммофонной трубкой»!

Если поэтично, то «...княжик сибирский – это слёзы скупого северного солнца, которые высыпают жемчугом на лианах сибирской тайги!» Их надо бережно, умело и вовремя собрать!..

Вьющийся многолетник с берега Сырого Агана я пока никогда не трогал, не рвал его про запас: и впредь пусть растёт, пусть радуется наше сердце своей скромной красотой!..

...Она, эта красота и полезность дикой сибирской лианы, проявляется во всём! Представитель обширного и многообразного семейства лютиковых успешно используется для озеленения и украшения сибирских городов. Например, в Прибайкалье посадку княжика производят весной (стратифицированными семенами). К марту-апрелю высеянные в землю семена набухают, и большинство прорастает в мае-июле. Сеянцы рассаживают следующей весной... Княжик зацветает на третий год после посева...

Этот полукустарничек весьма пригоден и для декорирования невысоких оград, трельяжей, стен, террас, создания арок или для посадки небольшими группами (3-5 растений) среди зелёного газона. В последнем случае в центре группы растений вбивают кол высотой 2-2,5 метра, по которому вьются стебли, образуя как бы единый пышный куст.

Княжик сибирский малотребовательное декоративное растение, пригодное для вертикального озеленения, прекрасно зимующее! Но пока так мало он используется для украшения зданий, улиц, скверов наших городов (в Нефтеюганске я не видел ни одной вьющейся лианы).

Так что диким хмелем и в каждом СОК (садово-огородном кооперативе) юганцам можно целить свои и душу, и тело! Было бы, как говорится, желание!

...Моему другу – натуралисту и экологу А. Ф. Меркелю – в Германию я послал немало фотографий, на которых запечатлены моменты пробуждения и цветения княжика сибирского с крутого берега обской протоки Сырой Аган! Это как бы светлый привет ему от нашей суровой, но и щедрой природы Сибири, Среднего Приобья!

Летний праздник пушицы

...Каждый год в середине или конце июня на юганских болотах, на сырых лесных дорогах, по берегам торфяных озёр и просто среди обычных мелких луж неожиданно расстилаются белые свадебные ковры пушицы, скромного северного растения, замечаемого нами только в период его цветения и плодоношения. Пушистые «хлопковые» головки-пуховки травянистого многолетника – ничто иное, как многочисленные околоцветковые волоски, сильно удлинившиеся после цветения и образующие над колоском этакую снежно-белую красоту!

И на солнце, и в пасмурный день пушицевые заросли очень хороши: десятки, сотни высоких прямых тупотрёхгранных и ярко-зелёных стеблей, пронзающих коричневатую торфяную воду, гордо несут на верхушках свой оригинальный наряд, который долго не могут испортить ни холодный дождь, ни крепкий сиверко!

Ещё и в июле, а то и в августе видны на стеблях обрывки этих белых пуховок непритязательного и выносливого растения, широко распространённого по всему северному полушарию.

...Насчитывается около двадцати видов пушицы, принадлежащей к семейству осоковых (греческое название «*egipthos*» и означает «несущий пух»). Все они распространены в умеренных и холодных областях Европы, Азии и Северной Америки. И только один вид пушицы обитает в Южной Африке.

В России, на севере её Европейской части, в Сибири, на Дальнем Востоке, растут двенадцать видов. Встречается пушица и на Украине, в Белоруссии...

Обитает эта северянка в основном по сфагновым болотам, в тундре. И является важным торфообразователем: есть даже особые пушицевые торфяники!

В народе пушицу влагилищную зовут прострелом белым, котком и др.

В народной же медицине она тоже первый целитель: настой травы с плодами оказывает седативное, противосу-

дорожное, болеутоляющее действие при ревматизме, желудочно-кишечных заболеваниях.

Любовь всех северных и арктических пушиц к избыточно влажным местам – болотам, сырým лугам, берегам озёр – не случайна: их ползучие или укороченные корневища жадно сосут даже в короткие белые ночи воду, передавая её вверх по стеблям во время цветения и после цветения. Ведь надо успеть за несколько тёплых недель дать семена, своё полноценное потомство!.. Соцветие пушицы состоит из одного или нескольких многоцветковых колосков. Цветки обоеполюе, сидящие в пазухах пленчатых чешуй. Плод – трёх, редко четырёхгранный. Рылец три, иногда четыре.

Простое «устройство» этого многолетнего растения обеспечивает ему особую живучесть в суровых климатических условиях Севера, Арктики (здесь тундры нередко покрыты на многие километры сплошными зарослями пушицы).

Почти полтора месяца цветут и плодоносят пушицы, украшая собой любое болото!.. Бывают ведь, кроме чисто белых, и ярко-рыжие пуховки, которые издали напоминают стелящийся по тундре... огонь!..

Пушица стройная, пушица влагалищная, пушица широколистная, пушица многоколосковая (узколистная), пушица рыжеватая, пушица Шейхцера и другие хорошо знакомы коренным жителям наших северных территорий, использующих их и для лечения, и для хозяйственных нужд.

Например, от тундровой и до тепломерной зоны Сибири, нашего Дальнего Востока, полуострова Корея и Японии растёт пушица стройная, дающая летом красно-коричневые плоды до четырёх миллиметров длиной. Букет таких засушенных растений – прекрасное украшение любого жилища зимой!

Кстати, раньше пуховки пушиц использовались в бумажном производстве, в качестве примеси к овечьей шерсти, хлопку, шёлку.

Набивали ими и подушки...

Но всё же, в природе всем пушицам отведена особая большая роль в торфообразовательных процессах, где связывается избыточный углерод, не поступающий таким образом в атмосферу.

...Наша скромная северная пушица именно из той славной когорты «связывателей» углерода, что давно и успешно накапливают его в толще торфяников, илов!..

Словом, простота, красота и полезность для человека, для природы пушицы несомненна!

Многочисленное семейство осок, в которое и входят все пушицы, преподнесло мне в нынешнем июне небольшой сюрприз. Я обнаружил неподалёку от конечной остановки дачного автобуса на Оленьем острове незнакомку – и тоже с пуховыми головами наверху. Росла она почти в полном одиночестве на краю небольшого болотца и бросилась мне в глаза издали. Пришлось сойти с крутой обочины автодороги и подробно рассмотреть, и сфотографировать красавицу!..

Возможно, это и была молодая пушица влагалищная, растущая и на моховых и осоковых болотах, и по заболоченным хвойным лесам тундровой и таёжной зон и высокогорий Европы, Кавказа, Сибири, Дальнего Востока, Северной Монголии, Северо-Восточного Китая, полуострова Корея, в Северной Америке.

На фотографиях она представлена в виде широкого раскидистого куста-кочки с шапкой ярко-белых пуховок поверх зелёных стеблей.

Моя же пушица ещё явно не обзавелась своим многочисленным семейством и одна скромно красовалась среди другой жёсткой осоки... Болото было сырое после недавних проливных дождей, и я не рискнул углубиться в него, под полог чахлах болотных сосенок, чтобы поискать ещё экземпляры новой знакомой...

Биологическое описание растения явно сходилось с моей пушицей!..

Не теряю надежды найти когда-нибудь на юганских или сургутских болотах и пушицу Шейхцера! Этот вид населяет зону арктических пустынь Гренландии, тундровую зону, лесотундру и северную часть лесной зоны Скандинавии, Азии и Северной Америки, тундровый и альпийский пояса гор умеренной части Северного полушария. Обычен в заболоченных тундрах, на берегах рек и морских террас. Реже встречается на болотах лесной зоны...

А вдруг мне повезёт? И найду пушицу Шейхцера возле обских протоков?

Кстати, вид назван в честь швейцарского натуралиста XVIII века Шейхцера. Открытое им многолетнее травянистое растение высотой всего от 10 до 30 сантиметров, но пуховки пушицы Шейхцера крупные, очень густые и практически шаровидной формы. Цветёт она в июле, плодоносит в августе...

Ещё одна пушица – стройная – образует плотные кочки. Листья у неё тёмно-зелёные, поникающие, а стебли многочисленные, прямые, 30-100 см высотой. Растёт по зарастающим берегам озёр, моховым и торфяным тундрам в тундровой и таёжной зонах северного полушария.

Эта разборчивая гостья тундр у нас предпочитает солнечные места и кислую воду (илистую кислую почву).

В начале июня с. г. в пойме протоки Сырой Аган я встретил у небольшого озера огромную роскошную кочку, образованную сотней – другой прямых невысоких стеблей. Возможно, это и была пушица стройная!? Ведь трава на этой кочке никак не походила на обычную резучую осоку...

2009 г.

Цветёт в пойме Оби дёрен!

...В середине июня зацветают в наших северных краях рябина, калина, дёрен сибирский! Это как бы последний привет весны и молодого лета!.. В пору летнего солнцестояния, в пору прозрачных белых ночей совершается незримый поворот в природе: день идёт на убыль, а лето стремится в зенит... Скоро, совсем скоро эстафету примет жаркий июль, когда и зелёные травы, и деревья, и цветы бурно взрываются в росте, чтобы уже в августе, утомившись от дел, немного отдохнуть и начать готовиться кто к листопаду, кто к отмиранию...

Словно прекрасный сон пролетает в Среднем Приобье чудесное, щедрое на грибы, ягоды лето!..

И если весь июнь в лесу всё таинственно и неудержимо цветёт, то через месяц-полтора тайгу вовсю наводняют сборщики даров природы. Им она приготовила изумительные подарки! Им – и птицам, и зверям!..

Белые и голубоватые плоды свидины белой, или дёрена сибирского, человек не собирает – не вкусны, несъедобны! Но пернатым нашим братьям и они сгодятся...

В своих лесных странствиях я встречал дёрен (так зовётся кустарник с красноватыми ветками в простонародье) повсюду: на берегах Оби, по всем обским протокам, на лесных опушках. Не так много его, но разрастается свидина на приволье широким зелёным шатром, который на исходе лета вспыхивает вдруг пожаром ярко-багровых и кроваво-красных листьев.

...В конце второй декады июня снова иду на заветную полянку. Всего за три недели голая, с бурым опадом прошлогодних листьев, холодная земля вдруг покрылась живым зелёным ковром разнообразной растительности! И первыми проклюнулись ростки могучей травы – аконита и ядовитого вороньего глаза; потом зазеленели папортник-голокучник, куртинки костяники, майника двулистного, княжика сибирского. И вот уже радостно цветут шиповник, малина! А на Святую Троицу я здесь снимал настоящие черёмуховые сады! У рябины появились мелкие зеленоватые завязи плодов, а калина ещё доцветает...

После давнего лесного пожара моя заветная поляна заросла берёзой, осиною, тальником, черёмухой, рябиной,

бузиной красной, дёреном сибирским и княжиком – сибирской лианой, диким хмелем. Светло и просторно здесь и свидине, и акониту, и вороньему глазу, и дуднику! Никто не тревожит их весеннее распускание листьев и цветение...

Я вот один забрёл сюда с фотоаппаратом, записной книжкой. Но природа прощает меня: ведь я с детства натуралист, её защитник и певец! Только та самая певчая птаха беспокойно попискивает, облетая меня. И вдруг заливается громкими и красивыми флейтовыми руладами, как бы напоминая мне, что место тут уже занято, и чтобы незваный пришелец побыстрее убирался восвояси!..

Но и человеку здесь хорошо! Вот ещё другие птахи, подалее, запели, запереливались в радостных трелях, громко прокуковала глухая кукушка; в пойме Сырого Агана крикают утки, почти безумолчно кричит кулик мородунка...

Ещё с рыбацких ночей на Оби знаком мне этот странно-ватый и немного грустный крик, кажется, совсем одинокого кулика, бесшумной тенью скользящего над обской водой посреди короткой июньской или июльской ночи. Теперь вот слушаю его на обских протоках, близких к Оби. Для меня прекрасноголосая мородунка стала словно эмблемой молодого лета в Среднем Приобье! В конце июля, начале августа эти изумительно-мелодичные крики-пение кулика уже не услышишь.

Затруднительно словами передать все летние краски, запахи, звуки – это целый оркестр, многозвучная симфония Жизни!..

Снова подхожу к своей любимой свидине и снова фотографирую крупным планом красивые широкоэллиптические, цельнокрайние, с множеством прожилок листья дёрна, которые поначалу проклёвываются всегда коричнево-оранжевыми, как у молодых осин. Теперь это крупные зелёные листья, снизу сизые; и везде на ветках множество мелких белых душистых цветков, собранных в небольших щитках и плавно покачивающихся на ветру. На них то и дело садятся шмели, осы, жучки, разные мухи, мошки, комары... Пир на весь мир!..

У каждого цветка четыре (а бывает и пять) лепестка – ланцетовидных, крестообразно простёртых. В начале лета цветоножки и завязь – более-менее пушистые.

Знаю по биологии, что свидина – дёрен – достигает трёх метров в высоту и ширину. Но моему кусту ещё расти и расти, хотя он уже на голову выше меня. Тень ближайших лиственных деревьев свидине нисколько не мешает; она может и в засуху прекрасно зеленеть и цвести. И 40–50-ти градусные морозы долгой сибирской зимы дёрен удивительно стойко и мужественно переносит! А про почву и говорить не приходится: любая подходяща!..

Зато как прямо-таки стремителен рост свидины белой сибирской: за год (за короткое-то лето) до полуметра в высоту и ещё больше в ширину куста!

Судя по всему, моему дёрену-подростку всего лишь пять-шесть лет (семя его сюда явно занесли птицы). И к моему семидесятилетию он станет, наверное, совсем взрослым, равным по высоте коньку крыши обычного дачного домика!..

Ни разу не встречал дёрен сибирский в самом Нефтеюганске. А вот в других европейских и сибирских городах он любим – часто используется в декоративных группах, в живых изгородях.

Относясь к семейству кизиловых, свидина белая, или дёрен сибирский, занимает в нём свою особую нишу: как бы пьедестал красоты, жизнелюбия! Именно всем своим обликом, всей своей натурой свидина дарует нам радость, вдохновение, отдых и души, и тела! Как приятно лечь на мягкую зелёную траву в широкой и светлой тени дёрена сибирского и смотреть сквозь пёстрый, ажурный узор его листьев на высокое голубое небо с величественно проплывающими по нему кучевыми громадами-облаками, слушать мелодичные песни разных лесных птиц!..

Островные леса любимого Юганского Междуречья – мой бесплатный «питомник»! И свидина белая – дёрен сибирский – в них любимейший мой кустарник, знакомый с детства по Северному Уралу.

Десятки, сотни прекрасных фотографий подарил мне этот весенний, летний и осенний франт, никогда не наводящий уныния, серой скуки и тоски! В любое время года дёрен свеж, чист, оригинален, красочен и дарит нам радость жизни и любви!..

Ольховый сказ Земли

...Впереди меня лежало обширное верховое болото, по краю которого петляла речонка, густо заросшая молодой светлой ольхой. Её заросли тихо склонялись над водой, нежно переплетались тонкими гладкими стволами и ветвями, а снизу жалили неприступной крапивой, кололи до крови острой осокой и засохшими сучьями, коварно спрятанными в высокой зелёной траве и пышном мхе.

Это был свой, особый мир: не плохой и не хороший, но для меня вполне гармоничный, звучащий музыкой воды, чуть слышным шелестом мириадов клейких, сплошь с прожилками, ольховых ладошек-листочков, пением речного сверчка, бегом по небесной синеве июльских кучевых облаков и громаханием ещё далёкой, но неуклонно надвигавшейся грозы...

Забрёл же я сюда в поисках чёрной и красной смородины, пахучей таволги, других речных и болотных лекарственных растений – бесплатных даров Божественной аптеки, создававшейся природой миллионы лет. Многочисленные зелёные шишечки уральской ольхи тоже были из их числа, но им ещё предстояло созреть!..

– Приду за вами осенью, возможно, в начале зимы! – вслух говорю невысоким ольховым деревьям, с любопытством рассматривающим нежданного пришельца-человека. Да, здесь гораздо чаще проходят лоси, медведи, волки, прячутся зайцы и лисы, ухаёт в ночной темноте филин, вторят ему ушастая сова и неясить. По одной из таких звериных троп я и забрёл в ольховые кущи...

Сырые и тёмные ольшанники (особенно состоящие из одной ольхи чёрной) не особенно любимы в русском народе, хотя эти деревья – прямые родственники нарядной летом и зимой милой берёзоньки белой – пушистой, бородавчатой и повислой!

Считается, что, как и осина, ольха по своей биоэнергетике не благоприятствует здоровью человека: постоянная головная боль, нервные срывы, нарушения функций сердечно-сосудистой системы и т. д. Долго в сыром ольховнике не протянешь, сразу захочется в звонко-румяный сосновый бор, на горячий солнечный припёк! Там-то уж точно нет этой

болотной и водяной нечисти, высасывающей из нас соки, насылающей хворобу, несчастья!..

Пока я собирал крупные ягоды чёрной смородины, пока рвал на зиму её пахучий лист, набивал торбу цветущей таволгой, июльская гроза вдруг резко придвинулась. Над головой загрохотало так, что я аж пригнулся к земле!.. Бежать, спастись от сверкавших тут и там синевато-огненных молний-шнуров было бесполезно...

...Ливень приударил с новой силой. До нитки промокший, читаю про себя Иисусову молитву! К грозе я, впрочем, привычен с детства, меня не пугают пушечные раскаты грома, яростно ударяющие то в высокие сосны, то в смолистые лиственницы неуловимо-слепающие молнии! Не раз после таких гроз я видел расщеплённые, размочаленные стволы братьев наших меньших, находил крупные обломки толстой коры, ещё зелёные живые ветви и слезившуюся смолой длинную белую щепу, отброшенную с деревьев невиданной силой далеко окрест!

Но то были хвойные великаны, своими могучими кронами притягивавшие небесное электричество! А низкорослая ольха? Разве в неё может ударить хоть плохонькая молния?!

– Ба-бах!!! – подтвердили небесные силы. Где-то рядом застонало дерево, и в мутную воду ручья шлёпнулась срезанная ольховая вершина...

...Слава Богу, гроза быстро пронеслась на восток. При свете очищающегося от грозовых туч неба разглядываю обожжённую почерневшую ольху. Увы, такое могло случиться и со мною!..

«...Ольховый туман похож на... обман!»

Примерно так мой уральский друг-натуралист Александр Николаевич Пискунов поэтично-точно написал об этом интересном природном явлении, увиденном им однажды в верховьях речки Вогулки! Именно обманчивыми колыхающимися волнами весеннего тумана показались ему издалека густые заросли серой ольхи!

Тонкая плёнка бересты, хорошо пропускающая свет, скрывает под собой в коре слой хлоропласта, который и заменяет пробуждающемуся деревцу... листья! Фенологи недаром считают первый день цветения ольхи началом весны!

И в наших российских лесах ольшанники цветут и вегетируют раньше всех!.. Иногда в самые промозглые апрельские холода, когда ещё местами лежат снежные сугробы, а лёд на реках и в озёрах не менее полуметровой толщины!

Свои жёлто-зелёные украшения (серёжки) ольха выбрасывает лишь для того, чтобы опылить крохотные женские цветки-шишечки. И на это расходуется огромное количество пыльцы, лёгким облачком поднимающейся при сильных порывах ветра или при взлёте стайки шустрых зябликов, только что прибывших на Урал из далёких южных краёв!

Нет ещё вокруг ни шмелей, ни пчёл, ни бабочек, а у ольхи уже происходит маленькое чудо... самоопыление! Независимая она от капризов природы красавица!.. И всякий знающий толк в ботанике и биологии человек может встретить моё маленькое божество хоть в горах Вьетнама, хоть на... Огненной Земле, куда оно умудрилось пробраться по склонам Кордильер и Анд из Канады и Аляски!

Все эти немереные пространства Земли были покорены невзрачной с виду ольхой, благодаря её исключительно высокой специализации!

Ведь помимо умения стать деревом-первоцветом, она ещё – и прекрасный медонос, и почвообразователь, и охранитель водоёмов и болот! Эрозии почв никогда не бывает на поросших ольшанниками склонах оврагов, берегах рек и озёр. Наоборот, здесь начинают расти и закрепляться крапива жгучая, другие травы и кустарники, использующие столь необходимый для жизни растений азот, производимый азотсодержащими бактериями в клубеньках корней ольхи.

Ольха и зимостойка, и растёт быстро, и относительно теневынослива; в морозные зимние дни именно в ольшанниках можно встретить незамерзающие родники, выходы тёплых грунтовых вод...

В смеси с ивами и ольхой чёрной она распространена от границ леса с тундрой до засушливых степей; а в Иране и на Кавказе поднимается в горы на высоту почти два с половиной километра (ольха сердцелистная). Обычна в странах Средней и Западной Европы. Забайкалье, Япония, Корея, Индия и Китай – тоже её родина (ольхи сибирской, пушистой и красильной).

Относясь к роду листопадных однодомных деревьев семейства берёзовых, ольха не только не считает себя «бедной родственницей» нашей поэтичной российской берёзонки белой, но и стала её, можно сказать, старшей сестрой. С давних времён она, героическая «иностранка», удосужилась войти в сказания, легенды и предания многих народов.

Ведь ещё в исландских сагах первый весенний месяц март именовался удлиняющимся месяцем пробуждающейся ольхи. По представлениям же друидов, зацветающая ольха ассоциировалась с началом года (календарный год у кельтов, кстати, начинался именно в марте!).

В народных славянских представлениях, в песенном фольклоре ольха – женщина! Старославянское «ольха/эль-ха» произносилось с ударением на первом слоге... Хэ́льга, Э́льга, О́льга, Э́льха, О́льха! Прекрасные скандинавские, варяжские и русские имена!

Даже в православие проникла наша ольха! Ведь по славянской легенде, ольховые прутья ломались при бичевании Христа, за что Спаситель и благословил это дерево! И наделил его особыми способностями: защищать людей от нечистой силы, охранять дом от ведьм и чертей и т. д.

Ольха, удобряющая почву, способствующая плодonoшению земли, считалась благоприятствующей и человеческой плодoвитости!

Всегда была незаменима ольха как источник природных красителей; из её коры, молодых веточек и цветов изготавливались аж... пять красок! Огненно-красная и чёрная, коричневая и жёлтая, ярко-зелёная. Такими празднично-нарядными цветами любили окрашивать ткани древние славяне, германцы, кельты. А красная ольховая краска именовалась даже королевским пурпуром!

«Огненное дерево» – ольха – всегда притягивала молнии! Древние люди использовали этот живой небесный огонь для обогрева своих жилищ, для приготовления пищи и для защиты от диких зверей. А потом из древесины ольхи стали получать первоклассный древесный уголь, жар которого высоко ценился древними металлургами и кузнецами...

Но ольха покорила не только огонь титана Прометея, но и воды Великого Потопа, которые тысячи лет назад

превратили север Евразии в затопленные и заболоченные необозримые пространства с редкими островками тверди. На негниющих ольховых сваях во времена мезолита, неолита и ранней бронзы стояли знаменитые свайные постройки селищ Нокола на озере Лача в Каргополье и Модлена на Вологодчине, Шигирского и Горбуновского торфяников на Среднем Урале, культуры Матлемозе в Дании, культуры террамор в Северной Италии и современных им поселений Северной Германии, Швейцарии, Придунавья. До сей поры на ольховых сваях стоят венецианские палаццо и дома бюргеров Амстердама! Из ольхи наши предки рубили колодезные срубы, делали пирсы, мосты, гати.

...У свежесрубленной ольхи древесина белого цвета, но тут же на глазах она становится оранжевой, а затем красной. Через коричневый к светло-шоколадному с розовым оттенком древесина ольхи окрашивается только после того, как её высушили и выдержали. По декоративным свойствам правильно обработанная древесина ольхи намного превосходит ореховую!

Станковая и камерная скульптуры, настенные резные панно и декоративная посуда; высококачественные угли для рисования и многое другое даёт человеку ольха! Её великолепные по текстуре и рисунку капы не сравнятся даже с карельской берёзой!..

Ольха серая, ольха чёрная – и наши сильнейшие ЦЕЛИТЕЛИ! От «ста болезней» – эти деревья! Настой листьев и настойку почек чёрной ольхи врачи применяют сегодня в составе противоопухолевых комплексов. Также успешно используют и соплодия ольхи. В Великую Отечественную войну именно эти соплодия ольхи широко применялись в госпиталях для выздоровления бойцов. Противовоспалительные, кровоостанавливающие, они и сейчас в большом ходу у народных целителей! При врачевании идут на ура кора, шишки, листья ольхи! Десятки, сотни тонн свежего целебного сырья в год...

...В нашем Ханты-Мансийском автономном округе растёт только ольха серая (да ещё ольховник кустарниковый).

На лесных пойменных островах я почти не встречал ольху – больше здесь тальника, осины, берёзы, черёмухи,

калины, рябины, дёрена сибирского, шиповника, малины, чёрной и красной смородины! На высоких гривах – много корабельной сосны, чуть ниже – кедра, ели...

А вообще-то, исконная родина нашей простой ольхи – берега рек, окраины болот, даже вырубки, заболачивающиеся низины. Вода и ольха, пожалуй, – синонимы!

Подальше от обской поймы ольха становится выше, стройнее и пышнее. Её гладкие стволы с корой тёмно-бурого цвета достигают иногда высоты семи-восьмиэтажного дома (но чаще в два-три раза меньше).

Огромную (как кедр!) ольху я никогда нигде не встречал. Даже во сне не приснилась, хотя (по соннику) «...находиться в роще ольхи – быть в ожидании неприятностей». Тем не менее, наша обычная ольха чёрная иногда сравнивается на сибирских привольях с... 13-этажным домом – и никого из сибиряков это не удивляет.

Но, думаю, что великанши-ольхи в мире всё же есть, хотя бы на... Кавказе. Там она (ольха сердцелистная) вымахивает в высоту до 30 метров при обхвате ствола метра в полтора! Такие чистые девственные ольшанники в горах, вдоль берегов горных речек, – истинное чудо Природы! Что-то подобное произрастает ещё в Иране.

Как реликтовый вид с сокращающимся ареалом упомянутое мною дерево-гигант было занесено в Красную книгу СССР.

И именно эта высококлассная ольха применяется на строительстве подводных сооружений, свай, срубов, даёт всякие прочные краски, используется для дубления кож, в мебельном деле и т. д. и т. п.

И превращаться в «краснокнижника» сибирская чёрная ольха явно не собирается!

Как, впрочем, и в других странах, в той же Германии, где она, конечно же, «пожиже» и пониже нашей, но вполне обычна повсюду.

Скажем же большое спасибо этому незаменимому дереву планеты, которое почитают и которым гордятся в селеньях и на далёких Гималаях!

Лесная нимфа — изящная одноцветка

1

...Еловый урман тянулся далеко вдоль уральской лесной речки.

Зелёные мхи пышными одеялами укрывали землю, гниющие стволы деревьев, старые вконец созревшие пни и колоды.

Сыро и сумрачно было здесь, под кронами вековых елей, с чьих нижних ветвей свисали седые бородатые лишайники.

Осока пыльчатая, ожика волосистая и кислица малая иногда оживляли эту картину, появляясь в пятнах скудной почвы между мхами и валежником. Сюда нехотя добирались лучи солнечного света, как бы лаская неприхотливую таёжную траву...

И вдруг что-то словно сверкнуло среди серого древесного хлама, среди зелёных стрелок осоки. Луч солнца упёрся в довольно крупный и изящный белоснежный цветок, свисавший на тонкой цветоножке. Листьев у растения почти не было видно, кверху тянулся один голый стебелёк с этим вот единственным красивым цветоносом...

— Одноцветка крупноцветковая!? — негромко ахнул я, тут же вспомнив яркий живописный рисунок из моего старого атласа лекарственных растений.

Да, это несомненно была она — лесная нимфа! Такая редкая гостья во всей нашей ближайшей округе...

Поясню сразу читателю, что растёт одноцветка крупноцветковая только в присутствии микоризного гриба, во многом и определяющего распространение «изгоя» на лесной территории и европейской части России, и Урала, и Сибири.

Вообще, некоторые биологи считают, что одноцветка, как и другие грушанковые, представляет собой переходную ступень к паразитизму. Но когда-то Карл Линней отнёс мою нимфу к роду грушанок и, соответственно, к семейству грушанковых. С тех пор много воды утекло — и современные ботаники-систематики одноцветку крупноцветковую относят уже к семейству... вересковых (а это и сама грушанка, и вереск, и водяника, и зимолюбка, и толокнянка, и ортилия однобокая, и кассиопея, и рододендрон, и арктоус, и багульник).

«На Северном Урале широко и повсеместно она, одноцветка, распространена, – пишет мне Александр Фёдорович Меркер, – в зелёномошных и чернично-зелёномошных хвойных (еловых, сосновых) лесах. На Кытлымском горном массиве обнаружена во многих местах горно-лесного пояса, например, у второго мостика выше переправы через реку Конжаковку – по марафонской тропе.

Посылаю Вам три фотографии одноцветки. Сделаны они в окрестностях города Североуральска и у подножия Конжаковского Камня».

Из того же Североуральска мне написала и натуралист Светлана Катана: *«... А есть ещё в наших лесах лекарственное растение – одноцветка крупноцветковая. У лесных народов – манси – это растение очень уважаемо, и зовут они его "изгой" (в переводе, наверно), то есть "изгоняющий болезни"».*

2

Народные названия одноцветки: геликук, грушанка, келикейка, килетех, лютик боровой, майская трава, подхоломка, светелка, телетейка – дают некоторое представление о характере необычного растения. Росточка оно очень небольшого – от 5 до 15 сантиметров, с вечнозелёными листочками и божественно-нежным, изумительно пахнущим одиночным поникающим цветком на верхушке стебля.

Кстати, после цветения заметить крошечную одноцветку среди мха очень трудно. Но цветоножка, освободившись от тяжёлого цветка, выпрямляется, а на ней вызревает небольшой шаровидный плод-коробочка.

Конечно же, самое прекрасное в этом растении – сам цветок диаметром около двух сантиметров. Появляется он во второй половине июня и держится ещё и в июле; первый раз побег зацветает на второй-четвёртый год жизни, однако цветёт обычно не ежегодно. Цветки одноцветки без нектара, но сильный их запах привлекает различных насекомых-опылителей: мух, жуков, клопов, шмелей (и даже некоторых... мелких животных).

Впрочем, если вокруг такой живности нет, одноцветка... самоопыляется!

Базиадальные грибы, найденные в корнях грушанковых (в том числе и одноцветки) позволяют утверждать, что она – микотроф: прорастание её семян происходит только в присутствии такого гриба...

Некоторые учёные считают, что все грушанковые вообще паразитируют на микоризном грибе или через его посредство – на соседних высших растениях.

Так или не так, но на красоте одноцветки это обстоятельство никак не сказывается!..

Вот и я тогда, потный, усталый, раздражённый, тихо склонился к моей лесной нимфе и вдыхал, вдыхал её нежный стойкий аромат! Пять ослепительно белых, широко распростёртых лепестков глядели мне в лицо со дна таёжного океана и словно... исцеляли душу и тело! «Из грушанковых ты или из вересковых – какая разница? – думал я, низко наклонясь над своей одинокой лесной феей...

Позже, живя уже в ХМАО-ЮГРЕ, я встретил на Оленьем острове саму грушанку и её родственницу – ортиллию однобокую. Но, к сожалению, одноцветки не было, ведь хвойный лес здесь после давнего лесного пожара почти полностью сменился на лиственный, да и сильно захламлён сейчас свалками. Хотя потом и в энциклопедии «Югра», и в фенологических записках Юрия Гордеева упоминания о моей нимфе нашлись (обитает, к примеру, на Самаровском Чугасе). И даже наверняка растёт одноцветка крупноцветковая в предгорьях Приполярного Урала, тесно примыкающего к Северному Уралу! Сбереечь её здесь при будущих горно-рудных разработках «Каменного пояса» НЕОБХОДИМО!

Что ещё интересно? Все наши грушанки (и средняя, и малая), ортилия, зимнелюбка зонтичная зимуют с зелёными листьями, и потому ранней весной, когда нет другого корма, служат пищей диким животным! Возможно, лоси, зайцы, кабаны, косули кушают и одноцветку?

И ещё. По данным учёных-биологов, милая наша одноцветка крупноцветковая распространена на Украине, в Беларуси, в Крыму, на Кавказе, в хвойных лесах таёжной зоны России, в Центральной Европе, в Скандинавии, Северной Америке. Сибирь и Дальний Восток, горы Средней Азии – тоже её родина!

В нынешнем июне на южном берегу обской протоки Сырой Аган я встретил незнакомые мне раньше подмаренник северный, василистник жёлтый и частуху подорожниковую. Все эти растения – целители!..

Дремлет над обрывом дремлик

Наш «краснокнижник» дремлик тёмно-красный поселился на береговых скалах Сосьвы, Ивделя, Вижая, т. е. в верховьях горных речек южной части Северного Урала. В частности, это ландшафтные заказники «Ивдельские скалы» и «Вижайские скалы», «Скалы на реке Северная Тошемка»; памятники природы на реке Сосьва – скалы «Чёртово городище», «Скалы Самские» (Денежкины скалы); геоморфологический памятник природы на реке Вагран скалы «Три брата» в окрестностях города Североуральска и посёлка Всеволодо-Благодатский, Североуральского района.

Называю эти конкретные адреса со смутной тревогой: не нагрянут ли сюда «дикие» туристы, «ценители» обильных пышных букетов, или разные столь же необразованные и алчные «фитотерапевты»!?

Кстати уж скажу: облюбовала эта редкая орхидея и скальные берега рек Чусовая, Серьга, Уфа, Тура; а в равнинных районах Зауралья вид известен только на территории национального парка «Припышминские боры».

«На всём Батюшке-Урале, – пишет мне ботаник-биолог А. Ф. Меркер, – дремлик тёмно-красный распространён от Полярного Круга (река Уса) до бассейна реки Белой и островных боров степной зоны Южного Урала!».

Что же – рвать его теперь безбожно, собирать на лексырьё, не зная, от каких таких хворей исцелит?.. Разве рука у кого подымется!? Будь у меня власть и деньги – поставил бы у каждого такого растения таблички: «Наш дремлик – дороже золота, дороже платины!».

Что касается северного полушария, то, конечно, изредка дремлик тёмно-красный встречается в Европейской части России, на Кавказе; распространён он ещё и в Западной Европе, Малой Азии, в Иране. Отмечено его произрастание местами в Беларуси, на Украине, в Прибалтике, в Удмуртии, Чувашии, Марий Эл, в Ульяновской области, в Татарстане.

Это помимо других редких орхидей, к коим относятся венерин башмачок, пальчатокоренник пятнистый, дремлик болотный, дремлик широколистный, ладан трёхнадрезный,

ятрышник шлемоносный, любка двулистная и др. (всего 25 видов).

Но и их ведь надо СОХРАНЯТЬ! Как?

Учёные-биологи настоятельно рекомендуют организовывать ООПТ (особо охраняемые природные территории) в местах обитания орхидей; полностью запретить сбор цветов и даже поиск новых мест произрастания того же дремлика тёмно-красного! Пусть бесстрашно и вольно цветёт и растёт, как рос миллионы лет, полюбив эти родные известковые скалы и берега уральских рек (он-кальцефил)!

В июле возле цветов дремлика тёмно-красного, имеющих сладковатый запах ванили, вьются осы, пчёлы, шмели, жуки: каждый хочет нектара! Взамен насекомые опыляют орхидею, которая размножается преимущественно семенами!

Кстати, припомнил «родственника» нашего – ятрышник-дремлик!

Это типично европейский вид, распространённый в Скандинавии, Средней и Атлантической Европе, в Средиземноморье, в Прибалтике, Молдавии, на Украине, в Беларуси, в Брянской области РФ... Ещё много десятилетий назад ятрышник-дремлик был внесён в Красные книги СССР и БССР, в Положение II Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (под влиянием хозяйственного освоения территорий человеком).

Как видим, всем орхидеям – не сладко!

...С лесником Висимского государственного заповедника Анатолием Галкиным мы много ходили по скалам-отрогам Главного Уральского хребта.

И вот однажды под вечер набрали на один малоизвестный склон, под обрывом которого виднелись слои белых известковых пород.

Сказать, что мы «ахнули!», мало: среди золотоствольных сосен, среди пышных рябин, среди кустов бузины красной на сухом каменистом склоне красовались несколько высоких орхидей! Поникнув тёмно-красными головами от июльской жары, дремлики словно... дремали, видя в своём полусне что-то далёкое, феерическое, неземное... Какую-то волшебную сказку!..

Легенда о Дремликке

Жил в деревне охотник – ладно скроен, хорош собой. Девушки бегали за ним гурьбой. Но он не обращал на их ухаживания никакого внимания. Однажды, отправившись на охоту, он повстречал удивительную красавицу в платье, сотканном из тончайших былинки и цветочных лепестков, голову которой венчала корона из сосновых веток. Это была Владычица Леса. Крепко полюбили они с охотником друг друга.

Скоро в деревне заметили: с охотником происходит что-то странное – он на весь день уходит в лес, а возвращается без добычи!

Тогда одна деревенская девушка, которая давно была в него влюблена, решила выяснить, в чём тут дело. В следующий раз, как пошёл охотник в лес, она проследила за ним и увидела его свидание с Владычицей Леса.

Зависть и обида разгорелись в сердце девушки. На следующий день она выпросила у знахарки сонного зелья. Затем пришла в избушку, где жил со старушкой-матерью красавец-охотник, и хитростью заставила его выпить это зелье.

Неодолимая дремота напала на охотника. Но любимая ждала его в лесной чаще, и он, борясь со сном, отправился на свидание. Добрёл он до места их встреч, сел, прислонившись к высокой сосне, и тут же заснул глубоким сном.

Пришла Владычица Леса, увидела, что спит её любимый, принялась будить его, но он только причмокивал во сне, по-детски оттопыривая нижнюю губу. Рассердилась тогда Владычица Леса и превратила охотника в цветок.

Но он остался её любимым – иногда, обратившись в золотую пчелу, она прилетает к нему и пьёт с его губ душистый нектар.

...Красота и Сказка всегда живут рядом в Божественной Природе!

Но как нежно и осторожно нужно к ним прикасаться! Как легко грубой преступной ногой и рукой можно погубить, уничтожить эту земную Красоту! Лишь одним брошенным окурком, непотушенным костром, разливом нефти, браконьерской вырубкой, сорванными букетами растений!

**БЕРЕЖЕНИЕ ВСЕГО ЖИВОГО МИРА ВОКРУГ НАС НЕ
МОЖЕТ ДЕЛАТЬ МЁРТВОЕ, РАВНОДУШНОЕ СЕРДЦЕ!**

Княжик сибирский, июнь 2009 г.

Вероника длиннолистная. Окрестности г. Лубная близ г. Верхний Тагил, июль 2009 г.

Пушица, июль 2016 г.

Ветка свидины белой (дёрена сибирского) с плодами и листьями, октябрь 2008 г.

Одноцветка крупноцветковая,
июнь 2016. Фото С. Катаны

Дремлик тёмно-красный, июль 2017 г.
Фото С. Катаны

Фотографии природы В. Назарова
на фотосайте Flickr:

<https://www.flickr.com/photos/uralizdat/albums>

Публикации и фотографии Владимира Назарова
в сети Интернет:

Литературно-художественный портал
«Изба-Читальня»

<https://www.chitalnya.ru/users/lesnoy>

Фотосайт «Расфокус»

<http://rasfokus.ru/vptaigin62178>

У автора этой книги есть своя стройная философия Природы. Во всех своих произведениях он убедительно иллюстрирует её основательность и правоту, и в то же время показывает её хрупкость и уязвимость.

Автор слышит её стон, он слышит её плач от неграмотного, варварского, потребительского и грубого обращения с ней.

И через всё своё творчество писатель лейтмотивом проводит мысль о целостности биосферы нашей планеты, где центральной фигурой является человек.

А отсюда и вывод делает о необходимости бережного отношения к Матери-Природе.

Данная электронная книга подготовлена Уральским Провинциальным Издательством на основе оригинал-макета печатного издания.

Уральское Провинциальное Издательство (Урализдат) осуществляет подготовку и издание книг в печатном виде и цифровом формате (Е-book).

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, проза и поэзия уральских писателей.

Подробно с деятельностью издательства и продукцией можно познакомиться на [сайте http://uralizdat.ru](http://uralizdat.ru).

Приглашаем на [Facebook](#), [Youtube](#), [Calaméo](#), [Flickr](#) и [Pinterest](#)

Наши книги можно приобрести на сайте издательства или интернет-магазинах:

РОКУРО

CDEK
маркет

facebook